

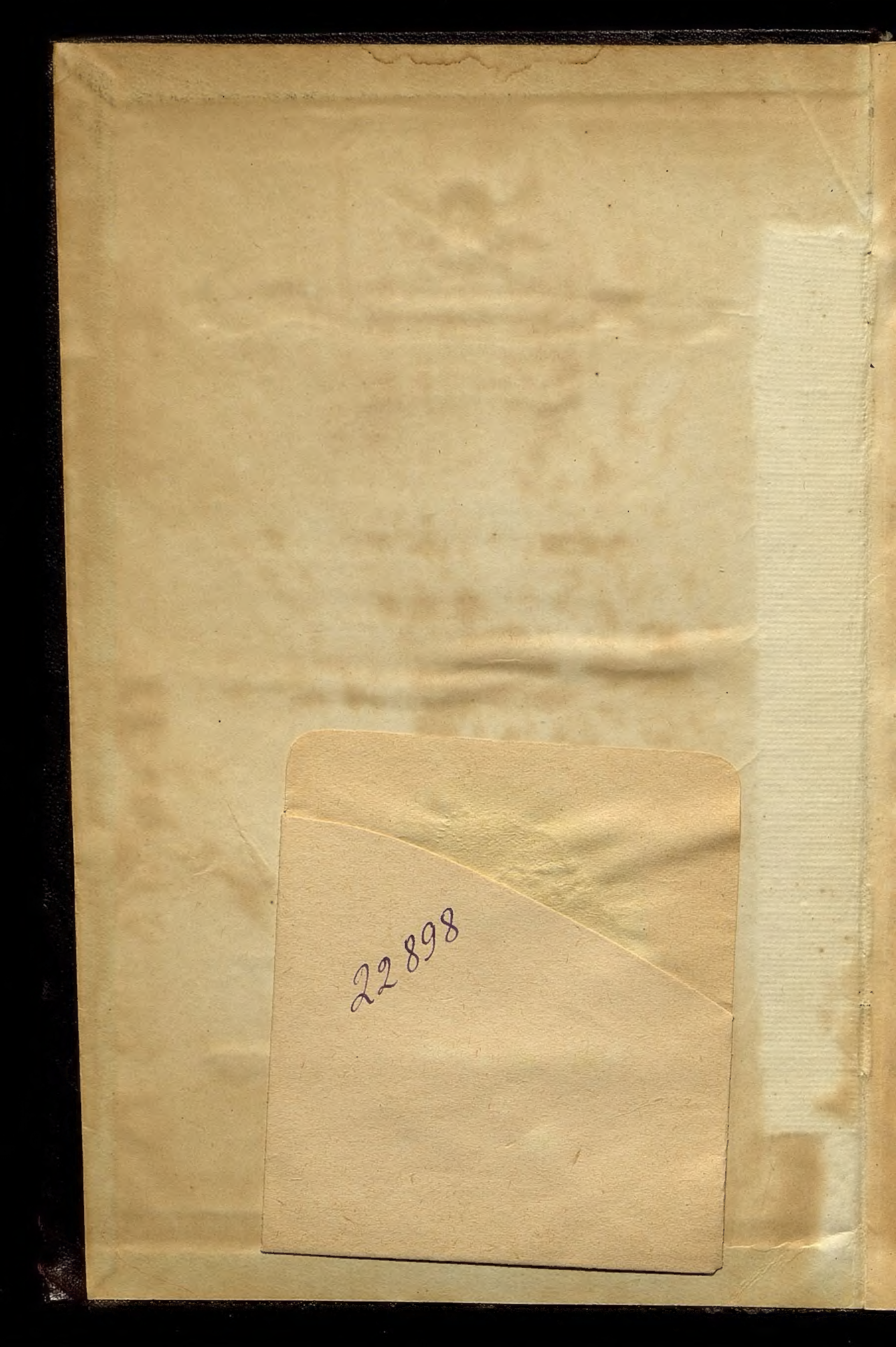

Л. С. БЕРГ

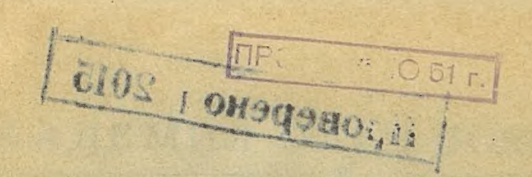
ВСЕСОЮЗНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ЗА СТО ЛЕТ

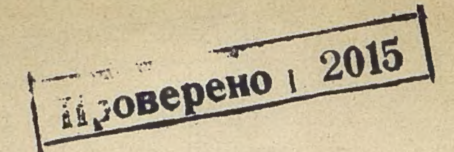
[illegible]

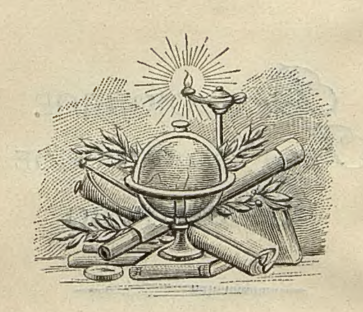

22898

Б. Креер

Всесоюзное Географическое Общество

1845
1945

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

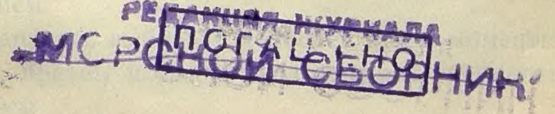
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Л. С. БЕРГ

ВСЕСОЮЗНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ЗА СТО ЛЕТ

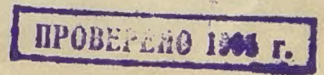

1946

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — Ленинград

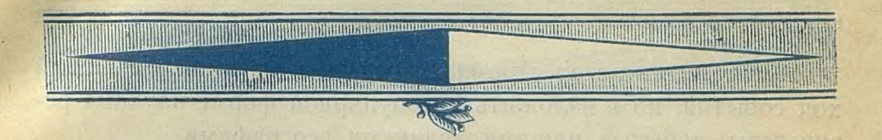

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы

Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нашу персть земля возьмет,
Имя славное нетленно.

ТЮТЧЕВ

Заслуги Всесоюзного Географического общества, одного из старейших в мире учреждений подобного рода, так хорошо всем известны, имена его великих путешественников — П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. Н. Миклухо-Маклая, Н. М. Пржевальского, П. А. Кропоткина, А. И. Воейкова и многих других — настолько популярны, в их географических открытиях так много увлекательного и романтического, что, думается, история столетней деятельности нашего Общества должна представить интерес не только для одних специалистов-географов, но и для каждого образованного человека.

Предприятия Географического общества весьма многочисленны и разнообразны, и нет никакой возможности изложить в этой книжке хотя бы вкратце все, что сделано этим учреждением.

Мы старались выбирать наиболее яркие моменты в жизни Общества, притом избегая углубляться в специальные научные вопросы.

Изложение маршрутов путешественников, понятно, также не могло входить в задачи предлагаемой книжки. Кому необходимы подобного рода сведения, тому следует обращаться к превосходной трехтомной истории нашего Общества за первые 50 лет существования, составленной его знаменитым главою П. П. Семеновым и напечатанной в 1896 г.

Вместе с тем автор стремился осветить не только внешний ход событий, но и изложить в популярной форме научные результаты, добытые нашими великими географами.

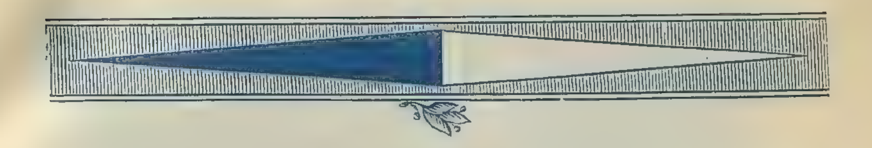
В книжке уделено сравнительно много места биографическому элементу. Сделано это по двум причинам. С одной стороны, автору, проработавшему без малого полвека (с 1898 г.) в среде Географического общества, довелось быть лично знакомым со многими выдающимися деятелями его. А с другой стороны, мы, вообще, очень мало знаем о жизни и трудах наших великих ученых, а между тем, дела выдающихся членов Географического общества составляют славу и гордость русской науки. Знакомство с достижениями великих географов особенно полезно для нашей молодежи, которая, следуя примерам выдающихся путешественников, таким путем «приобрела бы себе способность к чинению в предбудущее время самими собою таковых же наблюдений», как говорится в одной старинной книге.

Составителю этой книжки часто приходилось обращаться к материалам архива Географического общества. Заведующей этим хранилищем драгоценных для истории русской науки документов Б. А. Вальской автор считает долгом принести свою искреннюю признательность за постоянное содействие.

Предлагаемый труд посвящается памяти Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, который в течение 65 лет работал в составе Географического общества и свыше сорока лет стоял во главе его. Составитель имел счастье лично знать этого великого географа, исключительного по своим нравственным качествам человека и выдающегося государственного деятеля.

Ленинград, 10 июня 1945 г.

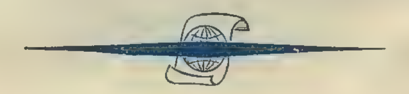

ВВЕДЕНИЕ

Русское Географическое общество — четвертое по старшинству среди соответственных крупнейших обществ мира. Старейшее Географическое общество, Парижское, основано в 1821 г. За ним по времени возникновения следует Берлинское, учрежденное в 1828 г. В Лондоне Географическое общество начало действовать в 1830 г. Первое общее собрание членов Русского Географического общества состоялось в Петербурге, в большом конференц-зале Академии Наук 7/19 октября 1845 г.[1] Уже после нашего Общества, в 1852 г., возникло такое же учреждение в Нью-Иорке.

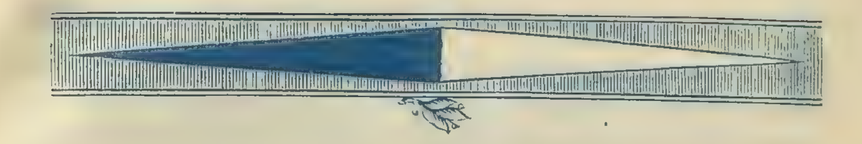
Прежде чем излагать историю нашего Общества, остановимся в самых кратких чертах на состоянии географической науки в России до времени основания Географического общества.

[1] В нижеследующем даты до 1918 г.— по старому стилю.

Петр Петрович Семенов Тян-Шанский
1827—1914

I

ГЕОГРАФИЯ В РОССИИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

ГЕОГРАФИЯ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Научные географические исследования начались у нас только со времени Петра Великого. Однако и допетровская Русь оставила нам ряд драгоценных географических памятников.

Основной, или начальный, летописный свод, относящийся к 1093—1095 гг., дает обстоятельную картину расселения русских племен. Еще более подробные сведения мы находим в «Повести временных лет» — своде, составленном в Киеве во втором десятилетии XII в. и носящем название Летописи Нестора.[1]

Касаясь этого источника, одинаково драгоценного как для истории Руси, так и для географии, известный историк и член нашего Общества И. Д. Беляев говорит: «наши предки некоторым образом походили на древних греков, у которых Геродот был первым историком и первым географом».[2]

Летописец был хорошо знаком с речной сетью Европейской России; лучше всего ему известен Днепр, впадающий в Понтское море тремя устьями. Говорит он о Двине, изливающейся в Варяжское, т. е. Балтийское, море, и о Волге, втекающей 70-ю устьями в Хвалисское, т. е. Хвалынское, или Каспийское,

[1] Лучшее издание «Повести временных лет» принадлежит акад. А. А. Шахматову (П. 1916, изд. Археограф. ком.).

[2] И. Д. Беляев. О географических сведениях в древней России. Зап. Геогр. общ., VI, 1852, стр. 1.

море. Летописец упоминает о Дунае, Днестре, Боге (Буге), Висле с Бугом и Нуром (Нарев), Сане, Ловати, Волхове, вытекающем из озера Илмерь (Ильмень) и впадающем в озеро Нево, т. е. Ладожское. О реке Неве не говорится, но сообщается, что из великого озера Нево «внидеть устие в море Варяжьское». Известны летописцу реки Луга и Мста, а из притоков Волги — Медведица, Шексна, Ока. Ни Онежское озеро, ни Северная Двина не упоминаются. Равным образом не знает летопись Нестора и об Уральских горах, но «Кавкасийские или Угорские» горы ей известны.

Весьма обширны сведения летописца по этнографии Руси. Он дает подробное перечисление русских племен: поляне сидели по среднему течению Днепра; северяне по Десне, Сейму и Суле; древляне занимали земли до Припяти; между Припятью и Западной Двиной жили дреговичи (от «дрягва» — болото); на Двине полочане (отсюда — Полоцк); у озера Ильменя словене; в верховьях Днепра, Волги и Двины кривичи, главным городом которых был Смоленск; латыши до сих пор называют русских кривичами (kreewi). Между Днепром и Сожем жили радимичи, которые были от рода ляхов (ср. город Радом в Польше). На Оке сидели вятичи, имя которых напоминает древнее название славян на Западе — венеды; потомками вятичей считают южновеликоруссов. По верхнему течению Южного Буга жили бужане, другим названием которых было, повидимому, дулебы; сюда же относятся, надо думать, и волыняне. Пространство между Днестром и Дунаем, т. е. позднейшая Бессарабия, было занято уличами и тиверцами, предками украинцев.[1] Весьма важные сведения сообщает летопись о брачных и погребальных обычаях русских племен.

Кроме русских и вообще славянских племен, летописец для территории Руси упоминает целый ряд других народов.

[1] О расселении русских племен в начале XII в. см. А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка. П., 1916.

Из финских племен он знает мерю, которая сидела на озерах Ростовском (Неро) и Плещееве (Переславском) и у Суздаля, мурому в устье Оки и в Муроме, весь на Белоозере, черемисов, мордву, затем чудь (эстов), «заволочскую чудь» (карелы?), пермь (пермяки), печеру (вероятно, зыряне, живущие между Вычегдой и Печорой), ямь (финны häme, потомками которых являются тавасты Финляндии), угру (югра). О югре летопись сообщает, что она вместе с самоядью сидит в полунощных странах, за печерою, у подножья высоких гор — очевидно, у Урала. Югра — это вогулы (манси) и остяки (ханты) (зыряне называют остяков ёгра).

Упоминает летописец и о других финских племенах, а также о литовских и латышских. Как видим, географические познания наших первых летописцев были весьма обширны, а главное — отличались удивительной точностью.

ГЕОГРАФИЯ В ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ ПОСЛЕ НЕСТОРА

Потребность в ознакомлении с географией Руси и сопредельных стран живо ощущалась правительственными органами Московского государства. О том, насколько необходимы были географические и статистические сведения для управления государством, свидетельствуют, с одной стороны, многочисленные, известные со второй половины XV в., писцовые, дозорные, межевые, приправочные, сошные и другие книги. Уже в 1462 г. существовали писцовые книги Бежецкого верха. К 1482 г. относятся дошедшие до нас писцовые книги Нижегородского уезда. [1]

Какой богатый материал для исторической географии Московского государства дают писцовые книги, можно судить, например, по диссертации Н. Рожкова «Сельское хозяйство

[1] П. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Изд. Акад. Наук, СПб., 1892, стр. 157.

Московской Руси в XVI веке», М., 1899,[1] в которой приведено распределение почв, пашни и леса для указанного времени.

С другой стороны, по летописям и иным памятникам мы можем судить о широте географического кругозора у образованных людей того времени. Об источниках по истории географических знаний на Руси вплоть до конца XV в. подробно рассказывает профессор И. Д. Беляев в упоминавшейся нами обстоятельной работе (1852, стр. 1—264).

Имелись в древней Руси и зародыши географических карт или «чертежи», существовавшие, несомненно, еще в XV в., а может быть, и раньше. Однако от допетровских времен подлинных чертежей дошло до нас не очень много. Между тем было их не мало, о чем можно судить по Описи делам приказа тайных дел 1713 г., в которой перечислено множество чертежей, большая часть которых, повидимому, не дошла до нас. Здесь, между прочим, находились следующие чрезвычайно важные документы:

Чертеж Хвалынского моря и к нему рекам и городам;

Чертеж от Вологды Кубинскому озеру и рекам, на которых стоит Вага, Холмогоры и иные городы и селы и деревни;

Чертеж Азовскому и Черному морям и Азову и Черкаскому да Крыму и иным городам;

Чертеж озерам Ладожскому, Илмени с иными озерами и реками;

Чертеж Волжской и Днепровской вершинам;

Чертеж Китайскому государству;

Чертеж Сибирским городам и многие другие.[2]

[1] Учен. зап. Моск. унив., 511 стр. Некоторые поправки см. у Ю. В. Готье. Замосковный край в XVII веке. 2-е изд. М., 1937, стр. 89—90. О составлении писцовых книг и о работе писцов подробно рассказывается в 1-й главе книги Готье. Как производилось землемерие, об этом говорит Милюков (стр. 66).

[2] Записки Отделения русской и славянской археологии Имп. русского археол. общ., II, СПб., 1861, стр. 25—28 (напечатано В. И. Ламанским). Опись эта сделана по распоряжению Петра I от 24 февраля 1710 г. графом Никитой Моисеевичем Зотовым. Дела Тайного приказа

Некоторые русские географические документы были использованы иностранцами, побывавшими в Московии и усердно собиравшими здесь сведения об этой стране. В качестве примера укажем на посла австрийского императора, Сигизмунда Герберштейна, посетившего Москву дважды, в 1517 и 1526 гг. В его «Записках о московитских делах» (1-е издание 1549 г.) имеется карта Московии, а также глава «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби», которая, как говорит Герберштейн, представляет собою дословный перевод русского дорожника, полученного им в Москве. Тот же Герберштейн обстоятельно описывает плавание Григория Истомы, совершенное в 1496 г. из Северной Двины мимо Вардё в Трондгейм («Дронт»); отсюда сухим путем в Берген, а затем в Данию. Описание сделано со слов самого Истомы.

В 1525 г. великий князь Московский Василий Иванович отправил в Рим, к папе Клименту VII, посланником Дмитрия Герасимова. Со слов Герасимова, итальянский писатель Павел Иовий в том же 1525 г. написал и напечатал книжку о Московии «Книга о посольстве Василия, великого государя Московского...». В том же году была, со слов Герасимова, напечатана в Италии и карта Московии, составленная Батистой Агнезе.

В своих вопросах к Стоглавому собору, заседавшему в Москве в 1551 г., Иван IV сообщал, что он распорядился «писцов послати во всю свою землю писати и сметити [размежевать]... земли, а мерити пашенная земля и не пашенная, и луги и лес; и всякие угодья смечати и писати — реки и озера и пруды, и оброчные ловли, и коли, и сежи, и борти, и перевесы [сети для лова птицы], и мыта, и мосты, и перевозы, и рядки, и торговища, и погостьцкая земля и церковная, и дворы, и огороды, и в книгах то все поставити». При этом пис-

поступили в Государственный архив в 1835 г. из Сенатского архива, который, вместе с Государственным архивом старых дел, помещался в подвалах здания 12 коллегий (ныне — здание университета). Здесь находилось свыше 2 миллионов дел.

цам была дана царем инструкция (наказ), как поступать при описи земель.[1]

По словам историка Татищева, Иван IV в 1552 г. велел «землю измерить и чертеж государства сделать». На основании каких источников Татищев привел это свидетельство, неизвестно. Как бы то ни было, к концу XVI в. какой-то чертеж Московского государства, очевидно, существовал. Об этом, не дошедшем до нас чертеже может дать известное представление карта Европейской России и части западной Сибири, изданная в 1613 г. в Амстердаме голландцем Гесселем Геррицем «по автографу царевича Федора Годунова», как значится на самой карте: Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foedor filius Tzaris Boris desumpta. Подлинная карта царевича Федора Борисовича, увековеченная Пушкиным в его «Борисе Годунове», была вычерчена в Москве около 1600 г., причем основой для нее служила карта из атласа Меркатора Russia cum confiniis 1594 г.[2] Карта Гесселя Геррица в издании 1614 г. воспроизведена И. И. Стебницким в Известиях Географического общества за 1889 г.

Ввиду того что старый Большой чертеж «избился весь и розвалился», в 1627 г., по распоряжению царя Михаила Федоровича, был составлен новый чертеж всего Московского государства, и к нему написана обширная объяснительная записка, или «Книга, глаголемая Большой чертеж». Этот чертеж, как и первый, ныне утерян, но им в свое время пользовались голландские географы XVII в. Масса и Витсен. Одновременно с Большим чертежом 1627 г. был составлен «Чертежъ украинскимъ и черкаскимъ городамъ от Москвы до Крыма», тоже описываемый в Книге Большого чертежа. Дополненная копия этого чертежа Украины, сделанная не ранее 1635 г., дошла до нас (она хранится в Стокгольме, в

[1] И. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. Журн. Мин. народ. просв., 1876, № 7, стр. 64.

[2] Сравн. также: К. И. Сербина, «Книга Большого чертежа» и ее редакции. Истор. записки, XIV, 1945, стр. 131

государственном архиве). Это, повидимому, один из древнейших, из числа дошедших до нас в оригинале, русских чертежей.[1] Размеры его 80 на 94 см.

«Книга глаголемая Большой чертеж» впоследствии издавалась 4 раза, впервые — Н. И. Новиковым в 1773 г. под заглавием «Древняя Российская идрография». Памятник этот, представляющий замечательное по своей точности топографическое описание нашего отечества, касается территории от р. Таны («Тенуй»), что ныне в Финмаркене, на западе, до бассейнов Оби и Таза включительно на востоке. Упоминается о Енисее. На севере сведения «Книги» простираются от Мурмана до Северной Двины, Печоры, р. Кары и о-ва Вайгача, на юге распространяются на р. Яик (Урал), Волгу до Астрахани, Северный Кавказ, Куру, Эмбу, Аральское море и Сыр дарью.

Низовья Оби стали известны русским не позже второй половины XIV в.; под 1364—1365 годом в летописи отмечен поход новгородцев, которые с Югры прошли на Обь, а отсюда спустились до моря. Холмогорцы стали ходить на Обь морем, вероятно, еще в начале XVI в., или даже в конце XV, судя по тому, что Герберштейн (1549), со слов русских, писал: «Ледовитое море простирается на далекое пространство за Двину вплоть до устьев Печоры и Оби». Отсюда они морем же вскоре проникли в устья Енисея, а затем и Пясины. Уже в 1582 г. англичане просили московское правительство о монополии на торговлю в устьях рек Сев. Двины, Мезени, Печоры и Енисея. В 1610 г. промышленники из устьев Енисея прошли в устье р. Пясины. Впрочем, устье этой реки стало известно русским еще раньше, судя по тому, что не позже 1609 г. был составлен русский чертеж, на котором изображены северные берега Сибири от Кольского полуострова до Пясины. В 1609 г.

[1] Он найден Л. С. Багровым и воспроизведен в его трудно доступной статье «Чертежъ украинскимъ и черкаскимъ городамъ 17-го века» (Труды, II, стр. 30—43; ни год, ни место издания, ни наименование «Трудов» на оттиске не указано), напечатанной не позже 1923 г.

голландский торговец и географ Исаак Масса, проживший в Москве с 1601 по 1609 г., перевел с русского языка на голландский сочинение, в котором описывались открытия русских на северо-западе Сибири. Эта статья, вместе с картой, скопированной Массой с русского чертежа, напечатана в 1612 г. на голландском языке в Амстердаме в сборнике «Описание страны самоедов в Тартарии... переведено с русского языка в 1609 году».

Около 1610 г. русские впервые узнали о Хатанге.

В 1940 г. отрядом Главного управления северного морского пути на северных и восточных берегах полуострова Таймыр сделаны замечательные находки, показывающие, что не позже 1619 г. русские промышленники с запада обогнули морем, через пролив Вилькицкого, мыс Челюскина и достигли восточного берега Таймырского полуострова, очевидно, направляясь в устье Хатанги. Именно на островах Фаддея и в заливе Симпса обнаружены остатки судна, компас, солнечные часы, медные котлы, оловянные тарелки, серьги, перстни, кресты и другие вещи, а, кроме того, свыше 3400 русских серебряных монет, относящихся к царствованиям от Василия III до Михаила Федоровича. Тут же найдены остатки скелетов людей. Таким образом, описываемое плавание совершено за 250 лет до Норденшельда, который, как полагали раньше, впервые обогнул морем мыс Челюскина. [1]

В 1620 г. мангазейцы с Нижней Тунгуски перешли на Вилюй, где прослышали про Лену. В 1633 г. бывший мангазейский воевода Андрей Палицын подал в Москве «великой реке Лене и розных землиц людем, которые по той Лене и по иным рекам живут, чертежь и роспись». Вскоре (к 1635 г.) Лена была проведана от Верхоленска до устья. В 30-х годах XVII в. были открыты устья Оленека, Яны, посещена р. Индигирка. В 1644 г. Михаил Стадухин сплыл по Индигирке до моря и морем пришел на Колыму. Через три года он же хо-

[1] А. Ф. Лактионов. Новые данные о плавании русских мореходов северным морским путем в 17-м веке. Изв. Геогр. общ., 1945, № 3.

дил сухим путем с Колымы на Анадырь, а отсюда зимою перешел на Пенжину и Гижигу. К 1648 г. относится знаменитый поход Семена Дежнева, прошедшего морем из устья Колымы, через пролив между Азией и Америкой, в устье Анадыря.

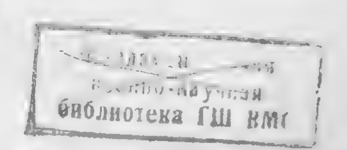
Как видим, завоевание Сибири сопровождалось весьма быстрым расширением географического кругозора. Не прошло и 60 лет со времени похода Ермака (1581—1584), как русские пересекли весь материк Азии и достигли берегов Тихого океана. В 1639 г. Иван Москвитин, отправившись из Якутска, достиг в том же году Охотского моря у впадения р. Ульи.

В Тобольске, административном центре Сибири, скопилось в начале XVII в. столько географических сведений о Сибири в виде отдельных, составленных служилыми людьми, отписок, росписей, сказок и чертежей, что явилась возможность приступить к составлению общего описания и чертежа всей известной тогда части Сибири. Повидимому, во исполнение указа тобольскому воеводе 1626 г., в Тобольске был составлен не дошедший до нас чертеж, объяснительной запиской к которому является, как полагают, «Роспись Сибирским городам и острогам». Дошел до нас «Чертеж Сибирския земли», составленный в Тобольске в 1667 г. по распоряжению воеводы Петра Годунова, а равно и текст к нему. Весьма любопытно в этом документе указание на то, что в 60-х годах XVII в. русские торговые люди сплывали из Якутска в устье Лены, а отсюда морем ходили на Яну, Индигирку, Алазею и Колыму.

В 1672 г. был составлен новый «Чертеж Сибирския земли», представляющий собою переработку чертежа 1667 г.

Из географических трудов 2-й половины XVII в. отметим «Книгу, а в ней писано путьшествие царства Сибирского» — отчет о путешествии из Москвы в Пекин, представленный посланником Николаем Спафарием по возвращении в Москву 5 января 1678 г. Здесь дано описание Иртыша, Оби и живущих на ней остяков, Байкала, Аргуни.

В 80-х годах XVII в. составлено «Описание новыя земли сиречь Сибирского царства».

В 1696 г. русские из Анадырска впервые проникли на Камчатку, и в течение 1697—1699 гг. Владимир Атласов прошел весь полуостров до самого юга, составил чертежи пройденного пути и дал прекрасное географическое описание полуострова. Последним значительным географическим трудом старого типа является «Чертежная книга Сибири», законченная Семеном Ремезовым в Тобольске 1 января 1701 г. Этот первый географический атлас Сибири, состоящий из 23 листов, впервые был напечатан в 1882 г. В атлас включена, кроме карт, над которыми работал Ремезов частью в Тобольске, частью в Москве в течение 1696—1700 гг., еще этнографическая карта Сибири, составленная в 1673 г. митрополитом сибирским и тобольским Корнилием, перечерченная Ремезовым.

Таковы главнейшие географические сведения допетровской Руси (чертежи Ремезова хотя производились по поручению Петра, но по выполнению они стоят еще на уровне допетровской науки).

ГЕОГРАФИЯ В РОССИИ ПОСЛЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕТРА I[1]

Научные географические исследования и вообще развитие географии как науки начались у нас только со времени Петра I. Здесь следует, прежде всего, отметить опись Каспийского моря, которая была сделана по распоряжению Петра Бековичем-Черкаским, Кожиным, Урусовым, ван-Верденом и Соймоновым в течение 1715—1719 гг.[2] На основании этих съемок, в 1720 г. была напечатана в Петербурге первая достоверная карта Каспийского моря, носящая название: «Кар-

[1] Подробности см. Л. С. Берг. Очерк истории русской географической науки. Изд. Акад. Наук, Л., 1929.

[2] Л. С. Берг. Первые русские карты Каспийского моря. Изв. Акад. Наук, сер. геогр. и геофиз., № 2, 1940, стр. 159—180.

тина плоская моря Каспийского от устья Иарковского до залива Астрабатского». Она была сообщена Петром I Парижской академии наук.

При Петре начаты были систематические съемки разных частей государства. В 1717 г. из Петербурга посланы «для сочинения ландкарт геодезисты» (тогдашнее название топографов) на р. Гжать, в Воронежский и Астраханский края и в другие места. Согласно указу от 9 декабря 1720 г., велено было отправить геодезистов в ряд губерний; при отправлении (1721) им даны «пункты, каким образом сочинять ландкарту»; в этой инструкции говорилось, что в каждом городе надлежит определять по квадранту широту места. Составленные геодезистами карты сначала доставлялись в Сенат. Вскоре после открытия Академии Наук (1725) туда, в качестве астронома, был приглашен из Парижа Иосиф-Николай Делиль, приступивший к работам по составлению карты России. Одновременно обер-секретарь Сената Иван Кирилов, на основании проходивших через его руки съемок, составил в течение 1726—1734 гг. 31 карту России, из которых 14—15 были напечатаны в 1734 г. в виде первого выпуска «Атласа Всероссийской Империи».[1] Из этих карт большое распространение получила и у нас и за границей «Генеральная карта России» 1734 г. Академия Наук, с своей стороны, выпустила в 1745 г. в двух параллельных изданиях, на русском и латинском языках, «Атлас Российской, состоящей из 19 специальных карт... с приложенною притом Генеральною картою великия сия империи». Карты опирались на 62 астрономических пункта и составлены в особой проекции Делиля, на секущем конусе.

Одним из последних географических начинаний Петра I было снаряжение в 1725 г. экспедиции Беринга для разрешения вопроса, где Азия «сошлась с Америкой». Экспедиции Беринга, продолжавшиеся с 1725 по 1743 г., представляют, даже на современный масштаб, громадное предприятие, науч-

[1] Л. С. Берг. Всероссийский атлас Кирилова. Изв. Геогр. общ., 1946.

ные и практические результаты которого трудно переоценить. Нахождение пути через Берингов пролив, описание Курильских островов и северной Японии, открытие берегов северозападной Америки Чириковым и Берингом, исследование Камчатки Крашенинниковым и Стеллером, работы Гмелина по изучению Сибири, неоценимые по своей важности для географии материалы по истории ознакомления с Сибирью, собранные Г. Миллером, и, наконец, совершенно исключительный подвиг описания северных берегов Сибири от Вайгача до Анадыря, делающий имя наших моряков бессмертным в истории географических открытий,— таков лишь краткий перечень того, что добыто трудами Камчатской экспедиции.[1]

В 1766 г. приступлено к генеральному межеванию земель Европейской России. Начатое в Московской губернии, межевание закончилось лишь в 1855 г. в Архангельской. Для каждого уезда составлена карта в верстовом масштабе.

С основанием Академии большое развитие получила экспедиционная деятельность. Весьма сильно способствовали познанию России большие академические экспедиции 1768—1774 гг.: Палласа, С. Г. Гмелина, Гильденштедта, Лепехина, Георги и Фалька.[2]

В 1797 г. учреждено в Петербурге Депо карт, с которым вскоре был слит Географический департамент, основанный при Академии Наук в 1739 г. В течение 1801—1804 гг. Депо составило так называемую столистную карту Европейской России в масштабе 1 : 840 000 (20 верст в дюйме). В 1812 г. Депо присоединено к военному министерству под названием Военно-топографического. Этому учреждению было поручено заведывать съемками России, а также составлением и печатанием карт. С тех пор съемки стали производиться планомерно. Подробные топографические съемки, основанные на

[1] См. Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 3-е изд., Л., 1945. Геогр. общ. и Акад. Наук

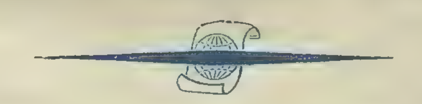
[2] См. Л. С. Берг. Географические и экспедиционные исследования Академии Наук. Вестник Акад. Наук СССР, 1945, № 5—6.

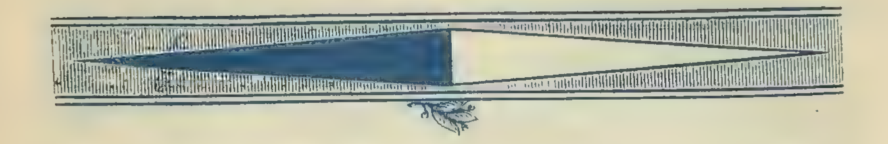
триангуляциях, начаты с 1819 г. В течение 1821—1839 гг. была напечатана на 60 листах карта западной части Европейской России в масштабе 1 : 420 000.

Первая половина XIX в. ознаменовалась рядом русских кругосветных плаваний, которые открылись плаванием Крузенштерна и Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева» в 1803—1806 гг. и имели следствием нахождение и отыскание множества островов в Тихом океане. Замечательны открытия, сделанные Беллинсгаузеном и Лазаревым в Антарктике (1819—1821); 17 января 1821 г., под 68°29′ ю. ш. и 75°40′ з. д. они увидели берег, которому дали название Земли Александра I; это был антарктический материк, часть которого впервые положена на карту нашими мореплавателями.

В 1820—1824 гг. Ф. П. Врангель совершил путешествие по берегам северо-восточной Сибири, имевшее целью описать берега от Индигирки до м. Шелагского. Он посетил также Медвежьи острова. В 1821—1824 гг. Ф. П. Литке производил описи в Баренцовом море. В деле изучения Восточной Сибири эпоху составила экспедиция А. Ф. Миддендорфа в 1843—1844 гг.

Вот эти последние экспедиции и подготовили почву для основания Географического общества.

III

ОСНОВАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА И ПЕРВЫЕ ЕГО ШАГИ

ЧЛЕНЫ-УЧРЕДИТЕЛИ

Днем основания Русского географического общества следует считать 7 (19) октября 1845 г., когда в Петербурге, в помещении Академии Наук состоялось первое общее собрание членов вновь возникшего общества. Мысль об учреждении географического общества в России возникла следующим образом.

20 марта 1845 г. А. Ф. Миддендорф вернулся в Петербург из своего знаменитого сибирского путешествия. На обеде, устроенном в честь путешественника, произошел первый обмен мнений о желательности основания русского географического общества. Согласно изложению П. П. Семенова, эта идея зародилась впервые у двух замечательных деятелей на поприще отечественной географии — адмирала Литке и профессора Арсеньева.[1]

По другому источнику,[2] лицами, которые сделали первые шаги к воплощению в жизнь мысли об учреждении нашего Общества, были академик Бэр, адмирал Литке и адмирал Врангель.

[1] П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского географического общества 1845—1895. I, СПб., 1896, стр. 1. Ср. также П. П. Семенов. Изв. Геогр. общ., XXVIII, 1892, стр. III, а также Пл. А. Чихачев, там же, стр. 3.

[2] Двадцатипятилетие Императорского русского географического общества 13 января 1871 года. СПб., 1872, стр. 7.

К. М. Бэр в письме к Ф. П. Литке от 25 марта 1875 г., в ответ на сообщение последнего об учреждении Географическим обществом медали имени Литке, вспоминает о днях, предшествовавших основанию Географического общества:[1] «Это было славное время, полное оживления. Миддендорф вернулся из Сибири, и мы с своей стороны были одушевлены желанием воздать ему должное. Моя заслуга при этом [при основании Географического общества] заключалась только в том, что я хотел, Вы же — могли. Со мной так не раз случалось. Как бы то ни было, младенец появился на свет, хотя он имел троих отцов, в чем, впрочем, нет ничего необычайного. Следует признать, что он продолжает существовать с достоинством. Бесспорно, никакое другое научное общество из основанных в России со времен Екатерины II не имеет бо́льших заслуг». Кто был третьим «отцом» Географического общества, Бэр не говорит.[2]

Как бы то ни было, идея эта, очевидно, носилась в воздухе, потому что она сразу нашла себе отклик в четырех

[1] Фонд Ф. П. Литке, № 49, в Центральном Гос. архиве древних актов, в Москве. Письмо написано по-немецки. Фонд заключает обширную переписку Литке с разными лицами, а также и с А. В. Головниным.

[2] В изданной в 1865 г. автобиографии Бэра (Nachrichten über Leben und Schriften, p. 600) говорится только, что Бэр «может себе приписать некоторое участие в основании Общества». Вероятно, подробно об учреждении Общества сообщается в записках Ф. П. Литке, которые, а равно и его богатейший архив, были после его смерти (8 августа 1882 г.) переданы в Государственный архив (о чем, а также о записках Литке см. В. П. Безобразов. Граф Ф. П. Литке. Зап. Акад. Наук, том 57, 1888, прилож. № 2, стр. XXX сл.). Записок Литке в Центральном архиве нет. Безобразов, долгое время работавший с Литке в Географическом обществе и в Академии, говорит, что Географическое общество было основано Литке (стр. VII). Однако А. А. Тилло считает, что сама идея учреждения Географического общества принадлежит не Литке, хотя за ним остается заслуга проведения этой идеи в жизнь (Изв. Геогр. общ., 1897, стр. 325). Наконец, надо думать, что интересующие нас сведения могут находиться в архиве Ф. П. Врангеля, о котором см. Изв. Геогр. общ., 1943, № 5, стр. 36.

кружках тогдашнего образованного общества.[1] Во-первых, среди мореплавателей, знаменитых своими кругосветными и арктическими плаваниями; к числу таковых принадлежали Литке, Крузенштерн, Врангель и Рикорд; другая группа состояла из членов Академии Наук — Бэра, Струве, Гельмерсена, Кеппена; к третьему кружку, живо интересовавшемуся вопросами отечественной географии, принадлежали тогдашние и бывшие офицеры главного штаба — Вронченко, Муравьев, Берг; наконец, четвертую группу составляли, тогда еще немногочисленные, русские ученые и общественные деятели, не принадлежавшие к военным кругам: Арсеньев, Левшин, Платон Чихачев, Даль, Одоевский.

Всего членов-учредителей Географического общества было 17 — в том числе немало славных имен, хорошо известных в истории русской, а частью и мировой науки.

ПЕРВЫЙ ПОМОЩНИК ПРЕДСЕДАТЕЛЯ Ф. П. ЛИТКЕ

Адмирал Федор Петрович Литке (1797—1882) знаменит своими арктическими и кругосветными плаваниями; он был много лет председателем Географического общества и президентом Академии Наук. Нельзя лучше охарактеризовать деятельность Литке, чем это сделал П. П. Семенов 17 января 1873 г., принимая в годовом собрании Общества председательствование из рук престарелого Литке:

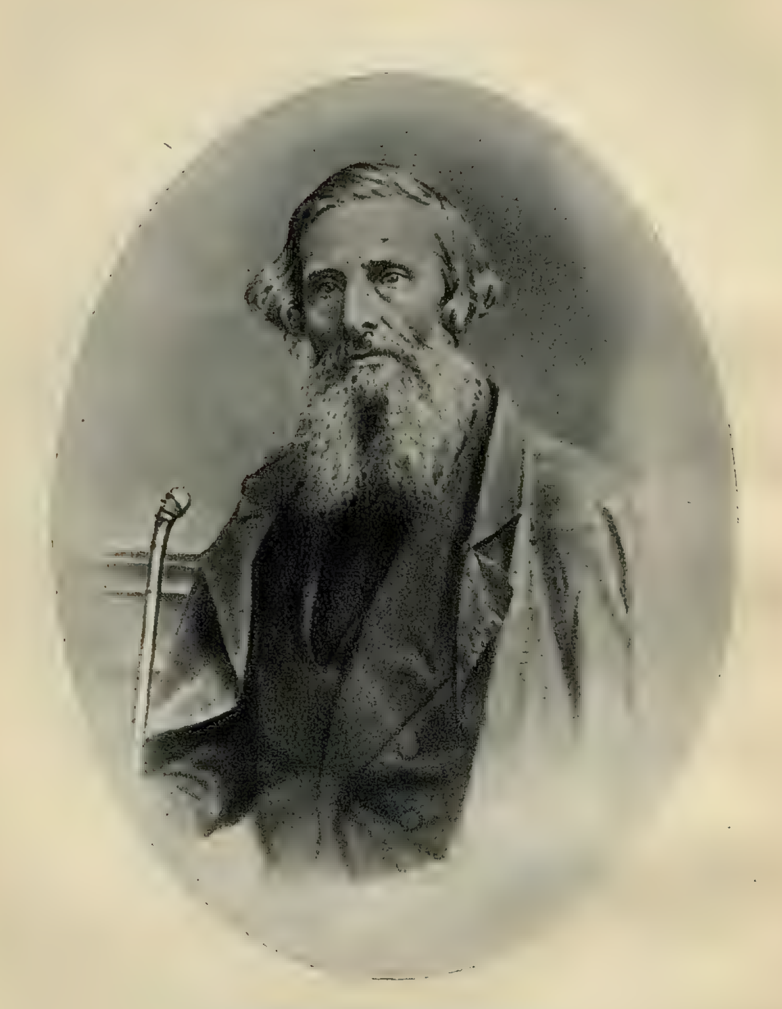
«Перед нами в последний раз Ф. П. Литке занимает то место, которое принадлежит ему в течение 20 лет. Было время, когда полный еще юношеских сил Федор Петрович, проникнутый любовью к географической науке и жаждой открытия стран неведомых, повел в первый раз свой корабль в неприветливые полярные моря и, четырехкратно пробиваясь через ледяные окраины, открыл и завоевал для науки холодные

[1] П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского географического общества 1845—1895. I, СПб., 1896.

Адмирал Федор Петрович Литке
1797—1882

170—2

Владимир Иванович Даль
1801—1872

прибрежья той земли, которая только до его исследования имела право называться Новой Землей. Через несколько лет мы видим нашего отважного мореплавателя во главе одной из русских кругосветных экспедиций. Он пересекает два раза экватор, совершает по пути географические открытия, но поворачивает к своему любимому северу, в те холодные, туманные и покрытые пловучими льдами моря, в которых почти сталкиваются оконечности материков Старого и Нового света Географические исследования и открытия Федора Петровича в Беринговом море, Алеутской гряде, на прибрежье Камчатки, Чукотской земли и Америки хорошо известны нам; они стяжали ему громкую славу в ученом мире».

Биограф Ф. П. Литке и его большой почитатель академик В. П. Безобразов считает жизненную карьеру знаменитого мореплавателя несчастной: «в то самое время, когда его умственные и творческие в науке силы вполне созрели, и он готовился к новым научным подвигам, он был внезапно оторван от своего призвания и привлечен к совсем иным, чуждым его душевным силам и наклонностям, поприщам,— к воспитательским и педагогическим трудам, к придворной жизни, с которою он никогда и до конца своей жизни не имел ничего нравственно общего, и затем к государственной деятельности, совсем ему несвойственной».[1] По словам биографа, Литке был чужд всякого тщеславия, честолюбия и властолюбия. Он всегда охотно выслушивал возражения, даже от подчиненных. Безобразов уверяет, что Литке «был совсем русский человек по своим чувствам и наклонностям». Сам Литке в автобиографии (она помещена в том же томе Записок Академии, что и биография, составленная Безобразовым, но доведена только до 1832 г.), пишет (стр. 13), что отец его всегда почитал себя москвичом. Природным языком для Ф. П. был русский, и он владел им в совершенстве; немецкому же языку он научился в школе и знал его хуже. Все свои путевые журналы, записи и всю переписку он всегда вел на

[1] Зап. Акад. Наук, т. 57, 1888, прилож. № 2, стр. VIII.

русском языке, на котором составлял и письма в Германию, давая их для перевода другим лицам. В академическом кружке он делал сообщения на французском языке.[1]

Поведение Литке в Географическом обществе было безупречно. Он строго соблюдал устав 1849 г., предоставляя отделениям полную самостоятельность, не препятствовал никаким прогрессивным начинаниям, стоял за отмену цензуры для изданий Общества, был членом политико-экономического комитета, приглашал на работу в Общество политически неблагонадежных лиц, ходатайствовал за сосланных в Сибирь поляков — участников восстания 1863 г., сам наметил себе в преемники по Географическому обществу П. П. Семенова, известного прогрессивного деятеля. Благодаря своему авторитету и в ученых кругах и в придворных сферах, Литке поднял значение Общества на небывалую в истории других русских ученых обществ высоту, и при нем наше Общество пользовалось громадным влиянием и в России и за границей. Лучших вице-председателей, чем Литке, а потом Семенов, Общество не могло выбрать.

Географические заслуги Литке должны быть оценены очень высоко. Он принадлежит к плеяде русских гуманных путешественников, представителями которых были В. М. Головнин, П. П. Семенов, Г. Н. Потанин, Н. Н. Миклухо-Маклай и многие другие. Во время плаваний Литке по-человечески относился к матросам, а также к народам Океании, к алеутам, к чукчам, с которыми ему приходилось сталкиваться во время кругосветного плавания. Выйдя 20 августа 1826 г. на «Сенявине» из Кронштадта в свое кругосветное плавание и пройдя Толбухин маяк, Литке пригласил офицеров в свою каюту и здесь произнес следующую речь:

«Я пригласил вас к себе, чтобы сказать несколько слов о моих взглядах на дисциплинарные взыскания... Вы знаете, что наш шлюп укомплектован отборною, лучшею во флоте командою и что каждый наш матрос постарается служить превос-

[1] Безобразов, стр. XXVI—XXVII.

ходнейшим образом, вы же все прекрасно образованные и воспитанные молодые люди. Я полагаю, что ввиду столь удачного подбора личного состава команды шлюпа, мы можем обойтись без рукоприкладства и телесных наказаний. Я далек от мысли ограничивать ваши права, предоставляемые морским дисциплинарным уставом, на основании коего вы можете наказывать линьками провинившихся матросов, но разумею, вы сами со мной согласитесь, что, по причине культурного развития и прогресса идеи человечества, лучше не пользоваться буквою старого закона. Как просвещенные, гуманные начальники, вы всегда найдете в каждом случае для провинившихся культурные меры воздействия, кои несомнительно принесут больше пользы, нежели грубые и унижающие человека наказания». [1]

Ко всем малокультурным народам, с которыми приходилось сталкиваться во время плаваний, Литке относится с симпатией. «Мы во все наше пребывание в Ситхе оставались с колошами (индейское племя, иначе тлинкиты) друзьями, ходили между ними поодиночке без всякой опасности и не имели ни одной неприятности». [2] О жителях острова Юалан — одного из Каролинских — он говорит: «я во все время ни в каком разряде, ни в каком возрасте людей не слышал ни одного с гневом сказанного слова, ни одной занесенной для удара руки... Часто готов был усомниться, между дикими ли я нахожусь». [3] «Главная черта юаланцев есть видеть во всяком другом брата. Они не имеют совершенно никакого оружия, ниже палки, противу человека назначенной, и потому не могут, кажется, иметь и отдаленного понятия о войне. Есть ли этому другой пример на земли? Все доселе сказанное свиде-

[1] Путешествие на «Сенявине» 1826—1829 гг., I, 1834, стр. 157.

[2] Н. Нозиков. Кругосветное путешествие Литке на «Сенявине». М., 1933, стр. 23. Откуда заимствовано это сообщение, не указано. В своем «Путешествии вокруг света» Ф. П. Литке об этом эпизоде ничего не говорит.

[3] Там же, стр. 250.

тельствует уже об удивительной доброте нрава сего народа, которому едва ли можно найти подобный в свете».[1] Посетив чукоч в губе св. Лаврентия, Литке пишет: «Мне кажется, что чукчи никогда не были столь беспокойным народом, как их описывали. Они были немирны, покуда с ними обращались дурно; с переменою же обращения и они переменились».[2]

Вообще Литке был гуманный человек. Описывая, как промышленники на Прибыловых островах убивают котиков палками, он говорит: «убивать хладнокровно наповал несколько тысяч беззащитных животных есть нечто возмутительное. Промышленники, закоснелые в сего рода убийствах, признаются, что часто не поднимается у них рука, чтобы нанести удар невинному созданию, которое с поднятыми вверх ластами, жалобным воплем, иногда совершенно похожим на голос плачущего ребенка, как будто просит пощады».[3]

ДРУГИЕ ЧЛЕНЫ-УЧРЕДИТЕЛИ

Другой из инициаторов Географического общества, Константин Иванович Арсеньев (1789—1865), состоял профессором Петербургского университета по экономической и политической географии, или, как тогда говорили, статистики. В 1821 г. он, вместе с некоторыми другими профессорами, был уволен оттуда известным мракобесом Руничем «за безбожие и революционные идеи». Арсеньеву были поставлены в вину некоторые выписки из студенческих тетрадей, в которых излагались его лекции. Среди выписок была и такая: «Монархия есть самая лучшая форма. Здесь власть отдается одному. Но иногда монарх вместо добра может произвести зло. Положим, что государь добр, старается о безопасности поддан-

[1] Н. Нозиков. Кругосветное путешествие Литке на «Сенявине». М., 1933, стр. 23.

[2] Ф. Литке. Путешествие вокруг света на «Сенявине». II, СПб., 1835, стр. 114.

[3] Там же, стр. 186.

ных; но он смертен; после него бывает новый, который злодействует, приводит подданных в ужаснейшее состояние. И так мы видим, что во всяком правлении есть свои недостатки. Англия узнала оные и избрала лучшее и имеет совершеннейшее правление».[1] В 1836 г. Арсеньев был избран членом Академии Наук. С 1850 по 1854 год он был помощником председателя Общества.

Горячее участие в учреждении Общества принимал известный этнограф Владимир Иванович Даль (1801—1872), неустанный собиратель русских сказок, пословиц и русского народного языка. В 1832 г. он напечатал «Русские сказки», очень понравившиеся Пушкину. Направляя Далю рукопись своей «Сказки о рыбаке и рыбке», великий поэт снабдил ее надписью «Твоя от твоих. Сказочнику Луганскому сказочник Александр Пушкин». В 1861—1868 гг. Даль выпустил в свет свой знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка», за каковой труд Географическое общество присудило автору Константиновскую медаль, а Академия Наук избрала почетным членом.

Об адмирале Ф. П. Врангеле (1795—1870) мы уже упоминали. Прибавим, что еще до своего знаменитого арктического путешествия он в 1817—1821 гг. совершил, совместно с Литке, кругосветное плавание на военном шлюпе «Камчатка» под начальством капитана В. М. Головнина; в 1830—1835 гг. Врангель был главным правителем русских колоний в северо-западной Америке с местопребыванием в Новоархангельске (Ситха). Совместно с Литке и Бэром, Врангель принимал деятельное участие в организации Географического общества. Помимо своих научных заслуг, Врангель известен как неподкупный деятель, враг бюрократизма и противник продажи Аляски.

Первый русский кругосветный мореплаватель И. Ф. Крузенштерн (1770—1846), памятник которому стоит в Ле-

[1] Чтения в Обществе истории и древн. росс., М., 1866, кн. 3, смесь, стр. 154.

нинграде на набережной Васильевского острова, скончался вскоре после основания Географического общества.

Заслуги академика К. М. Бэра (1792—1876) настолько общеизвестны, что о них нет надобности распространяться. Когда в 1864 г. исполнилось пятидесятилетие ученой деятельности Бэра, совет Общества в своем адресе знаменитому ученому писал: «На совете лежит обязанность высказать глубокое сознание, разделяемое членами Общества, о том благотворном и живительном влиянии, которое вы постоянно имели на деятельность нашего Общества со времени его основания. Вы были в числе тех немногих, которым принадлежит первая мысль об основании географического общества. Вы принимали потом непосредственное участие в его устройстве и в течение многих лет руководили занятиями одного из его отделений». Имеется в виду отделение этнографии, во главе которого Бэр стоял в 1845—1848 и 1859—1860 гг.

Из других членов-основателей упомянем имена: геодезиста и путешественника по Малой Азии М. П. Вронченко (1801—1852); директора департамента сельского хозяйства А. И. Левшина (1799—1879), перу которого принадлежит описание Киргизских степей; статистика и этнографа, академика П. И. Кеппена (1793—1864); геолога академика Г. П. Гельмерсена (1803—1885); путешественника по Америке и участника хивинской экспедиции 1839 г. Платона Чихачева (1812—1892 [1]) (брата знаменитого исследователя Малой Азии Петра А. Чихачева); управляющего межевым корпусом, сенатора М. Н. Муравьева (1796—1866); просвещенного кн. В. Ф. Одоевского (1803—1869) — литератора и покровителя наук; исследователя Устюрта и западного берега Аральского моря, генерал-адъютанта графа Ф. Ф. Берга (1793—1874); адмирала П. И. Рикорда (1797—1855), который совершил

[1] Его краткая автобиография помещена в Изв. Геогр. общ., 1892, стр. 1—8. Платон Александрович Чихачев был последним из остававшихся в живых членов-учредителей Географического общества. Он скончался в Версале 13 мая 1892 г.

кругосветное плавание под начальством В. М. Головнина и затем, в 1813 г., освободил своего начальника из японского плена; астронома, основателя и директора Пулковской обсерватории академика В. Я. Струве (1793—1864) и оренбургского губернатора генерала В. А. Перовского.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Весною 1845 г. в квартире В. И. Даля, личного секретаря и сотрудника министра внутренних дел Л. А. Перовского, состоялось собрание будущих учредителей Общества. В соответствии с пожеланиями этого совещания 1 мая 1845 г. Ф. П. Литке подал министру внутренних дел Л. А. Перовскому,[1] который впоследствии был избран почетным членом Географического общества и некоторое время исполнял обязанности председателя Общества, следующую докладную записку:

«Об основании Русского географо-статистического общества»

«Для любителей и ценителей географии, этнографии и статистики, приняв эти слова в самом обширном значении, издавна ощутителен недостаток в России общества, которое имело бы целью возделывание и распространение географических наук.

Во всех просвещенных государствах существуют, под разными названиями, общества, имеющие помянутую цель;[3] отечество наше, которое до сих пор не отставало на пути просвещения, а по обширности своей и по малоизвестности многих частей даже в собственных своих пределах представляет

[1] Его брат, оренбургский губернатор В. А. Перовский, был одним из учредителей Географического общества.

[2] Архив Географического общества, дело № 1, начатое 1 мая 1845 г., документ № 1.

[3] Географо-статистические общества существуют: в Париже с 1819 г.; во Флоренции с 1828; в Лондоне и Дрездене с 1830 г. Все они принесли на пути просвещения чрезвычайную пользу (сноска Литке).

еще на многие десятки лет пространное поле для географических исследований, одна только Россия не имеет доселе географического общества, хотя подобное учреждение, по вышеизложенным причинам, именно для нашего отечества составляет самую существенную потребность.

Известно, в каком огромном размере производятся географические исследования нашим правительством и какие сокровища накопились и ежедневно приумножаются в архивах Императорской академии наук, топографического депо, гидрографического департамента, статистических и разных ученых учреждений; не менее того однако же всего этого недостаточно ни для собирания полных и подробных сведений, ни для всеобщего их распространения; участие основанного именно с этой целью общества не только полезно для сего, но даже необходимо, по следующим причинам:

1. Исследования, производимые правительством, имея по большей части некоторую определенную государственную цель, не всегда удовлетворяют потребностям науки или общей любознательности; притом они, по существу своему, редко и вообще только в весьма ограниченных пределах, бывают доступны публике.

2. Как ни велик запас сведений и данных, собранных официальным путем в правительственных местах, но едва ли не большее еще число их рассеяно в бесчисленном количестве частных источников.

Эти дробные сведения, приобретаемые частными людьми, случайно или мимоходом, между другими занятиями, или по особенной наклонности, каждое порознь, не важны; но в совокупности, как здание, составленное из песчинок, бесспорно могут образовать одно замечательное целое, тогда как они ныне теряются невозвратно, иногда от скромности, чаще от нерадения, или от того, что обладающие ими не считают их довольно важными или не знают, куда с ними обратиться.

Спасти этот драгоценный, всегда живущий и беспрестанно возобновляющийся запас сведений, отыскивать, разрабаты-

Адмирал Фердинанд Петрович Врангель
1796—1870

Академик Карл Максимович Бэр
1792—1876

вать его, применять, объяснять и делать доступным и известным — это может быть совершено только общими усилиями многих сотрудников, соединенных именно для этой цели.

Такие соображения годали нескольким любителям географии мысль об учреждении в С.-Петербурге Русского географо-статистического общества.

Главнейшею задачею общества сего было бы: собрание и распространение, как в России, так и за пределами оной, возможно полных и достоверных сведений о нашем отечестве:

1. В отношении географическом, разумея под этим все, что принадлежит до землеописания местности, физических свойств страны, произведений природы и проч.

2. В отношении статистическом, понимая под этим словом не один только подбор бездушных чисел, не одну количественную статистику, но и описательную или качественную, то есть, все соизмеримые стихии общественной жизни.

3. В отношении этнографическом. Сия последняя сторона вопроса, т. е. познание разных племен, обитающих в нынешних пределах государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковедения, как в нынешнем, так и в прежнем состоянии народов, должна на первый раз преимущественно обратить на себя внимание общества, по следующим причинам:

1) По быстроте, с которой изглаживаются отличительные черты народности; это порождает опасение, что важные для отечественной истории сведения и события, кои теперь могли бы еще быть сохранены, через немногие десятилетия погибнут невозвратно.

2) По великой важности законов сего рода для антрополога и историка, важности всеми признанной и подавшей повод к учреждению особых этнографических обществ в Германии, Франции и Англии.

Наконец 3), потому что в России, представляющей богатейшее поле для исследований сего рода, ими чрезвычайно

мало занимались. Между тем как сведения об этом государстве в географическом, физическом, статистическом и других отношениях со времен императрицы Екатерины II чрезвычайно много подвинулись вперед, напротив к изысканиям Палласа, Лепехина и Георги, относительно туземных племен, прибыло весьма не много. Разрабатыванием этого поля Общество несомненно бы заслужило признательность всех любителей просвещения, а равно могло бы принести пользу самому правительству, коему нередко подробные этнографические сведения бывают необходимы.

Поставляя себе главною задачею изучение отечества, Общество включит в круг работ своих и географию общую, т. е. познание в географическом отношении других стран земли, преимущественно же сопредельных России.

Не говоря уже о неоспоримой общей важности этой науки для образования народного, уже одно познание земель, с коими Россия граничит и имеет более или менее близкие сношения, не может не быть важно и любопытно для образованных русских всех сословий.

Итак: *распространение в отечестве нашем, вместе с основательными географическими сведениями, вкуса и любви к географии, статистике и этнографии*, будет второю задачею Географического общества.

Учредители не сомневаются, что начинание их найдет отголосок у всех любителей просвещения, у всех образованных соотчичей, и потому твердо надеются на их участие и помощь. Но чтобы круг действий общества и последствия этих действий были в какой-нибудь соразмерности с обширностью и важностью предмета и сколько-нибудь отвечали достоинству империи, необходимы способы, кои оно может почерпнуть только из одного источника — милости монаршей.

Никакое начинание, клонящееся к благому просвещению, не оставалось у нас без покровительства; этому служат доказательством, между прочим, общества: минералогическое, по-

ощрения лесного хозяйства, вольное экономическое, московские: естествоиспытателей, истории и древностей и прочие, кои все пользуются милостивым вспомоществованием от казны. Учредители географо-статистического общества смеют надеяться, что и они также удостоятся милостивого внимания и покровительства.

Представляя при сем проект устава предполагаемого общества, учредители имеют честь покорнейше просить исходатайствовать высочайшее соизволение:

1. На учреждение в С.-Петербурге Русского географо-статистического общества.

2. На отпуск из казны ежегодного пособия для необходимых расходов общества до 10.000 руб. серебром.

3. На разрешение иметь свою печать с государственным гербом и пользоваться бесплатно пересылкою корреспонденции, исключительно по делам общества, как от общества к разным местам и лицам, так и обратно от них к обществу».

Подписал: *«Генерал-адъютант Литке».*

Записка эта, очевидно, составлена Далем, судя по большому месту, какое занимает этнография в программе организуемого общества.

6 августа 1845 г. проект учреждения Общества и временный его устав были утверждены, о чем распубликовано в «Сенатских ведомостях». Общество получило наименование Географического, и ему обещано ежегодное пособие в десять тысяч рублей серебром из государственного казначейства. 15 августа министр внутренних дел Л. А. Перовский официально уведомил об этом Ф. П. Литке. [1]

Председателем Общества согласился быть вел. кн. Константин Николаевич, воспитателем которого был Литке. [2]

[1] Архив Геогр. общ., дело № 1, 1845 г.

[2] Первый председатель Географического общества, вел. кн. Константин Николаевич (1827—1892), второй сын Николая I, принадлежал к числу образованных людей 60-х годов и принимал ближайшее участие в проведении крестьянской реформы. Будучи устранен Александром III от

Временный устав Русского географического общества был составлен наподобие устава Лондонского географического общества.[1] Есть сведения,[2] что знаменитый геолог, долголетний председатель Лондонского Географического общества и почетный член нашего Общества Р. Мурчисон, производивший незадолго до того свои геологические исследования в России, дал совет организовать наше общество наподобие английского.

Целью Общества назначалось «собрание и распространение в России географических сведений вообще и в особенности о России; равно как распространение достоверных сведений о нашем отечестве в других землях». Общество, согласно уставу, разделялось на четыре отделения: 1) географии общей; «к занятиям сего отделения принадлежит познание в географическом отношении других земель, преимущественно же земель сопредельных России», 2) географии России, 3) статистики России, 4) этнографии России. «Предметы занятий отделения этнографии суть: сведения о прежнем и нынешнем состоянии племен, вошедших в состав государства, в отношениях: физическом, нравственном, общественном и языковедения». Делами Общества управляет Совет, избираемый общим собранием из действительных членов и состоящий из председателя, помощника его и 8 членов. Кроме того, в состав Совета входят 4 «управляющих отделениями», которые избираются Советом из числа действительных членов, а также секретарь, который определяется Советом по предложению председателя. Секретарь

всех государственных дел, последние годы жизни провел частным человеком, в опале. Кроме Географического, он был председателем Археологического и Музыкального обществ. После смерти Константина Николаевича председателем состоял вел. кн. Николай Михайлович. С 1917 г. председатели Географического общества стали избираться.

[1] Временный устав напечатан в первой книжке „Записок Русского географического общества", 1846, стр. 9—19.

[2] H. R. Mill. The Record of the Royal Geographical Society 1830—1930, London, 1930, p. 55.

получает от Общества жалованье, но не имеет голоса ни в заседаниях Совета, ни в собраниях Общества, стало быть — не мог быть членом Общества. В устав введено чрезвычайно полезное положение — доклад в обыкновенном собрании не должен продолжаться более часа.

На 19 сентября 1845 г. было назначено собрание учредителей Общества в квартире «статского советника Даля (дом министра внутренних дел у Александринского театра) для предложения со стороны каждого новых членов и для их баллотирования». Повестка на это заседание сохраняется в первом деле Географического общества за 1845 г. На этом собрании присутствовало 8 человек — все наличные тогда в Петербурге основатели (Литке был в то время в Крыму). Они избрали помощником председателя Общества Ф. П. Литке, действительными членами 51 лицо, а почетным членом Л. А. Перовского. Нужно заметить, что помощник председателя Общества был его фактическим руководителем, на председателе же, назначавшемся из членов императорской фамилии, лежали только почетные обязанности.

7 октября 1845 г. в большом конференц-зале Академии Наук состоялось первое общее собрание членов Общества под председательством Ф. П. Литке. Из числа действительных членов, присутствовавших на этом первом собрании, назовем (в алфавитном порядке) лишь следующие имена, хорошо известные в истории отечественной географии: адмирала П. Ф. Анжу — участника экспедиции Врангеля на северо-восток Сибири; К. И. Арсеньева; Ф. Ф. Беллинсгаузена; академика Брандта — известного зоолога; лейтенанта (впоследствии адмирала) Ф. Ф. Веселаго — историка русского флота; Ф. П. Врангеля; М. П. Вронченко; Г. П. Гельмерсена; профессора Э. К. Гофмана — руководителя Уральской экспедиции Общества; В. И. Даля; статистика А. П. Заблоцкого-Десятовского; известного геолога А. А. Кейзерлинга; П. И. Кеппена; академика А. Я. Купфера — физика и директора Главной физической обсерватории; Э. Х. Ленца — профессора

физики, впоследствии академика; А. Ф. Миддендорфа — знаменитого путешественника; Г. П. Небольсина — статистика; П. И. Рикорда; В. Я. Струве; сына его О. В. Струве (1819—1905) — впоследствии академика и директора Пулковской обсерватории; П. А. Чихачева — знаменитого исследователя Алтая и Малой Азии; А. И. Шренка — известного географа, исследователя Урала и Прибалхашья; Ф. Ф. Шуберта — генерала, знаменитого геодезиста.

Открывая собрание, председатель Ф. П. Литке произнес краткую, но весьма интересную речь,[1] в которой, излагая свои мысли насчет направления деятельности вновь возникшего общества, говорил, между прочим:

«Наше отечество, простираясь по долготе более нежели на полуокружность Земли, представляет нам само по себе особую часть света со всеми свойственными такому огромному протяжению различиями в климатах, отношениях геогностических, явлениях органической природы, с многочисленными племенами и т. д. и, прибавим, часть света, еще мало исследованную. Такие совершенно особые условия указывают прямо, что главным предметом *Русского* Географического общества должно быть возделывание *географии России»* (курсив Литке).

Однако и «география общая», под которой Литке понимает географию внероссийских стран, имеет для нас большую важность: не говоря уже о теоретическом интересе общей географии, для нас весьма существенно знакомство с географией сопредельных стран, среди которых Литке называет: Турцию, Персию, Хиву и другие туркестанские области, Китай, Японию, Соединенные Штаты и «владение Гудсоновой компании», т. е. Канаду. «Согласитесь, что поле, которое вам предстоит возделывать, довольно обширно и жатву обещает богатую. Будем надеяться, что в делателях не будет недо-

[1] Она напечатана полностью в Зап. Русск. Геогр. общ., I, 1846, стр. 29—33, а также в «Истории Общества» П. П. Семенова, III, 1896, стр. 1317—1319.

статка». Далее Литке указывает на необходимость сотрудничества с тремя другими учреждениями, предметом деятельности которых тоже является география России. Это — Топографическое депо главного штаба (ныне Военно-топографическое управление Генерального штаба), Гидрографический департамент (ныне — Главное гидрографическое управление военно-морского флота) и Академия Наук. Относительно последней Литке говорил: «Та самая отрасль познаний, к возделыванию которой образовалось наше Общество, была доселе одним из главных предметов деятельности Академии. Всем известны обогащения, которыми отечественная география обязана сему знаменитому сословию». Однако, продолжает Литке, «Академия не имела возможности сделать для географии всего — можно бы было сделать более — и это-то *более* есть задача Русского Географического общества. И так с ученой точки зрения, Географическое общество, совершенно самостоятельное, есть как бы распространение Академии для некоторой специальной цели». Произнеся эту речь, помощник председателя Общества доложил, что, в соответствии с требованиями устава, временный совет назначил руководителями («управителями») отделений: географии общей — Ф. П. Врангеля, географии России — В. Я. Струве, этнографии России — К. М. Бэра, статистики России — П. И. Кеппена.

После этого закрытой баллотировкой были избраны 8 членов Совета: К. И. Арсеньев, Ф. Ф. Берг, М. П. Вронченко, Г. П. Гельмерсен, В. И. Даль, А. И. Левшин, Э. Х. Ленц и М. Н. Муравьев.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

Первое заседание совета Общества состоялось 18 октября 1845 г.[1] Вследствие отъезда председателя, а с ним и Ф. П. Литке за границу, председательствовал в этом заседании ад-

[1] Архив Геогр. общ., Журналы Совета с 18 октября 1845 г. по 30 апреля 1847 г., стр. 1.

мирал Рикорд, присутствовали Струве, Кеппен, Арсеньев, Берг, Вронченко, Гельмерсен, Даль, Левшин, Ленц, Муравьев. Секретарские обязанности временно нес Кеппен. На время отсутствия Литке были намечены кандидаты в заместители ему — Арсеньев, Врангель и Фус, из которых общему собранию надлежало выбрать одного (избранным оказался непременный секретарь Академии Наук академик П. Н. Фус).

Во втором заседании Совета, 24 октября 1845 г., на котором председательствовал Фус, секретарем общества, согласно желанию Литке, был назначен Александр Васильевич Головнин, сын знаменитого мореплавателя В. М. Головнина (1776—1831), автора хорошо известных записок «О приключениях в плену у японцев». А. В. Головнин, тогда в возрасте 24 лет, был рекомендован помощнику председателя Общества Ф. П. Литке членами-учредителями Далем и Рикордом. Впоследствии (1861—1866) А. В. Головнин, прогрессивный деятель, сподвижник Милютиных, был министром народного просвещения; он известен проведением либерального университетского устава 1863 г., отмененного в 1884 г. Во втором заседании Совета Общества жалованье секретарю было определено в восемьсот рублей в год.[1] По поводу назначения секретаря, П. И. Кеппен, не возражая персонально против А. В. Головнина, подал особое мнение, в котором писал, что «для поддержания внутри общества независимости членов, все без изъятия выборы, какие бы они ни были и от кого бы ни исходили предложения, надлежало бы производить не словесно, а посредством баллотировки». Как бы то ни было, А. В. Головнин исполнял (1846—1848) секретарские обязанности превосходно, а впоследствии оказал громадные услуги Обществу, за что и избран его почетным членом. Скончался Головнин в 1886 г. в звании члена Государственного совета, где безуспешно противился реакционным мероприятиям гр. Д. Толстого, систематически разрушавшего все сделанное Головниным.

[1] Архив Геогр. общ., протокол заседания Совета Геогр. общ. от 24 октября 1845 г., § 16.

В одном из заседаний Совета было обращено внимание на то, что в уставе Общества «вовсе не говорится о естествоиспытательной части географии, или так называемой географии растений, также о геологии и геогнозии». Поэтому было постановлено подразделить отделение географии России на комитеты математический и физический.

Помимо организационных вопросов, новое общество в первый год своего существования (6 августа 1845 г.— 6 августа 1846 г.) занималось деятельной подготовкой к экспедиции на северный Урал, которая была осуществлена в 1847 г. Я. В. Ханыков составил карту «Внутренней киргизской орды», т. е. пространства между низовьями Волги и Урала, каковая карта, вместе с объяснительной запиской, была напечатана во 2-й книжке «Записок» Общества, изданной в 1847 г. С. И. Зеленой сделал, по поручению Ф. П. Врангеля, извлечение из дневника лейтенанта Загоскина, совершившего в 1842—1844 гг. путешествие по Аляске. Эта работа, с картой, напечатана в той же книжке «Записок». П. И. Кеппен, по поручению совета Общества, приступил к составлению этнографической карты России. Летом 1846 г. академик Шегрен, по предложению Бэра, посетил Лифляндию и Курляндию с целью изучения остатков двух племен — ливов и кревингов. Ливы (л и б ь летописи) — это народ, по языковым данным принадлежащий к балтийской группе финских племен, куда относятся, кроме того, финны, эсты, водь и вепсы. Ливы и доселе в количестве 800—1000 душ живут в Латвии в районе мыса Доменес. В 1881 г. ливов насчитывали 3500 душ. В середине XIX в. ливы обитали, помимо того, в Латвии близ устья р. Салис;[1] здесь в 1858 г. ливов было 8 душ; последний из них умер в 1868 г. Кревингов во времена Шегрена было всего 11 человек; жили они около Бауска. С течением времени кревинги смешались с латышами. Шегрен считал кревингов близкими к эстам, другие же авторы приписывают им происхождение от води. За время поездки Шегрена

[1] Река Салис впадает в Рижский залив с востока.

художником Пецольдом было сделано много превосходных акварельных рисунков, изображающих ливов и их быт. Рисунки эти, никогда не опубликованные, хранятся в архиве Географического общества. Некоторые из них впервые воспроизводятся в этой книге.

В течение года было 8 общих собраний. Некоторые из заслушанных на этих собраниях докладов напечатаны в 1-й книжке «Записок» Общества (1846). В. Я. Струве сделал обзор астрономических определений, произведенных в европейской России. К. И. Арсеньев дал историко-географическое обозрение монетного дела в России. А. Н. Савич доложил извлечение из отчета чиновника Российской северо-американской компании Фреймана о поездке через «владения Гудзонбайской компании». В общем собрании 6 марта 1846 г. К. М. Бэр сделал доклад «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности», который начинается так: «Если б богатый человек, желая оставить прочный памятник своей любви к наукам и к России, спросил меня, что ему сделать для этого, я отвечал бы: доставьте возможность исследованием России в течение нескольких лет составить полное этнографическое описание нынешнего населения ее и дайте средства издать подобное описание». «С этим сочинением, говорит Бэр, будут справляться самые отдаленные потомки, наподобие того как мы ищем сведений в творениях Геродота: народы исчезают, и остаются одни имена их. Все сведения, кои еще возможно соединить, составляют сокровище, которое с течением времени возрастает в цене». «Составлены целые собрания египетских редкостей, и употреблены на это миллионы. Но я сомневаюсь, чтобы где-нибудь сохраняли русскую балалайку, хотя через столетия настоящая балалайка, конечно, будет большой редкостью». О сообщении Бэра секретарь Общества А. В. Головнин писал 19 марта 1846 г. к Литке за границу: «Статья эта написана им [Бэром] за несколько дней до заседания и наполнена блестящим остроумием и занимательными рассказами. То и другое имело

большое действие при чтении в Обществе и заинтересовало слушателей более, чем весьма важные, но сухие выводы и расчеты, содержащиеся в некоторых статьях, читанных в прежние собрания».[1] А. П. Болотов сообщил о современном состоянии геодезических и топографических работ за границей и в России. Как видим, занятия Общества за первый год его существования были плодотворны. К концу первого года своего существования Общество состояло из 128 действительных членов, 4 почетных и 12 сотрудников. Осенью 1846 г. Общество наняло для заседаний и библиотеки помещение на набережной Мойки у Певческого моста, за 1200 рублей в год.

На первом годовом собрании Общества, состоявшемся 29 ноября 1846 г., Литке сообщил о смерти члена-основателя Общества, И. Ф. Крузенштерна, скончавшегося 12 августа 1846 г. В том же заседании Ф. П. Врангель сделал краткий, но весьма замечательный доклад «О средствах достижения полюса».[2] Он предлагал отправиться к полюсу с северного берега Гренландии на 10 нартах с собаками. Удивительно, что спустя 60 лет именно этот способ был использован Пири для достижения северного полюса.

В том же годовом собрании Н. И. Надеждин произнес речь «Об этнографическом изучении народности русской».[3] Николай Иванович Надеждин (1804—1856) принадлежит к числу выдающихся деятелей Географического общества. Талантливый ученый — литературовед и этнограф — он вместе с тем был влиятельным публицистом, редактором «Телескопа», в 1836 г. запрещенного за знаменитые «Философические письма» Чаадаева.[4] В своем докладе 29 ноября 1846 г. Надеждин, настаивая на необходимости прежде всего изучать

[1] Фонд Ф. П. Литке в Центральном гос. архиве древних актов, письма Головнина.

[2] Напечатан в Зап. Русск. Геогр. общ., II, 1847, стр. 21—27.

[3] Там же, стр. 61—115.

[4] О Надеждине см. А. Н. Пыпин. История русской этнографии. I, СПб., 1890, стр. 233—275. Надеждин скончался 11 января 1856 г.

этнографию русского народа, развивает свой взгляд на сущность этнографии, или «народоописания». К ведению этнографии относятся: 1) познание народного языка («этнографическая лингвистика, или лингвистическая этнография»), до книжного языка лингвистической этнографии нет дела; 2) физическая этнография, которая представляет собою «главу зоологии»: она рассматривает телесную сторону человеческой природы, и, наконец, 3) «психическая этнография», куда Надеждин относит изучение как духовной, так и материальной культуры: «сюда отойдет весь быт народный». Эта программа деятельности отделения этнографии была бы приемлема и для настоящего времени. Надеждин усердно призывал заниматься изучением этнографии России. Свой доклад он начинает такими словами: «По первым строкам нашего устава и по самому наименованию нашего Общества, главным предметом занятий наших должна быть Россия», и именно то, что «делает Россию Россиею, т. е. человек русский».

В конце 1846 г. Обществом была учреждена золотая Константиновская медаль, которая присуждалась ежегодно за выдающиеся заслуги в области географии.

В 1847 г. Обществом была организована первая экспедиция, имевшая целью «исследовать границу между Европой и Азией на всем протяжении Северного Урала». В качестве руководителя ее был приглашен горный инженер, профессор минералогии и геологии петербургского университета Э. К. Гофман, а участниками были горный инженер Стражевский, астроном М. А. Ковальский, впоследствии профессор Казанского университета, натуралист Брандт и два топографа — Брагин и Юрьев. Экспедиция, закончившаяся только в 1850 г., доставила весьма важные, новые данные о северном Урале, и печатные отчеты ее доселе не потеряли своего значения. Она обошлась в 21 340 руб., из которых 10 500 руб. даны горным ведомством, 1000 руб. главным штабом, а остальное Обществом. Первая Константиновская медаль была присуждена начальнику экспедиции Гофману в конце

1849 г. В 1852 г. Обществом выпущена в свет весьма ценная «Карта северного Урала и берегового хребта Пай-хоя», основанная на 186 астрономических точках, определенных Ковальским. В 1852 и 1855 гг. опубликован отчет Ковальского и Гофмана под заглавием «Описание Северного Урала и берегового хребта Пай-хой».

Первое печатное произведение, выпущенное в свет новым Обществом — это книжка первая «Записок Русского Географического общества», напечатанная в типографии Академии Наук с разрешением цензуры от 16 мая 1846 г. и заключающая 145 страниц. Выше мы уже излагали содержание помещенных здесь докладов. Кроме того, в начале книжки напечатаны следующие сведения: состав Географического общества, временный устав его, дополнительные постановления совета, сведения об основании Общества и занятиях его с сентября 1845 г. по май 1846 г., а в конце приведен список полученных Обществом за отчетное время карт, книг и планов, всего в количестве 116 нумеров, составивших первый вклад в библиотеку Общества. Среди поступлений надо отметить «Общую географию» Б. Варения (Географія генеральная небесный и земноводный круги купно съ их свойствы и действы въ трехъ книгахъ описующая...) — перевод с латинского, изданный в Москве в 1718 г., и Герберштейна, Muscouiter wunderbare Historien, базельское издание 1567 г., снабженное картами Московии 1549 и 1567 г. (последняя с изображениями зубра и тура). Из карт, поступивших в библиотеку Общества в 1847 г., замечательна знаменитая карта России (Tabula Russiae) Герарда Геррица издания 1614 г., представляющая громадную редкость (она подарена кн. А. Я. Лобановым-Ростовским).

Во 2-й книжке «Записок» Общества, вышедшей в свет в 1847 г., кроме уже упомянутых работ, помещена любопытная статья В. С. Порошина (1809—1868) «О средствах к определению климата». Автор этой статьи был профессором политической экономии Петербургского университета. Член кружка петрашевцев, он на своих лекциях излагал учение Фурье.

Кроме политической экономии, Порошин интересовался также географией культурных растений и фенологией и в этом деле имеет большие заслуги. В упомянутой статье он делает ряд конкретных предложений: определить северные пределы культур ячменя, овса, льна и ржи, вести фенологические наблюдения над хлебами, нанести на карту южный предел овинов, т. е. сушки хлеба. По инициативе Порошина Обществом в 1848—1851 гг. рассылались в разные места государства в большом количестве книжки с вопросами и программами для наблюдения климатических и фенологических явлений. Общество получило много ценных наблюдений. В 1854 г. оно опубликовало под названием «Сельская летопись» ценный свод фенологических наблюдений за 1851 г. в 120 пунктах России. Приведем для примера данные, по новому стилю, для двух пунктов, одного на юге, другого на севере:

Близ Аккермана на берегу Днестровского лимана, Бессарабия. Лиман совершенно очистился от льда 13 марта. Весна ранняя, теплая и влажная. 16 марта прилетели скворцы и ремезы, 18-го журавли. С 21 марта по 13 апреля сеяли ячмень, с 22 марта по 6 апреля рожь, с 24 марта по 13 апреля пшеницу, с 27 марта по 18 апреля овес, с 15 по 27 апреля просо. 14 апреля прилетели ласточки, 20 перепелки, 26 цвели вишни, 28 яблони и груши, 30 сливы, 2 мая прилетели кукушки, 8—18 колосилась рожь, 18—30 цвела рожь, 10—21 июня цвела яровая пшеница, 17—26 июня косили озимую пшеницу, 25 июня — 9 июля жали рожь, 1—15 июля косили яровую пшеницу, 22 июля — 27 августа поспели груши и сливы, 6 августа арбузы, дыни и картофель, 9 августа — 1 сентября яблоки, 1 сентября отлет ласточек, 13 сентября поспели грецкие орехи.

Посад Ненокса Архангельского у., до Белого моря 2 км, до Архангельска 75 км. Река вскрылась 4 мая. 15 апреля прилет лебедей, 25-го гусей, 27-го журавлей. 15 мая — 1 июня сев ячменя, 20 мая кукование кукушки, 21 мая прилет ласточек, 29 распустилась береза, 6 июня цвели береза и осина, 22 июня — 1 июля колосилась рожь, 10 июня — 22 июля цвела рожь, 3 августа поспела черника, 20 августа — 6 сентября жали рожь, 23 августа поспела клюква, 1 сентября брусника, отлет ласточек, 27 сентября уборка картофеля, 9 октября отлет гусей, 13 отлет лебедей, оголились деревья.

УСТАВ 1849 ГОДА

Мы уже говорили, что устав Общества, утвержденный в 1846 г., был временным. Поэтому в начале 1848 г., под председательством Литке, начала действовать назначенная советом комиссия для выработки постоянного устава Общества. В этой комиссии деятельное участие принимали братья Милютины — Дмитрий Алексеевич (1816—1912), впоследствии военный министр и генерал-фельдмаршал, известный государственный деятель, «благороднейший тип воина-гражданина», как его называл Грановский, и Николай Алексеевич (1818—1871), виднейший деятель крестьянской реформы 1861 г. В комиссии Географического общества Милютины, а также В. С. Порошин стояли за более демократический устав. Д. А. Милютин был членом совета Общества в 1849—1852 и 1855—1856 гг.. Н. А. Милютин — в 1851—1855 г.

Новый устав, действовавший до недавнего времени (1931), был утвержден 28 декабря 1849 г. Цель Общества определена в § 1 следующим образом: «Русское географическое общество имеет целью собирать, обрабатывать и распространять в России географические, этнографические и статистические сведения вообще и в особенности о самой России, а также распространять достоверные сведения о России в других странах». Общество разделяется на 4 отделения: географии математической, географии физической, этнографии, статистики. Председатель Общества и помощник его (вице-председатель) избираются в годовом общем собрании на 4 года, из трех кандидатов, выдвигаемых на каждую из этих должностей советом. Председатели отделений выбираются членами своего отделения; каждый из председателей назначает себе, с согласия отделения, помощника. Совет Общества состоит из 15 членов: председателя Общества, его помощника, 4 председателей отделений, 8 членов, избираемых общим собранием, и секретаря. Секретарь назначается советом, по предложению председателя, из действительных членов Общества; секретарь

Общества присутствует на всех собраниях отделений; в его ведении состоят архив и библиотека. Председатель Общества, его помощник и председатели отделений избираются на 4 года. Из 8 членов совета двое выбывают ежегодно, по очереди своего вступления, и могут быть избраны вновь лишь по истечении года. Председатели отделений выбывают из совета по очереди ежегодно, но могут быть переизбраны отделением. Выборы производятся путем баллотировки закрытыми записками. Совет отчитывается в своих действиях в годовом собрании Общества; для рассмотрения отчета собрание избирает из своей среды ревизионную комиссию в составе семи членов. При совете состоит редакционный комитет, ответственный за издания Общества. Библиотека Общества открыта для всех, занимающихся географией. Согласно новому уставу, Общество получило наименование императорского.

Как видим, отделения, в которых, согласно уставу, была сосредоточена вся научная деятельность, получили полную самостоятельность. Отделение математической географии должно посвящать свое внимание вопросам геодезии, картографии и определения астрономических пунктов. Отделению физической географии следует заниматься вопросами, касающимися геологии, климатологии, гидрологии, ботанической и зоологической географии, а также страноведения. Отделению статистики надлежало изучать вопросы «применения цифрового метода к явлениям экономическим и социологическим и вообще производить исследования, основанные на этом методе». Предметом занятий отделения этнографии должна была служить «не только антропология в тесном смысле, но и изучение наречий, нравов, обычаев разных народностей и в особенности изучение бытовых сторон жизни русского народа».

Николай Иванович Надеждин
1804—1856

Семейство ливов в с. Колькен (Курляндия)

Ливская девушка-невеста, 1846 г.

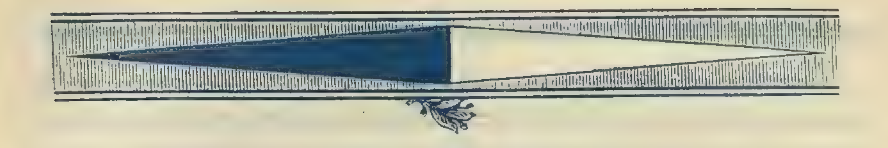
Крестьяне ливы в людской комнате, 1846 г.

Семейство ливов, 1846 г.

Площадь в укреплении Верном (ныне Алма-Ата), 1857 г.

III

БОРЬБА ПРОТИВ НЕМЕЦКОЙ ГРУППЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В первое десятилетие своего существования Географическое общество было единственным в России общественным центром, около которого объединялись лучшие представители разных специальностей. Оно вскоре завоевало общие симпатии. В состав Общества входило много передовых людей того времени.

У прогрессивных людей 40-х годов было сильно развито национальное чувство, что и не удивительно, ибо они были свидетелями мощного подъема и расцвета русской литературы и культуры. По этой причине многие видные члены Географического общества с неудовольствием смотрели на то, что руководящие посты в Обществе были заняты немцами, на которых «быстро развивавшееся русское географическое общество, уже сильное притоком собственных свежих сил, смотрело,— говорит П. П. Семенов, [1] — как на сонм немецких учителей, державших его в слишком тесных и чуждых его духу иноземных пеленках».

Передовые работники Географического общества стремились к изучению быта и экономического положения русского народа, считая, что результатом такого рода деятельности должно явиться сознание о необходимости отмены крепостного права.

[1] Мемуары, I, 1917, стр. 191.

Относительно вице-председателя Общества, Ф. П. Литке, в своей «Истории» П. П. Семенов выражается так: при всем своем научном авторитете, Литке вызвал против себя оппозицию со стороны прогрессивно настроенных членов Общества — народников, ибо «он скептически относился к народным стремлениям и симпатиям сравнительно молодых избранников Общества». К числу последних принадлежали известные впоследствии в истории русской общественности деятели 60-х годов: К. Д. Кавелин, Н. А. Милютин, Д. А. Милютин, а также В. А. Милютин, бывший в 1850—1852 гг. секретарем отделения статистики, а затем до 1855 г. секретарем Общества. В. А. Милютин (1826—1855), брат Н. А. и Д. А. Милютиных, был, как и они, талантливым человеком. По специальности экономист, он состоял профессором государственного права в Петербургском университете.[1] Кроме того, к русской партии принадлежали братья Я. и Н. Ханыковы, братья А. и М. Заблоцкие-Десятовские, Н. И. Надеждин, проф. К. А. Неволин, И. И. Срезневский, геолог А. Д. Озерский и другие.

В своих «Мемуарах» П. П. Семенов-Тян-Шанский рассказывает о произведенном этими лицами «перевороте» следующее:[2] «Обладая необыкновенною живостью и общительностью, Н. А. Милютин очень скоро успел сгруппировать вокруг себя юных деятелей русской науки. Эти молодые русские люди жаждали не только сближения с русским народом и изучения его быта и национальных особенностей, но и освобождения его от крепостной зависимости».

«Введенный своими новыми друзьями в состав Русского Географического общества Кавелин принял участие в борьбе русской партии против немецкой и много способствовал побе-

[1] О нем см. в I томе «Мемуаров» П. П. Семенова. В 1945 г. в здании Ленинградского университета среди изображений других видных профессоров этого университета помещен портрет В. А. Милютина.

[2] П. П. Семенов-Тян-Шанский. Эпоха освобождения крестьян в России (1857—1861 гг.). «Мемуары», III, Птг., 1915, стр. 13, 17.

де, одержанной этой партией и повлекшей за собой замену немецких руководителей Общества русскими. Переворот этот имел последствием то, что новые деятели Общества обратили усиленное внимание на изучение русского народного быта и аграрных отношений между помещиками и крестьянами».

В результате описываемой смены П. П. Семенов в мае 1850 г. был избран секретарем отделения географии физической, а в апреле 1856 г.— помощником председателя этого отделения.

В годовом собрании Общества 22 февраля 1850 г. впервые произошли выборы вице-председателя по новому уставу, и вместо Ф. П. Литке был избран сенатор, управляющий межевым корпусом, М. Н. Муравьев.

В «Истории Географического общества» Петр Петрович пишет: «Не надолго остался М. Н. Муравьев в должности вице-председателя Общества в новое царствование. Он стремился к еще более видной и притом единоличной деятельности на каком-либо государственном поприще. Назначение графа П. Д. Киселева, по заключении парижского мира, послом во Францию, открыло М. Н. Муравьеву дорогу на пост министра государственных имуществ. С принятием этой должности, М. Н. Муравьев, в январе 1857 г., сложил с себя звание вице-председателя Географического общества, а на место его в годовом собрании 23 января 1857 г. был снова избран Ф. П. Литке, с радостью вернувшийся в среду любимого им Общества».

Председателями отделений в 1850 г. состояли: по отделению математической географии знаменитый астроном В. Я. Струве, физической — геолог А. Д. Озерский (вместо Гельмерсена), этнографии — Н. И. Надеждин (заместивший в 1848 г. Бэра), статистики — А. П. Заблоцкий-Десятовский (заместивший в 1847 г. Кеппена).

Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский (1807—1881) был одним из заслуженнейших деятелей Гео-

графического общества. Он родился в Новгород-Северском уезде Черниговской губ., в старой, но разорившейся украинской дворянской семье. Получив, по окончании Московского университета, степень магистра математических наук, он посвящает себя статистике и вопросам экономики. Будучи близким сотрудником министра государственных имуществ графа Киселева, он, по поручению последнего, объехал в 1841 г. ряд губерний с целью изучения экономического положения государственных и помещичьих крестьян. Сведения эти нужны были секретному комитету, незадолго до того учрежденному, для рассмотрения предложений Киселева об ограничении крепостного права. Вернувшись из поездки, Заблоцкий-Десятовский в том же году представил блестяще написанную записку «О крепостном состоянии в России», в которой настаивал на необходимости освобождения крестьян с землею. Здесь была нарисована такая безотрадная картина положения крестьян, что Киселев не решился представить это яркое произведение Николаю I (обширная записка эта впервые напечатана в 1882 г., в IV томе посмертного труда Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время», 271—345). Заблоцкий-Десятовский был ближайшим участником работ по освобождению крестьян, много трудился он и для Географического общества, где ряд лет председательствовал в отделении статистики, а затем был членом совета. В 1870 г. он был назначен членом Государственного совета. Из трудов Заблоцкого-Десятовского следует отметить: «Финансовое управление и финансы русские» (СПб., 1871). П. П. Семенов называет его «всеми признанным истинным мудрецом, принадлежавшим к блестящей плеяде деятелей эпохи 1857—1861 гг.»

Новый глава Общества М. Н. Муравьев в свое время сочувствовал декабристам, среди которых было много его родственников. Но он скоро переменил свои убеждения и в истории 60-х годов известен как крепостник и реакционер. Тем удивительнее найти в архиве Географического общества

следующий документ[1], адресованный советом Общества своему председателю и подписанный собственноручно вице-председателем М. Н. Муравьевым 13 декабря 1856 г. (Достойно упоминания, что как раз в этот день Муравьев сложил с себя звание вице-председателя). В этом заявлении Общество ходатайствует о предоставлении ему права печатать все свои издания без рассмотрения цензурою. Труды Общества, направленные к изучению России, встречают, говорится в записке, постоянные затруднения и ограничения. «Последние часто вовсе не соответствуют правильному понятию об ученом достоинстве Общества... Ограничения эти преимущественно заключаются в цензуре, в распространяющемся влиянии которой Общество не может не видеть некоторого противоречия с самою целью своего назначения.... Из тысячи примеров подобного надзора, между прочим, можно указать, что ученое общество не смело печатать на страницах своего журнала, например, следующих слов: ни *храма* Мемфиса или Сезостриса, ни *буддийского монастыря,* ни *религиозных верований* индусов или других язычников, ни признанной всеми государствами за самостоятельную республику в Африке, *колонии Либерии,* образовавшейся из свободных негров и т. д. Занимаясь историческою географиею, Общество не смело печатать подтверждений, что такой-то город в Азии упоминается еще в Библии, или, при этнографических исследованиях указывать на поверья и предрассудки, или, наконец, говорить, что женщины такого-то инородческого племени *совершают роды не лежа, а оставаясь на ногах,* и т. д. Описывая фауну края, нельзя было упоминать о птицах, водящихся во всей Индии, Африке и других местах, и известных в зоологии под названием секретарей (род коршуна) и адъютантов.[2] Все эти слова превра-

[1] Дело № 10, начато и решено 13 декабря 1856 г.

[2] Секретарь, Gypogeranus serpentarius, это африканская птица из отряда хищных. Под именем адъютанта имеется в виду африканская птица марабу из отряда аистообразных.

щались по заботливости цензора в *капище* Мемфиса или в буддийское *здание,* а другие совершенно уничтожались под цензорским пером. Эпитет *образованных* наций, прилагавшийся где случалось, в статьях, говоря о народах или государствах Западной Европы, тщательно преследовался и по настоящее время преследуется цензурою». Но гораздо более стеснительна,— говорится в записке,— многочисленность цензурных инстанций: «всякое описание монастыря, замечательного древностью, отсылается в цензуру духовную; всякое слово об иноверцах — в департамент духовных дел; описание дорог — в главное управление путей сообщения, и т. п. Особенно статистические исследования, при этой многочисленности сношений, необходимых для разрешения их к печати, становятся совершенно невозможными».

Ввиду вышеизложенного совет Общества обратился к председателю с просьбой исходатайствовать Обществу «право печатания всех изданий Общества без сношений с цензурным управлением» и право получать из-за границы книги географического содержания без предварительного разрешения цензуры и без платежа таможенных сборов. На этой записке председатель положил резолюцию: «Я не нахожу никакой возможности ходатайствовать об изложенных здесь двух преимуществах, но полагаю, что было бы полезно сообщить министру народного просвещения для сведения о несообразных действиях цензоров. Константин». Здесь же приписка Ф. П. Литке: «Сделано ли что-нибудь по этой резолюции?»

Из дела не видно, имел ли какое-либо дальнейшее движение поднятый вопрос. Неизвестно также, по чьей инициативе подана была записка. Но вскоре цензурные строгости были вообще смягчены, что затем нашло свое отражение в временных правилах 6 апреля 1865 г.

М. Н. Муравьев состоял вице-председателем Общества, как сказано, с февраля 1850 г. по декабрь 1856 г. П. П. Семенов, хотя и противник Муравьева, говорит, что для Общества он был неутомимым и полезным председателем. Един-

ственно, кому он делал жизнь невыносимою, это — секретарю Общества, добрейшему А. К. Гирсу, которого Муравьев требовал к себе во всякий час дня и ночи, заставляя часами ждать в своей приемной.[1]

Из числа организационных дел Общества, осуществленных при Муравьеве, надо упомянуть об учреждении Кавказского и Сибирского отделов Общества. Мысль об основании местных отделений принадлежала первому секретарю Общества А. В. Головнину, который совместно с Надеждиным составил проект положения о Кавказском отделе. При содействии наместника Кавказа М. С. Воронцова, в Тифлисе 10 марта 1851 г. был открыт Кавказский отдел, сразу же проявивший энергичную и весьма плодотворную деятельность по изучению Кавказа. Отделом опубликовано много томов «Записок» (с 1852 г.) и «Известий» (с 1872/1873 г.). Сибирский отдел основан в Иркутске по инициативе вице-председателя Общества М. Н. Муравьева. Он открыт был просвещенным генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьевым (Амурским)[2] 17 ноября 1851 г. Сибирский отдел имеет большие заслуги. В 1853 г. им была снаряжена под руководством известного географа Р. К. Маака экспедиция на Вилюй, работавшая два года и подробно и превосходно описанная Мааком в его трехтомном труде «Вилюйский округ Якутской области» (СПб. 1883—1887). В 1854 г. Н. Н. Муравьев совершил свой знаменитый сплав по Амуру, описанный в 3-й книжке Записок Сибирского отдела (1857). В 1855 г. Маак, по поручению Сибирского отдела, произвел исследование Амура вплоть до Мариинска, а в 1859 г. изучал долину Уссури.

Все эти путешествия подробно описаны.

Прибавим, что со дня учреждения оба отдела стали получать правительственную субсидию — по 2000 руб. в год каждый.

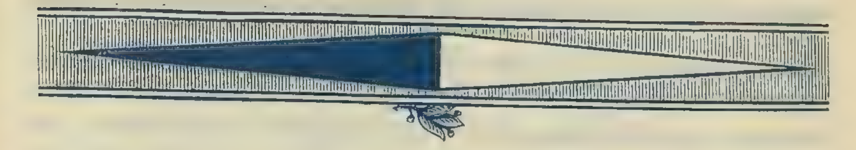
[1] Мемуары, I, стр. 133.

[2] Впоследствии почетным членом Общества.

Секретарем общества с 1854 по сентябрь 1859 года был Евгений Иванович Л а м а н с к и й, брат этнографа В. И. Ламанского, впоследствии известный экономист и видный деятель Общества. Когда в 1859 г. Е. И. Ламанский покинул должность секретаря, Общество выразило ему благодарность и сожаление об его уходе, на что он отвечал: «Должность секретаря нашего Общества принадлежит к числу тех немногих обязанностей, которые облекают принимающего их лестною доверенностью, которые дают благородное побуждение оправдать ее и которых, скажу по совести и по опыту, нельзя покидать без самого глубокого сожаления и крайней необходимости».[1] Действительно, должность секретаря Общества всегда была почетной и ответственной, так как секретарь является средоточием всей деятельности Общества.

[1] Вестн. Геогр. общ., т. 27, 1859, ч. 1, стр. 53.

IV

П. П. СЕМЕНОВ, ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В марте 1849 г. в члены Географического общества был принят 22-летний Петр Петрович Семенов (1827—1914), впоследствии знаменитый путешественник и исследователь, краса и гордость нашего Общества — его бессменный руководитель на протяжении свыше 40 лет, активный участник эпохи освобождения крестьян, один из просвещенных деятелей дореволюционной России.

История детства и юности (1827—1855) Петра Петровича рассказаны им в первом томе его мемуаров, оставшихся, к сожалению, почти неизвестными у нас. Эта книга вышла в свет уже после смерти автора в феврале 1917 г., в эпоху, насыщенную всемирно-историческими событиями, когда было не до воспоминаний хотя бы и такого крупного человека, как П. П. Семенов-Тян-Шанский.

Отец Петра Петровича, Петр Николаевич, был участником Бородинского и Кульмского сражений, два раза попадал в плен, откуда дважды бежал, затем вместе с русскими войсками брал Париж. Выйдя в отставку в чине капитана, он в 1821 г. женился на Александре Петровне Бланк, дочери одного из Бланков, французских эмигрантов конца XVII в.; предки Петра Петровича по матери известны в качестве выдающихся зодчих. Петр Николаевич был просвещенный и гуманный человек, тепло относившийся к своим крестьянам, член тайного общества «Союз благоденствия», автор попу-

лярных в свое время пьес. У него, 2(14) января 1827 г., в усадьбе при селе Урусове, Раненбургского уезда, Рязанской губернии, родился сын Петр, впоследствии знаменитый географ. В 1842 г. мальчика отдали в военную школу, где он сразу обнаружил исключительные способности. По окончании школы молодой Семенов не пожелал избрать военную карьеру, а в 1845 г. поступил в Петербургский университет, на физико-математический факультет. Здесь Петр Петрович застал ряд выдающихся профессоров: талантливого зоолога и палеонтолога С. С. Куторгу; химика А. А. Воскресенского, прозванного «дедушкой русских химиков», учителя Менделеева, впоследствии ректора Петербургского университета; астронома академика А. Н. Савича, одного из старейших членов Географического общества, входившего в состав Совета. Физиологию растений читал знаменитый ботаник Л. С. Ценковский, совершивший по поручению Географического общества в 1847 и 1848 гг. путешествие в северо-восточный Судан (оно описано им в изданиях Географического общества за 1850 и 1851 гг.). Физику и физическую географию излагал академик Э. Х. Ленц, один из старейших членов Общества; минералогию и геологию — горный инженер Гофман, о котором мы уже упоминали как о главе Уральской экспедиции Географического общества. Высшую математику, которая была обязательным предметом, тогда читал знаменитый математик Пафнутий Львович Чебышев, впоследствии академик и один из славнейших русских ученых. Другим обязательным предметом для всех студентов была история русского законодательства, которую преподавал известный юрист К. А. Неволин, деятельный член Географического общества, о трудах которого мы еще будем говорить. Ректором университета при Петре Петровиче был просвещенный П. А. Плетнев, друг Пушкина, деканом факультета — профессор Ленц, секретарем — уже упоминавшийся математик Чебышев.

На старшем курсе факультета было всего 8 слушателей. Университетским товарищем и другом Семенова был Ни-

колай Яковлевич Данилевский, известный натуралист, общественный деятель и активный член Географического общества; с ним Петр Петрович жил в одной квартире на Васильевском острове. Вместе с Петром Петровичем учился и А. Н. Бекетов, впоследствии профессор ботаники и ректор Петербургского университета, член Географического общества и редактор его «Записок» (1861—1862).

Весною 1848 г. П. П. Семенов выдержал в университете экзамены на степень кандидата, а затем вместе со своим другом Данилевским совершил пешком экскурсию из Петербурга до Москвы с целью собирания ботанических и геологических коллекций. В то время свирепствовала холера, и на реке Волхове наши экскурсанты были приняты крестьянами за разносителей болезни. Благодаря находчивости Петра Петровича удалось предотвратить холерный бунт. Из Москвы Петр Петрович отправился в свое имение Петровку в Тамбовской губернии. «Здесь, пишет он,[1] я почувствовал, что принимаю на себя ответственную роль владельца крепостных людей: все более проникался я убеждением в несостоятельности существовавшего порядка и в том деморализующем влиянии, какое он имеет не только на крепостных и в особенности на дворовых, но и на самих помещиков».

В феврале 1849 г. П. П. Семенов вступил в состав Географического общества, куда его ввели в качестве члена три деятеля: А. К. Гирс, в то время секретарь Общества, К. К. Грот, впоследствии член Государственного совета, и уже упоминавшийся выше Г. П. Небольсин. Петру Петровичу было поручено заведывание библиотекой Общества.

В зиму 1848/1849 г. Петр Петрович совместно со своим другом Данилевским усердно посещал собрания революционного кружка, возглавлявшегося М. В. Буташевичем-Петрашевским (1821—1866). Петрашевский был сторонником идей Фурье и Сен-Симона, представителей утопического социализма, взгляды которых он, правда, с большими препят-

[1] Мемуары, I, стр. 186.

ствиями от цензуры, умудрялся проводить в «Карманном словаре иностранных слов» (1845—1846). К кружку Петрашевского принадлежали виднейшие писатели: Ф. М. Достоевский, В. Г. Белинский, М. Е. Салтыков, Д. В. Григорович, А. М. Жемчужников, поэты: Л. А. Мей и А. Н. Плещеев, критик В. Н. Майков, его брат поэт Л. Н. Майков, Панаев, а кроме того, братья Дебу, С. Ф. Дуров, Н. А. Спешнев, Н. Я. Данилевский, впоследствии видный член Географического общества, читавший, со свойственным ему талантом, доклады о фурьеризме, а из членов Географического общества — П. П. Семенов, В. А. Милютин, статистик Е. И. Ламанский, А. П. Баласогло. 23 апреля 1849 г. были арестованы видные петрашевцы, но ни к Данилевскому, ни к Семенову не применено никаких репрессий.

Незадолго до того Семенов и Данилевский составили проект исследования черноземной полосы России. Вольное экономическое общество одобрило это предприятие, которое было рассчитано на три года. Отъезд свой друзья несколько отсрочили, ожидая, не будет ли произведен у них обыск. Однако к ним никто не приходил. Тогда они тронулись в путь и посетили черноземные пространства Рязанской, Тульской и Орловской губерний. Но на берегу р. Красивой Мечи, правого притока Дона, исследователей нагнал жандармский полковник, который арестовал Данилевского, отобрал все бумаги и, между прочим, готовый отчет Вольному экономическому обществу (пропавший бесследно) и отвез Данилевского в Петербург. Семенов же был оставлен на свободе, что П. П. объясняет тем, что на собраниях он не произносил никаких речей. Впрочем, в отсутствие П. П. Семенова среди его вещей, хранившихся у А. К. Гирса, был произведен тщательный обыск, продолжавшийся три дня; однако, говорит Петр Петрович, [1] между книгами и бумагами «не нашли ничего запрещенного, так как мы [Семенов и Данилевский]

[1] Мемуары, I, 1917, стр. 211.

никогда не держали у себя ни одной запрещенной книги, а пользовались общественной библиотекой, устроенной Петрашевским и хранимой им в подвалах его дома». Петрашевский и семь членов его кружка были приговорены к смертной казни, которая заменена ссылкой в Сибирь, Данилевский же отделался сравнительно легко: вместо смертной казни, какая, по словам Семенова, ему угрожала, он, по заступничеству Я. И. Ростовцова и «во внимание к его необыкновенным талантам», был судной комиссией оправдан,[1] но по личному распоряжению Николая I был сослан в Вологду, где назначен чиновником особых поручений при губернаторе. Прибавим еще, что когда Данилевского на допросе спрашивали, с кем он еще имел близкое короткое знакомство и частые сношения, он отвечал: «В полном смысле близкое и короткое знакомство имел я только с моим товарищем по занятиям естественными науками, П. П. Семеновым, с которым мы вместе жили». На вопрос, что на собраниях у Петрашевского говорилось относительно правительства и изменения существующего порядка, Данилевский отвечал неопределенно: критиковались различные учреждения — судопроизводство, крепостное состояние, цензура.[2]

[1] Ростовцов впоследствии в шутку говорил, что по прочтении написанного Данилевским очерка учения Фурье все члены судной комиссии сами сделались более или менее фурьеристами. Изложение учения Фурье, сделанное Данилевским на суде 24 июня 1849 г., напечатано полностью в издании «Дело петрашевцев», II, Л., 1941, стр. 289—326. В предисловии к упомянутому изданию говорится, что это произведение не потеряло значения до сих пор.

[2] Члена Географического общества, архивариуса министерства иностранных дел петрашевца А. П. Баласогло следственная комиссия спрашивала в июле 1849 г.: «Объясните: с которого времени и часто ли посещал собрания Петрашевского Петр Петрович Семенов, какого он звания, где служит и имеет жительство». Ответ: «Семенов, которого я заметил на вечерах у Петрашевского, был у него при мне всего-навсего раза три или четыре, но держал себя так скромно и так скоро исчез у меня из виду, что мне почти невозможно определить, когда я его видел. Кажется, года полтора тому назад; впрочем, может быть и ближе — не ручаюсь» («Дело петрашевцев», II, 1941, стр. 145).

В своих мемуарах Петр Петрович описывает потрясающее впечатление, какое произвел на него смертный приговор 8 петрашевцам. «Присужденные к смертной казни, говорит он, мало чем отличались по своему направлению и стремлениям от других».[1]

Возвращаемся к путешествию Семенова. После ареста Данилевского Петр Петрович продолжал свое исследование черноземных степей, достигнув на юге Манычской степи. По дороге он собирал материал для своей магистерской диссертации «Придонская флора в ее отношениях к растительности Европейской России». Вернувшись осенью 1849 г. в Петербург, Петр Петрович был обрадован появлением у него на квартире Н. Я. Данилевского, которому было разрешено, после стодневного заключения в крепости, пробыть у Семенова три дня, после чего он отбыл в свою вологодскую ссылку.

В 1851 г. Петр Петрович, по поручению совета Географического общества, приступил к переводу той части труда Риттера «Землеведение Азии», которая относится к азиатской России и странам с нею сопредельным.

Годы 1853—1855 Петр Петрович провел за границей, где поставил себе целью подготовиться к задуманному им путешествию в Тянь-шань. Поступив студентом в Берлинский университет, он занялся здесь преимущественно географией и геологией. С особым увлечением слушал он лекции географа Риттера. О своем предполагаемом путешествии на Тянь-шань Семенов беседовал с Гумбольдтом, который придавал громадное значение исследованию этого хребта.[2]

С целью изучения вулканических явлений, наличие которых предполагалось Гумбольдтом в Тянь-шане, Семенов посетил окрестности Неаполя, совершив 17 восхождений на Везувий.

Осенью 1855 г. П. П. вернулся в Петербург. В мае сле-

[1] П. П. Семенов. Мемуары, I, стр. 214.
[2] Риттер, Землеведение Азии, II, 1859, стр. 16.

дующего года вышел в свет первый, весьма обширный том перевода Риттерова «Землеведение Азии» объемом в 750 страниц, заключающий описание Монголии, Манджурии и северного Китая. Перевод сделан П. П. Семеновым, к нему приложено введение, а также занимающие почти половину тома, обширные, весьма существенные дополнения, составленные им же.

В предисловии к I тому Семенов высказывает следующие замечательные мысли: «*Космополитизм* науки состоит именно в том, что она есть общечеловеческое достояние, что, где бы ни возникли новые идеи, они равно принадлежат всему человечеству. *Национальность* же науки заключается именно в том, чтобы она проникла в жизнь народную, делалась для нее не мертвым символом, а пластическим началом. Это необходимо потому, что наука в наш реальный век уже не есть туманное отвлечение схоластических умов; она есть самопознание, познание окружающих предметов и сил природы, уменье подчинить их своей власти, употребить их для нужд своих и потребностей. Без нее невозможен не только умственный прогресс поколений, но даже и успех материального их благосостояния. Поэтому стремлением каждого ученого, если он не желает оставаться холодным космополитом, а хочет жить одною жизнью со своими соотечественниками, должно быть, кроме старания подвинуть абсолютно вперед человеческое знание, еще и желание ввести его сокровища в жизнь народную».

Во Введении Петр Петрович развивает правильные взгляды на сущность географии. «Мне часто случалось,— говорит он,— слышать суждение людей, даже образованных, не признававших географию за самостоятельную науку, а принимавших ее за аггрегат или мозаику очень разнородных сведений, заимствованных из разных наук. Отсутствие географии в университетском преподавании в России показывает, как кажется, что это мнение укоренилось и у нас. Оно происходит, вероятно, от того, что география — наука

о Земле, есть слово, которому можно дать очень различные объемы и определения». Далее Семенов совершенно правильно указывает, что под именем географии смешивают две разные вещи. Во-первых, «географию в обширном смысле», которая занимается «полным исследованием земного шара», или, по современной номенклатуре,— *общее землеведение*. В этом смысле география, как совершенно верно замечает Семенов, «есть, действительно, не наука, а целая естественная группа наук», состоящая из математической географии, физической географии, этнографии и «статистики», под каковым именем Семенов понимает, как в то время еще нередко делалось, экономическую и политическую географию. Но, кроме того, есть еще настоящая наука географии — «география в тесном смысле», или описательная география или, как мы говорим теперь, *страноведение*. Семенов утверждает, что эта география занимается изучением земной поверхности, причем не только природных особенностей ее, но и тех изменений, какие вносит человеческая культура.

В том же Введении П. П. Семенов подымает еще два очень важных вопроса, не потерявших своего значения до настоящего времени, именно — о необходимости выработать русскую географическую терминологию и о географическом правописании.

Петр Петрович впервые ввел в русскую географическую литературу термины: *нагорье, плоскогорье, котловина, предгорье, продольная долина, поперечная долина*. Относительно правописания географических имен Петр Петрович указывает на важность правильного написания китайских географических имен—вопрос, не утративший своего значения в наши дни.

Чтобы дать представление о дополнениях, сделанных Семеновым к книге, вышедшей в свет в 1832 г., приведем для примера то, что Риттер говорит о Каспийском море:

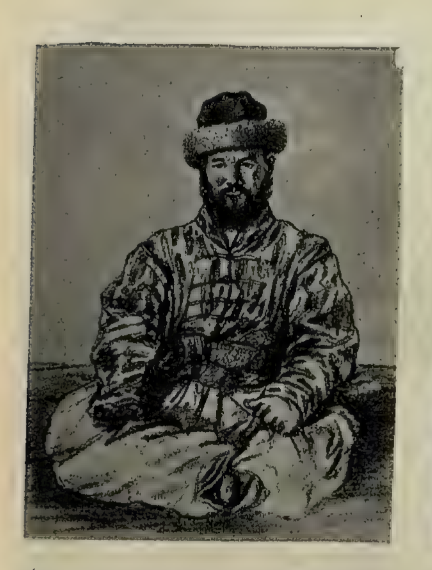
«В то время, когда уровень Каспийского и Аральского озер стоял несколько выше, чем ныне, они могли сообщаться с

Дуана (шаман) казахов Большой орды, 1857 г.

Алма жена и Джузюм дочь султана Бурамбея, 1857 г.

Бий казахского рода кашкарау племени дулатов, 1857 г.

Старший султан казахов Большой орды, 1857 г.

Старое помещение Географического общества у Чернышева моста
в здании Министерства народного просвещения (1862—1909)

полярным морем к северу, вдоль и мимо восточной подошвы Урала, ...по ложу Тобола и Оби, прежде может быть чем Урал поднялся до своего нынешнего значения» (стр. 31—32).

На это П. П. Семенов возражает (стр. 109), что соединение Каспийского и Аральского морей, а равно Каспийского с Черным, могло существовать только во времена доисторические. Мысли Петра Петровича не потеряли своей актуальности до настоящего времени, ибо до сих пор все еще приходится доказывать, что в историческое время Каспий и Черное море не соединялись друг с другом.

Риттер, основываясь на данных Энгельгардта и Паррота (1811), полагал, что уровень Каспия на 90—100 м ниже уровня океана. Напротив, Семенов, ссылаясь на наблюдения Савича и Саблера (1837 г.), приводит высоту уровня Каспийского моря в — 25 м, каковая общепринята и до сих пор. С другой стороны, П. П. Семенов ошибался, считая, что между уровнями Каспия и Арала нет почти никакого различия: мы знаем теперь, что уровень Аральского моря лежит на 52 м выше уровня океана (за 1911—1931 годы).

Гумбольдт, много путешествовавший по вулканическим областям Америки, готов был везде находить проявления вулканизма. Котловину Каспийского моря он склонен был считать за «страну — кратер», аналогичную громадным вулканическим впадинам на поверхности луны. П. П. Семенов был с этим не согласен: «Каспийская впадина, как кажется, представляет тип таких, которые образовались постепенным высыханием морей, а не вулканическим провалом, как Мертвое море» (стр. 118).

В дополнениях Петр Петрович приводит впервые найденные В. П. Васильевым[1] в китайских источниках сведения о вулканической области Уюн-холдонги в северо-западной Манджурии; здесь в 1721 г. происходило извержение (стр. 261).

[1] Вестн. Геогр. общ., кн. V, 1855.

Второй том русского перевода «Землеведение Азии» заключает описание Тянь-шаня, Алтая и Саян. Сделанный, как и первый, Семеновым, он вышел в свет в 1859 г., когда Петр Петрович вернулся из своего тяньшанского путешествия. Таких обширных дополнений, как в первом томе, мы во втором не находим, но есть примечания переводчика, а кроме того, обширное (34 стр.) предисловие, в котором Петр Петрович рассказывает историю изучения Тянь-шаня и вкратце сообщает о своем исследовании этого хребта, излагая результаты сделанных им наблюдений. Несколько подробнее он останавливается на отсутствии современных или недавних вулканов в Тянь-шане. Установление этого факта, говорит Семенов, есть один из важных результатов его путешествия.

В заключительных строках предисловия, помеченного 1 октября 1859 г., т. е. уже после смерти Гумбольдта, Петр Петрович выражает огорчение тем, что ему пришлось возр - жать против взглядов Гумбольдта, «который верил в существование вулканов Небесного хребта почти столько же, сколько Колумб в существование Нового света». Но при всем своем уважении к авторитету Гумбольдта Петр Петрович не мог пожертвовать истиной. «Наука, говорит он, есть вечное стремление человечества к истине, а истина достигается только долгим путем, посреди неизбежных ошибок и заблуждений... И никто не имеет более случая впасть в эти ошибки и заблуждения, как передовые мыслители и те гении, которые пролагают новые пути человечеству к истине, открывают целые миры новых понятий и воззрений. За ними идет толпа других мыслителей и исследователей, для которых путь уже проложен и задача облегчена. Каждому свое дело, но и на самом скромном деятеле лежит святая обязанность указать и исправить ошибку гениального зодчего. И в этом случае указывающий на истину не должен быть задавлен авторитетом гения, потому что наука есть такая общечеловеческая задача, в которой не только личности, но и национальности должны исчезнуть, и начала олигархиче-

ского существовать не может». К этому прибавлю, по силе ума, наблюдательности, разносторонности своих дарований Семенов нисколько не уступал Гумбольдту.

Книга быстро разошлась, так как тогда очень интересовались Дальним Востоком: именно в это время Н. Н. Муравьев (Амурский) сплыл по Амуру, и происходили оживленные дипломатические переговоры с Китаем. Всего из серии «Землеведение Азии» вышло в свет 10 томов, из коих последний в 1895 г., причем некоторые тома представляли собой самостоятельные географические описания, выполненные заново П. П. Семеновым с сотрудниками; таковы части, посвященные Алтаю, Саянам, Байкалу и Прибайкалью.

Вскоре по возвращении из-за границы Семенов представил Географическому обществу план путешествия на Алтай, в Киргизские степи и другие места, которые ему нужно было повидать для предстоящих дополнений к Риттеру. На самом деле, Петра Петровича манил к себе таинственный Тянь-шань, о котором он, однако, боялся заикнуться, опасаясь, что министерство иностранных дел наложит свое вето на посещение этих, пограничных с Китаем, мест.

Весной 1856 г. Семенов снарядился, доехал до Москвы по железной дороге, далее до Нижнего по шоссе, купил там прочный тарантас и через Казань направился по большому сибирскому тракту.

В Омске Семенову полное содействие оказал западно-сибирский генерал-губернатор Г. И. Гасфорд.

В том же 1856 г. П. П. Семенов посетил западный Алтай, побывал в Семипалатинске, где встретился со старым знакомым, петрашевцем, Ф. М. Достоевским, отбывавшим здесь ссылку, а отсюда направился в укрепление Верное (ныне Алма-ата), основанное в 1855 г. у подножия Заилийского Алатау, на р. Алматинке, в плодородной местности, покрытой великолепными рощами из яблонь (алма) и абрикосовых деревьев. Отсюда в сопровождении 30 человек Петр Петрович выехал через горы к восточному концу Иссык-куля. В до-

лине р. Иссык, стекающей на север с Заилийского Алатау восточнее Алма-атов, 3(15) сентября спугнули из зарослей арчи двух тигров, которых здесь теперь уже давно нет. 9 сентября достигли восточной оконечности Иссык-куля между устьями его притоков Тюба и Джиргалана. 16 сентября отряд Семенова благополучно вернулся в Верное.

Весною того же 1856 г. топографами была произведена съемка берегов Иссык-куля.[1] Они и Семенов были первыми русскими, посетившими это замечательное озеро после капитана Ивана Унковского, побывавшего здесь в 1722 г., во время своей поездки, по распоряжению Петра I, к калмыкам. 27 сентября Петр Петрович снова посетил Иссык-куль, но на этот раз западную оконечность озера. Путешественник убедился, что река Чу, вопреки господствовавшему среди западноевропейских географов мнению, вовсе не вытекает из Иссык-куля, а обходит его, временами отдавая часть своей воды озеру через проток Кутемалды. Озеро же Иссык-куль стока не имеет. Мост через реку Чу, поблизости от Буамского ущелья, носит в честь Петра Петровича название Семеновского.

В октябре того же 1856 г. неутомимый Петр Петрович предпринял путешествие в Кульджу, т. е. в китайские пределы. Отсюда в начале ноября вернулся через Семипалатинск в Барнаул.

В следующем году Семенов снова был на Иссык-куле. Через перевал Зауку он поднялся на Терскей-Алатау и, таким образом, первый из ученых путешественников-европейцев достиг центрального Тянь-шаня. Отсюда он проник к истокам Нарына (бассейн Сыр-дарьи), а затем пробрался к реке Сары-джас, принадлежащей к системе Тарима, увидел в ее незабываемой красоте вершину Хан-тенгри и открыл в верховьях Сары-джаса ледники. Один из них, спускающийся с пика Семенова, носит имя ледника Семенова. Затем Петр Петрович занялся исследованием Заилийского Алатау, Джун-

[1] Основанная на этих съемках карта Иссык-куля приложена к одному из отчетов Семенова (1858).

гарского Алатау и Тарбагатая. Доказательств новейших вулканических явлений в Тянь-шане Семенов нигде не нашел.

Помимо географических исследований, Семенову приходилось принимать участие и во внутренних делах аборигенов. Так, в своих мемуарах он рассказывает, что неожиданно для себя он оказался третейским судьею в споре между двумя родами заилийских казахов.

Дело заключалось в следующем. Дочь одного знатного казаха, по имени Бейсерке, из поколения дулатов, была просватана сыну тоже знатного казаха из другого рода, адбалов. Калым уже был выплачен, и жених явился за получением невесты. Но тут невеста заявила, что живою она своему жениху не достанется. Никакие уговоры отца и матери не подействовали на эту замечательную девушку. Тогда родители предложили адбалам получить обратно калым. Но это было неслыханным нарушением обычного права, и племя жениха сочло все происшествие за народное оскорбление. Дело грозило междоусобицей, для предотвращения каковой был созван суд биев. Эти последние избрали своим суперарбитром ученого человека Петра Петровича. На суд явилась и сама виновница всего происшествия — по описанию Петра Петровича, стройная 19-летняя девушка, поразившая «всех присутствующих своей красотой и необычайным одушевлением». Она повторила, что ни в коем случае не достанется живою претенденту на ее руку. Семенову удалось убедить племя жениха согласиться на получение взамен прекрасной Бейсерке двойного эквивалента калыма. Судьба Бейсерке, первой защитницы женской свободы в Казахстане, мне, к сожалению, неизвестна.

Вообще, для Петра Петровича характерно его гуманное отношение к туземному населению. В записке, поданной в 1856 или 1857 г. омскому генерал-губернатору Гасфорду, он, в связи с расширением русской колонизации, задается вопросом, «не стесняют ли русские поселенцы киргизов [казахов] и нет ли мер к отвращению этого стеснения». Семенов намечает ряд мер, которые могли бы способствовать лучшему устроению казахского населения и к «упрочению возможно лучших и справедливых отношений между казаками и киргизами [казахами]». Среди других деловых указаний есть и такое: «Встречающееся иногда совмещение власти над казака-

ми и киргизами [казахами] в одном лице лишает киргизов своих естественных трибунов, через которых народный их голос мог бы доходить до высшего начальства. Поэтому следует установить строгое разграничение власти».[1]

В ноябре 1857 г. Петр Петрович вернулся в Петербург. Весною следующего года он привлечен был к делам по освобождению крестьян и в течение двух лет был занят в редакционных комиссиях.

30 января 1860 г. Петр Петрович был избран председателем Отделения физической географии Географического общества и с тех пор, в продолжение 54 лет, он оставался на руководящих постах в Обществе.

10 октября 1862 г. Географическое общество в первый раз собралось в своем новом помещении в доме министерства народного просвещения у Чернышева моста.[2] В этом заседании, в котором присутствовал бывший секретарь Общества, министр народного просвещения А. В. Головнин, была доложена карта государственной границы с Китаем от озера Ханки до Кореи, составленная полковником Будогосским в Иркутском генеральном штабе на основании съемок, произведенных экспедицией для разграничения в Уссурийском крае в 1861 г. «Последний пограничный столб был поставлен на реке Тумени, насупротив корейского города Бянь-лянь-джичень. Когда комиссия наша вышла на это место и разбила палатки против города, то все жители собрались на противоположном берегу, а несколько корейских чиновников переехали на нашу сторону в лодке, чтобы узнать, что за люди и зачем пришли. Им дали прочесть китайский текст последнего трактата; они прочли, но отказались взять его с собою,

[1] Эта записка напечатана в редком издании: И. Ф. Бабков. Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875 гг. СПб., 1912, стр. 569—575. Указанием на эту книгу я обязан члену Геогр. общ. И. И. Бабкову.

[2] Только через 47 лет Географическому обществу удалось стараниями Петра Петровича переехать из министерского дома в собственное помещение, о чем будет рассказано ниже.

утверждая, что ничего не знают об условиях, заключенных нами с китайским правительством. Впрочем, обращение корейцев было самое дружелюбное; они даже пригласили русских к себе в город».[1]

17 января 1873 г., на годовом собрании, Ф. П. Литке, которому в это время уже исполнилось 75 лет, отказался от председательствования, и руководителем общества был избран П. П. Семенов. После того как результаты выборов были оглашены, Литке обратился к собранию с речью, в которой, между прочим, говорил:

«Перешагнув на вторую половину восьмого десятка и чувствуя с каждым днем возрастающий упадок сил моих, я поступил бы недобросовестно, представ перед вами вновь кандидатом на должность, которую по убеждению моему не могу уже выполнить с прежней энергией, с прежней деятельностью. Для этого нужны силы более свежие. И в этом отношении нельзя не поздравить вас с сделанным вами сегодня выбором. Всем нам известно, что землеведение, в самом обширном смысле, было искони преимущественным предметом занятий П. П. Семенова. Всем известны многочисленные труды его как вообще на поприще географии, так специально в интересах нашего Общества, в продолжение многолетнего председательства в одном из его отделений. Все это служит нам залогом того, что под руководством Петра Петровича деятельность Русского географического общества, доставившая ему уже столь видное место между учреждениями того же рода в Европе, не только не уменьшится, но будет все более и более развиваться».

В своем ответном слове П. П. Семенов так охарактеризовал эпоху председательствования Литке:

«27 лет тому назад Федор Петрович, с некоторыми из здесь присутствующих ветеранов географической науки и со многими из тех, которых уже нет между нами, положил первое основание Русскому географическому обществу. С тех

[1] Зап. Геогр. общ., 1863, кн. 1, действія Общества, стр. 2.

пор, с тем же светлым умом, с той же твердой волей, с той же бескорыстною любовью к науке, с какими он вел на географические открытия корабль своей экспедиции, вел он и нас от открытия к открытию, начиная от холодных вершин северной оконечности Урала до жарких стран Хорасана, от пустынного Сахалина до густонаселенной юго-западной нашей окраины на галицийской границе. И на этом пути, в не всегда спокойном океане общественной деятельности, дело не обошлось без борьбы с препятствиями, без бурь и подводных камней. Но корабль, руководимый опытным кормчим, вышел с честью из 27-летнего своего плавания, и далеко разнеслась его слава в образованном мире, и высоко поднято на нем знамя науки».

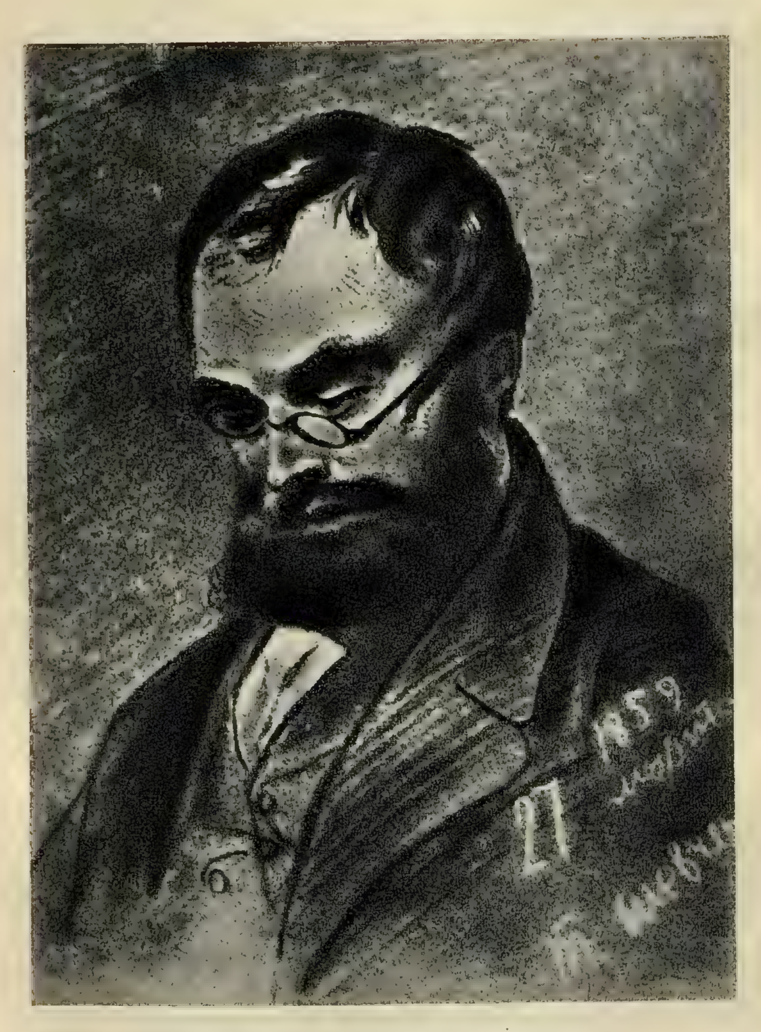
Но возвратимся к новому председателю. Предсказание Ф. П. Литке вполне оправдалось: свыше чем сорокалетний период (1873—1914) председательствования П. П. Семенова ознаменован расцветом деятельности Географического общества.

В своей «Истории Общества» Петр Петрович называет время с 1871 по 1885 г. «периодом экспедиций Н. М. Пржевальского», но эту эпоху с таким же правом можно было бы назвать «периодом П. П. Семенова».

Петр Петрович Семенов был не только замечательным географом, первым исследователем Тянь-шаня и многолетним главою нашего Общества; велики заслуги его и в других отраслях науки, искусства и общественности. Он деятельно занимался геологией и ботаникой, был магистром этой последней науки (за работу «Придонская флора», 1851), состоял президентом Энтомологического общества. Будучи директором центрального статистического комитета, он поставил на большую высоту статистическое дело в России, принимал, как мы видели, деятельнейшее участие в крестьянской реформе, собрал громадную коллекцию картин голландской живописи и опубликовал солидные научные труды по искусству. Петр Петрович был одновременно почетным членом Акаде-

Библиотека в старом помещении Географического общества у Чернышева моста

Николай Алексеевич Северцов
1827—1885
Портрет работы Т. Г. Шевченко

Тигры

Рисунок с натуры Н. А. Северцова

Петр Алексеевич Кропоткин
1842—1921

мии Наук (с 1873 г.) и Академии художеств (с 1874 г.). Изумительны разносторонность его талантов и его кипучая энергия.

Помимо этого, Петр Петрович был по натуре обаятельным человеком. «Успех экспедиции делал счастливым Петра Петровича, точно этот успех был его собственным успехом», говорит Г. Е. Грум-Гржимайло. В 1928 г. в память столетия со дня рождения Петра Петровича (р. 1827) Географическим обществом был издан коллективный труд: «П. П. Семенов-Тян-Шанский, его жизнь и деятельность».

Совет Народных Комиссаров СССР в ознаменование той же годовщины постановил укрепить мемориальную доску на доме, по 8-й линии Васильевского острова, где жил Петр Петрович. В вышеупомянутом коллективном труде я писал (1928): «В представлении нашем, старых членов Общества, Географическое общество и Петр Петрович — понятия нераздельные и неразделимые; это почти-что синонимы». Действительно, за время председательствования Петра Петровича в отделении физической географии, а затем в бытность его председателем Общества состоялись экспедиции Кропоткина, Пржевальского, Потанина, Певцова, Роборовского, Обручева, Березовского, Громбчевского, Грум-Гржимайло, Козлова, Северцова, Мушкетова, Комарова и многих других. Душою всех этих предприятий был Семенов. Он собрал вокруг себя плеяду первоклассных географов, и в конце XIX в. руководящими лицами в Обществе были, кроме его главы, такие светила географической науки, как А. А. Тилло, И. В. Мушкетов, А. И. Воейков и секретарь общества А. В. Григорьев — ныне все покойные.

Петру Петровичу принадлежала великая роль вдохновителя и организатора. Человек всеобъемлющих познаний, громадного авторитета и, самое главное, обаятельной души, он собрал вокруг себя всех лучших представителей географии. Все, знавшие его, дают о нем восторженные отзывы.

Известный путешественник по Азии Г. Н. Потанин в своем письме от 16 января 1898 г. писал:

«Два раза извлеченный Вами из духовного небытия и направленный к деятельности на пользу науки, я более чем многие другие могу ценить те Ваши невидимые и не сознаваемые современниками заслуги перед русским обществом, которые сделаются известны только на страницах «Русской старины» впоследствии. От всей души желаю Вам здоровья и жизненных сил, которые Вам необходимы на защиту как отдельных личностей, ставших невольными жертвами политических недоразумений, так и целых областей и обездоленных историей народностей, не принадлежащих к господствующему племени».

П. А. Кропоткин, называя Петра Петровича «отцом современной географии в России и любимым нами вдохновителем наших работ», считает себя «его учеником и последователем». [1]

Из секретарей Общества, работавших при Петре Петровиче, нужно упомянуть о статистике Владимире Измайловиче Срезневском (1875—1883), сыне известного слависта И. И. Срезневского, и об Александре Васильевиче Григорьеве (1883—1903). Время деятельности последнего совпало с расцветом Географического общества: при нем был осуществлен ряд блестящих экспедиций в центральную Азию. Орган Общества «Известия» сделался одним из лучших географических журналов мира. Кроме того, А. В. Григорьев редактировал многие отдельные издания Общества. Скончался он в 1908 г. [2] Своим заместителем на пост секретаря Общества А. В. Григорьев намечал талантливого озероведа, исследовавшего, по поручению Географического общества,

[1] Письмо П. А. Кропоткина от 8 сентября 1920 г. из Дмитрова, Московской обл., к В. П. Семенову-Тян-Шанскому. Приведено целиком в неопубликованных воспоминаниях последнего.

[2] Биографию А. В. Григорьева см. в Изв. Геогр. общ., 1909, стр. 633—638.

озера Казахстана и Телецкое[1], Павла Григорьевича Игнатова (1874—1902), вскоре скончавшегося от скоротечной чахотки. Ученик Д. Н. Анучина, энтузиаст географической науки и прирожденный путешественник, прекрасный организатор, человек обаятельной души, Игнатов имел все шансы, чтобы сделаться выдающимся деятелем Географического общества.

Вместо Игнатова секретарем был приглашен статистик Андрей Андреевич Достоевский (1903—1914), племянник великого писателя. Выбор этот нельзя признать особенно удачным; Достоевский мало интересовался географией и чрезвычайно запустил дела Общества. Некоторые томы «Известий» Общества, редактировавшиеся им, так и не были закончены печатанием (например, 1912) — факт, небывалый в истории Общества.

21 января 1896 г. было торжественно отпраздновано 50-летие существования Географического общества. К этому дню П. П. Семеновым была издана история Общества за истекшее время. Юбилейное собрание происходило в большом зале петербургской городской думы под председательством Петра Петровича. Из числа старейших членов Общества присутствовал почетный член, академик К. С. Веселовский. Было оглашено сообщение о том, что с 1896 г. правительственная субсидия Обществу повышается с 15 000 руб. до 30 000 руб. Затем вице-председатель произнес речь, впоследствии напечатанную в «Известиях» Географического общества за 1896 г. Далее был прочитан ряд адресов; среди них надо отметить адрес от Академии Наук, представителями которой на торжестве были президент, вице-президент и непременный секретарь, адрес от флота и морского ведомства (начальник главного морского штаба), от петербургского университета (проф. А. И. Воейков), от московского университета (проф. Д. Н. Анучин), от петербургской городской думы (городской голо-

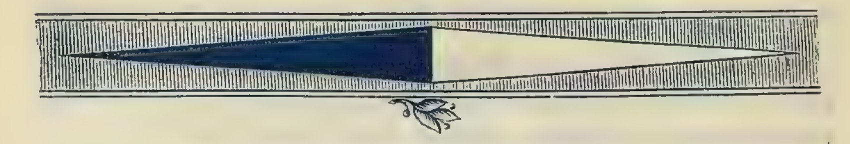
[1] Некролог его напечатан мною в Изв. Геогр. общ., XXXVIII, вып. 6, 1902, стр. 621—628 (вышли в свет в 1905 г.).

ва). Французский посол, по поручению Парижского географического общества, прислал приветствие. Кроме того, было множество приветствий от отечественных и заграничных ученых обществ. Прислал приветствие из Симеиза (Крым) старейший из оставшихся в живых (с 1868 г.) почетный член Общества, бывший военный министр, граф Д. А. Милютин.

За свои заслуги П. П. Семенов был сделан членом Государственного совета.

Перейдем теперь к краткому изложению того, что сделано Обществом со времени начала в нем активной деятельности П. П. Семенова, причем наше изложение распределим по исследованным областям и по географическим дисциплинам. История советского периода будет рассказана в особой главе.

V

РАБОТЫ ОБЩЕСТВА В СРЕДНЕЙ АЗИИ, В СИБИРИ И НА КАВКАЗЕ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

яньшанская экспедиция П. П. Семенова, составившая эпоху в деле исследования Средней Азии, была началом целого ряда работ, которые были предприняты Географическим обществом для познания природы Туркестана.

Первым последователем Семенова был Николай Алексеевич Северцов (1827—1885), один из крупнейших деятелей Географического общества, к сожалению, подобно Миклухо-Маклаю, Пржевальскому, Чекановскому, Черскому, Мушкетову и другим, рано унесенный смертью. Северцов, по специальности зоолог, был прирожденный наблюдатель природы и неустрашимый путешественник. В 1858 г., во время исследований на средней Сыр-дарье, он был взят в плен кокандскими казахами, изувечен и, продержанный месяц в плену, освобожден, при содействии наших военных властей, только под угрозой военного вмешательства. С 1864 г. Северцов начал, по поручению Географического общества, свои знаменитые исследования Туркестана. Он посетил Приаралье, Александровский хребет, центральный Тянь-шань, Памир. Главнейшие географические труды этого путешественника таковы: «Поездка в западную часть Небесного хребта» (1867), «Путешествия по Туркестанскому краю» (1873) и «Орографический очерк Памира» (1886). Последняя работа вышла в свет уже после смерти автора, погибшего во время переправы по льду через один из притоков Дона.

В 70-х и 80-х годах физико-географические и геологические работы в Туркестане вел другой активный деятель Географического общества Иван Васильевич Мушкетов, впоследствии председатель отделения физической географии. Его труд «Туркестан» был дважды издан: второе издание (1915), выпущенное в свет Географическим обществом, снабжено обширными приложениями, доводящими историю исследования этой страны до 1914 г. И. В. Мушкетов был неутомимый путешественник, прекрасный лектор, выдающийся организатор и, помимо всего, обаятельный человек, бескорыстно преданный науке и Географическому обществу. Его преждевременная и почти внезапная смерть (10 (23) января 1902 г.) в расцвете сил и в разгаре блестящей деятельности, поразила всех нас, членов Географического общества. Трудно описать мое горе в тот момент, когда накануне дня, на который Иван Васильевич назначил мне свидание с ним у себя на квартире, я раскрываю газету и узнаю, что нашего любимого учителя и руководителя нет в живых. Я называю Ивана Васильевича своим учителем, несмотря на то, что лекций его не слушал. Но до его смерти и после я учился по его книгам, и образ этого выдающегося ученого и человека остался у меня на всю жизнь незабвенным. «В лице И. В. Мушкетова,— пишет Я. С. Эдельштейн,— счастливым образом сочетались блестящие дарования, неиссякаемая творческая энергия, работоспособность, огромная эрудиция и личное обаяние — словом, все те качества, которые дают ученому право и возможность стать главой целой научной школы». Заместителем И. В. Мушкетова на посту председателя отделения географии физической был с 1 февраля 1902 г. по 7 февраля 1906 г. другой первоклассный ученый Ф. Н. Чернышев (1856—1914), по специальности геолог, но много сделавший и для географии.

В 1897 г. был основан в Ташкенте Туркестанский отдел Географического общества, в котором руководящую роль

играл известный путешественник В. Ф. Ошанин (1844—1917), открывший хребет Петра Великого и ледник Федченко.

В 1899—1902 и 1907 гг. на Аральском море и его берегах работала экспедиция, снаряженная под моим руководством Туркестанским отделом. Последним напечатано 14 выпусков научных результатов Аральской экспедиции (1902—1916), в том числе сводный отчет автора этих строк, «Аральское море, опыт физико-географической монографии» (СПб., 1908). Экспедицией, между прочим, выяснено, что Аральское море, вопреки ранее господствовавшему мнению, в четвертичное время никогда не поднималось выше, чем на 4 м над уровнем 1900 г. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы оно когда-нибудь соединялось с Балхашом. Во время работ экспедиции было обнаружено, что Аральское море вовсе не находится в стадии беспрерывного усыхания, как предполагали раньше; напротив, приблизительно с 1880—1885 гг. оно начало прибывать, и до 1908 г. уровень поднялся почти на 3 м. Высокий уровень, хотя и не такой, как в начале XX в., был и в 40-х годах прошлого столетия. Постоянного усыхания, которое принимали некоторые авторы, нет ни на Арале, ни вообще в Средней Азии. За историческую эпоху климат Средней Азии не изменился сколько-нибудь заметным образом в сторону усыхания. На Аральском море обнаружены сейши (стоячие волны) с периодом в $23^3/_4$ часа — самым длинным, какой когда-либо наблюдался на озерах; средняя высота сейши у станции Аральское море составляет 24 см.

СИБИРЬ

В 1855 г. Обществом был отправлен в восточную Сибирь математический отдел Сибирской экспедиции во главе с астрономом Л. Э. Шварцем. В результате ее работ опубликована в 1864 г. новая карта южной половины восточной Сибири в 40-верстном масштабе, на 7 листах, а также ряд трудов. В составе этой экспедиции были видные

натуралисты: Г. И. Радде (впоследствии директор Кавказского музея), давший описание млекопитающих и птиц юго-восточной Сибири (1862—1863), геолог и ботаник (впоследствии академик) Ф. Б. Шмидт, совершивший путешествие по Амуру, Уссури и по Сахалину.

Следует отметить исследование Олекмо-Витимского края, произведенное в 1866 г. одним из наших замечательнейших географов Петром Алексеевичем Кропоткиным. С ноября 1868 г. по январь 1872 г. он был секретарем отделения физической географии. Личность совершенно исключительная по своим талантам, Кропоткин в результате обширных путешествий в Сибири и северной Манджурии составил новую схему орографии восточной Сибири, сильно отличавшуюся от гумбольдтовской.[1] Его исследования над ледниковыми образованиями Финляндии, опубликованные в виде объемистого тома в Записках Географического общества,[2] составляют эпоху в истории гляциологии, так как Кропоткин, опровергая господствовавшую ранее теорию разноса эрратических валунов морем на льдинах, поддерживал вескими доводами идею о материковом ледяном покрове, ныне общепринятую в науке.[3] Арест Кропоткина в 1874 г. вырвал его из среды Географического общества, но не прекратил его занятий географией. Он продолжал писать по вопросам орографии, и когда в 1918 г. я имел случай встретиться с этим замечательным человеком в Москве, он обнаруживал живейший интерес к географии, особенно к его любимой теме — устройству поверхности Европы и Азии.

Достоин упоминания вклад в изучение Сибири, сделанный польскими учеными, сосланными сюда за участие в вос-

[1] Записки Геогр. общ. по общ. геогр., V, 1875.

[2] Записки по общей географии, VII, 1876.

[3] Мысль о том, что некогда ледники были распространены гораздо шире, чем теперь, принадлежит Венецу; особенно ревностно ее защищал знаменитый Агассиз (1837), а для России впервые французский геолог Э. Робер (1840). См. Б. М. Даньшин. «Природа», 1944, № 1, стр. 63.

стании 1863 г. Начиная с 1868 г., они работали в составе Сибирского отдела Общества.

Иван Дементьевич Черский (1845—1892), уроженец Виленской губернии, по национальности литовец, вообще сделал очень много для изучения Сибири. За участие в польском восстании юноша Черский был сослан рядовым в Омск, где в нем принял участие Г. Н. Потанин. С 1871 г. Черский стал работать в Иркутске, в составе Сибирского отдела Географического общества, где ссыльному ученому оказывал содействие правитель дел отдела, известный сибирский географ, А. Ф. Усольцев. Черский, по поручению Сибирского отдела, посетил Китойские и Тункинские белки и другие места Восточных Саян и Присаянья, а затем занялся изучением геологии берегов Байкала. В 1886 г. была издана Географическим обществом составленная Черским 10-верстная геологическая карта берегов Байкала.[1] «Это,— пишет С. В. Обручев,— огромная работа, до сих пор еще не обновленная в целом, несмотря на обильные исследования». Между прочим, Черский открыл высокие, свыше 250 м над уровнем озера, четвертичные террасы над Байкалом.

С 1875 г. Черский, как и другие ссыльные по восстанию поляки, был, по ходатайству Географического общества, амнистирован, вскоре после чего переехал в Петербург. 25 июня 1892 г. этот замечательный ученый и подвижник скончался на Колыме, во время экспедиции, порученной ему Академией Наук. Он открыл здесь большой хребет, параллельный Верхоянскому, который впоследствии получил, по предложению С. В. Обручева, от Географического общества имя хребта Черского. Именем этого выдающегося геолога и географа еще ранее был назван хребет в Забайкалье.

Другой выдающийся польский деятель, много сделавший для познания Сибири и тоже работавший в составе Сибирского отдела Географического общества,— это Бенедикт Ива-

[1] Записки Геогр. общ. по общ. геогр., XV, № 3, 1886.

нович Дыбовский (1833—1930).[1] Он родился в Минской губ., учился медицине и естествознанию в Дерптском университете, где получил докторскую степень за диссертацию о рыбах Лифляндии.

За участие в польском восстании 1863 г. был сослан в восточную Сибирь. В секретном «деле о политических преступниках Бенедикте Дыбовском, Викторе Годлевском, Александре Чекановском и др.» сообщается следующее: «Дыбовский Венедикт, веры католической. холост. волосы темнорусые, глаза голубые, из дворян, бывший профессор Варшавской главной школы. За дозволение секретарям высших революционных властей в Варшаве собираться в аудитории Дыбовского лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу на 12 лет. Прибыл в Иркутск 18 ноября 1864 г., отправлен в Нерчинские заводы 6 марта 1865 г.».

В начале 1869 г. мы уже видим нашего натуралиста, совместно с Годлевским, на Байкале, где он, устроившись в с. Култук, на западной оконечности Байкала, приступил, по поручению и при поддержке Сибирского отдела нашего Общества, к изучению озера в физическом и биологическом отношениях. Уже к концу 1869 г. Дыбовский и Годлевский представили Сибирскому отделу подробный отчет, изобилующий совершенно новыми фактами насчет животной жизни Байкала и Прибайкалья.[2] Прежде всего авторы опровергают мнения прежних исследователей насчет бедности фауны беспозвоночных Байкала: один уже факт нахождения миллионов омулей и иных рыб, добываемых всякий год, должен был, говорят они, привести к заключению о богатстве Бай-

[1] О нем см. С. Н. Лаптев. Изв. Геогр. общ., 1939, № 6, стр. 856—868. См. также Г. И. Поплавская. Вклад поляков в дело изучения Байкала. «Землеведение», 1915, № 3, стр. 72—95, с портретами и списками литературы.

[2] В. Дыбовский и В. Годлевский. Предварительный отчет о действиях СПб. отдела Геогр. общ. за 1869 г. СПб., 1870, стр. 167—204.

кала низшими организмами, «ибо рыбы без пищи существовать не могут». Богатство Байкала низшими животными, и по числу видов и по количеству особей, изумительно. «Дно Байкала кишит такою жизнью, какую едва ли можно встретить в южных морях: достаточно просто приподнять несколько камней, лежащих у берега, чтобы обогатить систематическую зоологию новыми видами». Но с глубиной разнообразие фауны еще более увеличивается. До исследований Дыбовского и Годлевского из Байкала был известен всего один вид ракообразных (бокоплавов). В первое же лето, ловя лишь на глубинах не свыше 100 м, наши зоологи обнаружили 70 видов бокоплавов (гаммарид), а, кроме того, 30 видов моллюсков.

«Изучение фауны Байкала не только представляет интерес для систематической зоологии, обогащая ее новыми видами, но и дает возможность,— говорят наши авторы,— подтвердить фактами новые воззрения на животный мир по теории перерождения видов; это и составляет самое интересное обстоятельство при изучении фауны Байкала». В первый же год была добыта байкальская рыбка — голомянка, свойственная только Байкалу и замечательная тем, что она живородящая. В марте со льда производили определения температуры воды озера на глубинах. Оказалось, что на глубинах от 135 до 533 м температура была постоянная, именно 4.7° (эти определения неточны, температура чересчур высока).

Но, кроме того, Дыбовский и Годлевский занимались, и весьма плодотворно, сборами у Култука наземной фауны — млекопитающих, птиц, рептилий, амфибий и рыб. Они собрали за короткое время 200 видов птиц, а из хвостатых амфибий открыли новый и чрезвычайно любопытный вид — четырехпалого сибирского тритона, который был впервые описан ими с западной оконечности Байкала. Вид этот распространен почти от Волги через всю Сибирь до Камчатки.

За вышеизложенные выдающиеся открытия в области зоогеографии Дыбовский и Годлевский были награждены в 1870 г. малыми золотыми медалями Общества. В последующие годы Дыбовский и Годлевский продолжали исследования Байкала. Они нашли близ истока Ангары глубину в 1373 м. Подробно была ими изучена фауна рыб бассейна Байкала. Сообщения обо всех этих исследованиях помещены в Отчетах и Известиях Сибирского отдела Общества.

В 1871 г. Дыбовский и Годлевский временно перенесли свои зоологические исследования на бассейн Амура вплоть до р. Уссури и озера Ханка. В 1876 г. наши географы снова обратились к Байкалу, по фауне которого они собрали богатейший материал — губок, ракообразных, червей, моллюсков, рыб; ими также было произведено определение температур воды озера вплоть до глубины в 1320 м.

Во внимание ко всем этим работам Географическое общество ходатайствовало о восстановлении в правах Дыбовского и Годлевского, что и было осуществлено в начале 1874 г. Но Дыбовский был так увлечен своими сибирскими исследованиями, что не спешил вернуться на родину. Приехав в 1877 г. в Петербург, он в разговоре с вице-председателем Общества П. П. Семеновым выразил желание поступить на службу в качестве медика в Петропавловск, на Камчатку, имея в виду продолжить свои работы над зоогеографией восточной Сибири. При посредстве Географического общества просьба Дыбовского была немедленно удовлетворена. В Петропавловске на Камчатке Дыбовский, как передает П. П. Семенов, был летом 1879 г. первым ученым, встретившим и приветствовавшим Норденшельда, корабль которого «Вега» зашел на Камчатку во время обратного плавания. В 1884 г. Дыбовский был приглашен на кафедру зоологии во Львов. Через 30 лет, уже 80-летним старцем он приехал к своей дочери в Киев, но так как в это время началась война с Германией и Австрией, то львовскому профессору, австрийскому подданному, предстоя-

ло отправиться в ссылку за Урал. Однако, по ходатайству Географического общества, престарелому ученому было разрешено через фронт вернуться к себе. До конца своей долгой жизни Б. И. Дыбовский не переставал интересоваться Байкалом и писать о нем. В 1927 г. он был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Именем Дыбовского названо исследовательское судно Байкальской озерной станции Академии Наук.

Александр Лаврентьевич Чекановский (1832—1876), уроженец г. Кременца Волынской губ., по окончании медицинского факультета киевского университета, поступил в дерптский, где занимался геологией. Здесь его товарищем был Ф. Б. Шмидт, впоследствии академик, тоже известный исследователь Сибири, деятельный член Географического общества, оказывавший Чекановскому помощь во время его сибирской ссылки. В Сибирь Чекановский попал по делу о восстании 1863 г. Получив, благодаря стараниям Ф. Б. Шмидта и вице-председателя Общества Ф. П. Литке, разрешение поселиться в Иркутске, А. Л. Чекановский стал, под покровительством Сибирского отдела, заниматься геологическим исследованием Прибайкалья и опубликовал в изданиях Отдела ряд превосходных трудов по геологии Иркутской губ., доставивших ему в 1870 г. малую золотую медаль Общества. По отзыву П. П. Семенова, Чекановский был геолог, «выдающийся по своей талантливости и научным познаниям». К этой оценке следует вполне присоединиться. Одним из результатов геологических исследований Чекановского было установление того факта, что каменные угли Иркутского бассейна относятся не к каменноугольной, а к юрской системе. Чекановскому принадлежит честь открытия известного месторождения юрских растений, насекомых и рыб Усть-Балея севернее Иркутска.

По инициативе Ф. Б. Шмидта, поддержанной П. П. Семеновым, в 1873 г. Географическим обществом была снаряжена экспедиция для исследования Нижней Тунгуски и Оле-

река во главе с А. Л. Чекановским, который производил съемку и изучал геологию страны, тогда как Ф. Ф. Миллер вел астрономические, магнитные, метеорологические и высотные определения. Экспедиция на обратном пути пересекла Верхоянский хребет, где Чекановский собрал окаменелости, позволившие установить наличие в этом хребте триаса. Путем наблюдений над земным магнетизмом было установлено, что магнитный полюс располагается между Вилюйском и Оленеком, т. е. примерно на 7° южнее и на 7° западнее, чем предполагал Гаусс. В 1875 г. мы снова видим нашего неутомимого путешественника на Оленеке. Здесь, в устье этой реки, у мыса Тумуль, Чекановский обнаружил могилу знаменитого исследователя северных берегов Сибири лейтенанта Прончищева и его верной спутницы — жены, скончавшихся за 139 лет до того. Научные результаты оленекской экспедиции были громадны. В Петербург были доставлены обширные геологические, палеонтологические и ботанические коллекции. Ф. Б. Шмидт, который сам известен своими исследованиями геологии Сибири, пишет о работах Чекановского следующее: «Можно утвердительно сказать, что эта экспедиция (1873—1875) самая богатая геологическими результатами, которая когда-либо действовала в Сибири. Богатые содержанием донесения его Географическому обществу за время пути переведены на все языки и сделались достоянием науки, а карты, составленные им, значительно изменили и дополнили карту Азиатской России».[1]

Мы уже упоминали, что по ходатайству вице-председателя Географического общества все ссыльные по делу восстания 1863 г., работавшие в Сибирском отделе общества, были восстановлены в своих правах. Это коснулось Чекановского, Дыбовского, Годлевского и Черского. Прибыв в Петербург, Чекановский принялся, при содействии Акаде-

[1] Дневник экспедиции А. Л. Чекановского по рр. Н. Тунгуске, Оленеку и Лене в 1873—1875 гг., с картой. Зап. Геогр. общ. по общей геогр., XX, № 1, 1896.— Здесь же биография и портрет Чекановского.

мии Наук, за обработку своих обширных материалов. Наука, и в частности Географическое общество, ожидали очень многого от своего талантливого члена, но, пишет П. П. Семенов, «недуг, которым Чекановский уже по временам страдал во время своего пребывания в Сибири (припадки меланхолии), до такой степени усилился, что в октябре 1876 г. находившегося еще в цвете сил и подававшего столь блестящие надежды геолога не стало». Обстоятельный дневник Чекановского был издан в 1896 г. Географическим обществом под редакцией Ф. Б. Шмидта и И. Д. Черского, коллекции же, собранные им, обработаны специалистами.

Из работ по Сибири надо упомянуть об исследованиях в нижнем течении Енисея горного инженера И. А. Лопатина, о многолетних работах В. А. Обручева в Сибири, наконец, о Хатангской экспедиции И. П. Толмачева.

В 1908 г. Географическим обществом была снаряжена на средства Ф. П. Рябушинского обширная экспедиция для изучения Камчатки, в которой принимали участие: ботаник В. Л. Комаров, этнограф В. И. Иохельсон, зоологи П. Ю. Шмидт, А. Н. Державин и В. Л. Бианки, метеоролог В. А. Власов, геологи Е. В. Круг и С. А. Конради, гидролог В. Н. Лебедев. Экспедиция эта, работавшая в 1908—1910 гг., состояла из 5 самостоятельных партий: геологической, метеорологической, ботанической, зоологической и этнографической. Было издано 6 больших томов, излагающих результаты, добытые экспедицией, карта вулканов Камчатки.

Из перечисленных авторов наиболее близко к Географическому обществу стоит академик Владимир Леонтьевич Комаров (1869—1945), известный путешественник по Средней Азии, Манджурии, Саянам, Камчатке, один из старейших членов Общества, избранный еще в 1895 г., позднее почетный член и почетный президент Общества, бывший его секретарем с 1918 по 1931 г.

31 июля 1877 г. в Омске открыт Западно-Сибирский отдел Географического общества. Первым председателем был

избран генерал-майор И. Ф. Бабков, известный своим описанием съемки Балхаша,[1] а также деятельностью по разграничению с Китаем, о чем он сообщал Географическому обществу.[2] Правителем дел был избран капитан М. В. Певцов, впоследствии знаменитый исследователь центральной Азии. Западно-Сибирский отдел, издававший «Записки», сделал очень много для изучения географии Западной Сибири, Алтая, Джунгарии и Монголии. О других филиалах см. ниже.

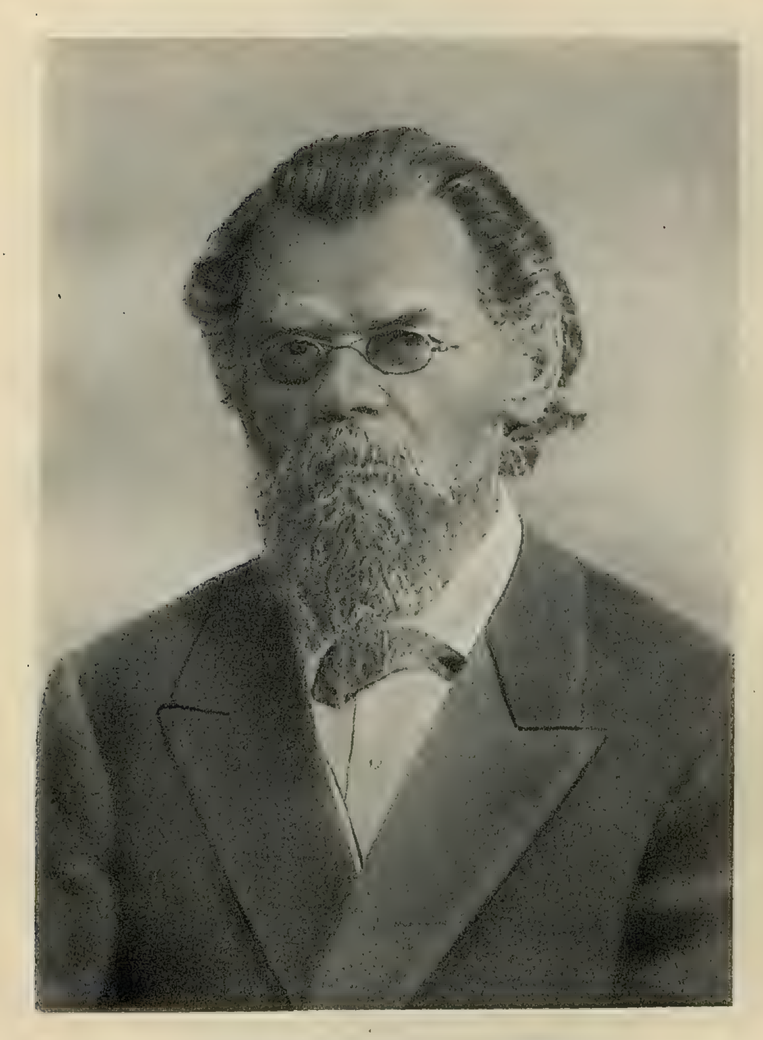
КАВКАЗ

Кавказский отдел был открыт в 1851 г. Он зарекомендовал себя большим количеством исследований, проведенных в этой интереснейшей для географа стране. Издававшиеся отделом «Записки» и «Известия» богаты ценным материалом. Следует отметить описание кавказской триангуляции, сделанное И. И. Стебницким, и многочисленные результаты исследований, произведенных натуралистом и путешественником Г. И. Радде. Из работ, выполненных на Кавказе по поручению центрального общества, упомянем о многочисленных поездках по Кавказу, совершенных с ботанико-географической целью Н. И. Кузнецовым, активным членом Общества. Всем памятны его превосходные обзоры успехов фитогеографии, печатавшиеся в «Ежегодниках» Общества. Много сделал также для изучения ледников и растительности Кавказа Н. А. Буш.

[1] Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., I, 1867, карта.

[2] Об этом подробности см. в любопытных записках И. Ф. Бабкова, Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859—1875 гг. Разграничение с Западным Китаем 1869 г. СПб., 1912, 575 стр.

Григорий Николаевич Потанин
1835—1920

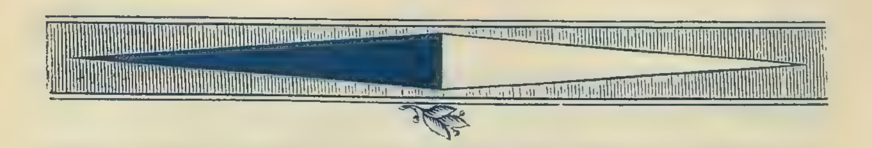
Михаил Васильевич Певцов
1843—1902

Николай Михайлович Пржевальский
1839—1888

Памятник Н. М. Пржевальскому
на берегу Иссык-Куля

VII

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченное дело.

ТЮТЧЕВ

Самый популярный из всех членов Географического общества — это, без сомнения, исследователь природы Центральной Азии, Николай Михайлович Пржевальский. Будущий великий путешественник родился в 1839 г. в Смоленском уезде. По окончании гимназии в Смоленске он определился на военную службу, а затем поступил в военную академию. В течение 1868—1869 гг. Пржевальский, при содействии Географического общества, совершил свое первое путешествие — по Уссурийскому краю, которое он описал в особой книге. С 1870 г. начались его среднеазиатские странствования, составившие эпоху в истории изучения Азии. За время четырех экспедиций Пржевальский покрыл своими маршрутами огромные, до того неизведанные площади Центральной Азии. Вернувшись из четвертого путешествия, Пржевальский задумал новую, пятую экспедицию. Предполагалось с Лоб-нора достичь Лхасы, а затем исследовать восточную тибетскую провинцию Кам. На это предприятие было ассигновано правительством, по ходатайству Географического общества, 80 000 рублей. В состав экспедиции были выбраны старые спутники — Роборовский и Козлов. В начале октября 1888 г. прибыли в Пишпек (ныне Фрунзе). Здесь Пржевальский заразился брюшным тифом и 20 октября скончался на

Иссык-куле, в г. Караколе, ныне носящем название Пржевальска.

К великому горю Географического общества и всего просвещенного человечества, не стало одного из величайших путешественников всех времен и народов. Пржевальский похоронен на берегу Иссык-куля, и на могиле его поставлен художественный памятник.

Географические подвиги этого человека, его облик, его труды, талантливо написанные, его трагическая смерть производили, да и теперь производят, глубокое впечатление. Труды Пржевальского были подробно освещены во время специальной сессии Географического общества в 1939 г., посвященной 50-летию со дня смерти и столетию со дня рождения великого путешественника. Один из номеров «Известий» Общества за 1940 г. заключает ряд статей памяти Пржевальского, а также впервые опубликованный дневник его второго путешествия в Центральную Азию. Вместе с П. П. Семеновым можно сказать, что деятельность Пржевальского в течение целого 20-летия до такой степени сплелась с деятельностью Географического общества, что лавры его венка есть вместе с тем лучшие лавры деятельности Общества за первую половину его существования. Семенов говорил, что Пржевальский занял свое место наряду с величайшими путешественниками всех времен и народов — Ливингстоном, Стэнли, Марко Поло и другими. А Лондонское географическое общество, присуждая в 1879 г. медаль Пржевальскому, писало, что тибетское путешествие его превосходит все, что было обнародовано со времен Марко Поло. Рихтгофен же, сам среднеазиатский путешественник, называл достижения Пржевальского «поразительнейшими географическими открытиями».

Еще при жизни Николай Михайлович удостоился неслыханных для тех времен почестей: в 1876 г. он был избран почетным членом Академии Наук, в 1880 г. — почетным членом Географического общества, в 1881 г. — почетным граж-

lанином Петербурга и Смоленска, почетным доктором зоологии московского университета, почетным членом петербургского университета, петербургского общества естествоиспытателей, Венского географического общества и многих других отечественных и иностранных ученых обществ. Он имел высшие награды от географических обществ русского, парижского, берлинского, лондонского, стокгольмского и римского.

А. П. Чехов, имевший страсть к путешествиям (он, как известно, совершил поездку на Сахалин), писал по поводу смерти исследователя Центральной Азии: «Один Пржевальский или один Стэнли стоят десятков учебных заведений и сотни хороших книг. Их идейность, благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, их фанатическая вера в науку, делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу. Недаром Пржевальского, Миклухо-Маклая и Ливингстона знает каждый». Выше мы говорили о прекрасном стиле, каким написаны произведения Пржевальского. В архиве Географического общества хранится письмо, написанное 16 июля 1883 г. Николаю Михайловичу редактором «Русской старины» М. И. Семевским (членом Общества, о котором еще будет упоминаться ниже).

«От всей души,— пишет Семевский,— благодарю Вас за наслаждение, какое доставило мне чтение Вашего «Третьего путешествия в Центральную Азию». Я только что кончил чтение этого превосходного труда и под живым впечатлением восторга написал отзыв в «Русскую старину»... Изложение сжато, просто, никаких вычурностей, ни слова лишнего, а между тем — ничего сухого, нет и тени той вялости, какую зачастую встречаешь в описаниях других путешественников. Необходимо будет сделать дешевое, популярное издание этой книги, в особенности для юношества. В заключение повторяю, я в восторге от Вашей книги. Давно, очень давно не читал ничего с таким удовольствием. Как прочел ее, и в моем воображении — вслед за Вами: от Зайсана че-

рез Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Крепко жму Вам руку и горжусь тем, что имел случай первым выразить, в торжественном заседании с. петербургской городской думы, общее желание моих сограждан — видеть Вас почетным гражданином столицы дорогого нашего отечества».

Чтобы дать некоторое представление о стиле этого классического произведения, столь восхитившего Семевского и до сих пор остающегося лучшим образцом описания неизведанных стран, приведем небольшие отрывки из отчета о «Третьем путешествии», совершенном Пржевальским в 1879—1880 годах. Вот как изображен здесь день путешественника в пустыне:

«Перенеситесь, читатель, мысленно в центрально-азиатскую пустыню к нашему бивуаку и проведите с нами одни сутки — тогда вы будете иметь полное представление о нашей походной жизни во все время путешествия... Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две палатки стоят невдалеке друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды, и привязана кучка баранов; несколько в стороне наарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек... В сухой, прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды; созвездия резко бросаются в глаза; млечный путь отливает фосфористым светом. А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа...

Но вот забрезжила заря на востоке. Встает дежурный казак и прежде всего вешает в стороне на железном треножнике термометр; затем разводит огонь и варит чай. Когда последний готов, поднимаются и остальные казаки; встаем и мы. В прохладной утренней атмосфере сначала немного пробирает дрожь, но чашка горячего чая хорошо и быс

тро согревает. Завтрак же, обыкновенно в виде оставшегося с вечера куска вареной баранины или уцелевшей лепешки, тщательно прячется в карман на дорогу; но казаки теперь наедаются дзамбы[1] с чаем, зная, что следующая еда будет только на следующем же бивуаке. Затем начинается седлание лошадей и вьюченье верблюдов. Тем временем мы надеваем на себя оружие и садимся на верховых лошадей. Выходим мы с места ночлега обыкновенно на восходе солнца. Первый десяток верст в пути всегда проходит как-то незаметно; но на втором десятке, в особенности к его концу, начинает уже чувствоваться небольшая усталость; тем более, что в это время обыкновенно начинается жара или подымается буря. Разговоры в караване смолкают; даже верблюды и лошади идут лениво, апатично. Но вот, наконец, показывается вдали желанное место — колодезь или ключ, возле которого иногда бродит монгольское стадо, ожидая водопоя. Через несколько минут является к колодцу весь караван. Пока совершается процедура установки бивуака, казак, заведующий кухнею, наскоро разводит огонь и варит чай. Топливом, как и везде почти в пустыне, служит сухой помет домашних животных, называемый монголами *аргал*. Лучшим считается аргал рогатого скота, затем — верблюжий и лошадиный; при нужде употребляется и бараний. Зажигать подобное топливо нужно с уменьем, тогда оно горит хорошо.

Едва ли какой-либо гастроном ест с таким аппетитом разные тонкости европейской кухни, с каким мы принимаемся теперь за питье кирпичного чая и за еду дзамбы с маслом, а за неимением его — с бараньим салом. Правда, последнее, будучи растоплено, издает противный запах сальных свечей, но путешественнику в азиатских пустынях необходимо оставить дома всякую брезгливость, иначе лучше не

[1] Дзамба или, точнее, цзамба — это поджаренная ячменная или пшеничная мука. Заваренная, в виде толокна, горячим чаем, с прибавкой соли, масла или бараньего сала, она хорошо заменяет хлеб. При том долго сохраняется и весьма удобна для перевозки вьюком.

путешествовать. Цивилизованный комфорт, даже при больших материальных средствах, здесь невозможен: никакие деньги не переменят соленой воды пустыни на пресную, не уберегут от жаров, морозов и пыльных бурь, от грязи, а иногда и паразитов. В самом себе должен искать путешественник сил для борьбы со всеми невзгодами, а не стараться избавиться от них разными паллиативными мерами.

Во время чаепития, заменяющего завтрак, обыкновенно являются к нам ближайшие монголы, которые тотчас же заводят знакомство, а иногда и дружбу с нашими казаками. Эти последние, живя в Забайкалье, по соседству Монголии, почти все говорят по-монгольски и до тонкости знают обычаи монголов. Окончив чаепитие и утолив голод, все принимаются за работы. Одни казаки идут собирать аргал; другие, которым сегодня очередь пасти караванных животных, возятся около верблюдов; третьи обдирают зарезанного на обед барана. В нашей палатке также все заняты: я перевожу на чистый планшет сегодняшнюю съемку и пишу на свежую память дневник, Роборовский рисует, Эклон и Коломейцев препарируют убитых дорогою птиц. В час пополудни делается третье метеорологическое наблюдение.

Наконец, обед готов. Он всегда один и тот же: суп из баранины с рисом или просом, изредка с финтяузою (род вермишели из гороховой муки) и гуамяном (то же — из пшеничной). Иногда казак-повар, желая устроить сюрприз, сделает лапшу из запасной пшеничной муки или напечет в золе лепешек из той же муки; случается, обыкновенно на дневках, что мы сделаем себе пирожков или сварим рисовую кашу. После удачной охоты обыкновенно жарится дичь, или в редких случаях рыболовства, варится уха из пойманной рыбы. Словом, мы никогда не пропускали случая полакомиться тем или иным способом. Только случаи эти в пустыне, к сожалению, представляются очень редко; в горах же или на реке в этом отношении гораздо привольнее.

Зато баранина, которою главным образом приходится продовольствоваться путешественнику в Монголии, всегда

бывает превосходного качества, а главное никогда не надоедает, подобно другому мясу, даже дичине. Ну и поедали же мы этой баранины во время путешествия! Каждый день уничтожался целый баран, который дает средним числом полтора пуда мяса. Нередко к такому барану еще делались приложения в виде застреленных фазанов, уток, гусей или куропаток. Теперь мне даже самому не верится, как мог быть у нас такой волчий аппетит».

Вот как Пржевальский описывает открытую им в Джунгарии дикую лошадь:

«Дикая лошадь, единственный экземпляр которой находится в музее с. петербургской Академии Наук, недавно описана нашим зоологом И. С. Поляковым и названа моим именем — Equus Przewalskii. [1] Новооткрытая лошадь, называемая киргизами *кэртаг*, а монголами *такè*, обитает лишь в самых диких частях Джунгарской пустыни. Здесь кэртаги держатся небольшими (5—15 экз.) стадами, пасущимися под присмотром опытного старого жеребца. Вероятно, такие стада состоят исключительно из самок, принадлежащих предводительствующему самцу. При безопасности, звери эти, как говорят, игривы. Кэртаги вообще чрезвычайно осторожны; притом одарены превосходным обонянием, слухом и зрением. Встречаются довольно редко, да притом, как сказано выше, держатся в самых диких частях пустыни, откуда посещают водопои. Впрочем, описываемые животные, как и другие звери пустыни, вероятно, надолго могут оставаться без воды, довольствуясь сочными солончаковыми растениями.

Охота за дикими лошадьми чрезвычайно затруднительна; притом на такую охоту можно пускаться лишь зимою, когда в безводной пустыне выпадает снег. Тогда, по крайней мере, нельзя погибнуть от жажды. За то в это время охотников будут донимать день в день сильнейшие морозы. Чтобы укрыться от них хотя ночью, необходимо взять с собою

[1] Описана она Поляковым в Известиях Географического общества, XVIII, 1881.

войлочную юрту; затем следует запастись продовольствием и вообще снарядить небольшой караван, так как на подобной охоте прийдется выездить многие сотни верст и потратить много времени. Мне лично удалось встретить только два стада диких лошадей. К одному из этих стад можно было подкрасться на меткий выстрел, но звери почуяли на ветру, по крайней мере за версту, моего товарища и пустились на утек. Жеребец бежал впереди, оттопырив хвост и выгнув шею, вообще с посадкою совершенно лошадиною; за ним следовали семь, вероятно, самок. По временам звери останавливались, толпились, смотрели в мою сторону и иногда лягались друг с другом; затем опять бежали рысью и, наконец, скрылись. За исключением Джунгарии, кэртаг нигде более не водится».

Приведем, наконец, описание оазиса Хами, посещенного Пржевальским во время того же третьего путешествия. Оазис, расположенный у южного подножия Тянь-шаня, окружен совершенно безводной и бесплодной пустыней. Искусственно орошенная почва весьма плодородна и в изобилии родит пшеницу, просо, ячмень, овес, горох, арбузы и дыни, а также овощи. Особенно славятся дыни, которые некогда посылались в Пекин ко двору. Деревьев и садов в Хамийском оазисе в 1879 г. не было, так как они все были уничтожены во время дунганского восстания. Коренные жители Хами — таранчи, потомки древних уйгуров. Все они магометане. Женщины вне дома ходят без покрывала. Правила таранчами в то время женщина — вдова местного князя (вана), погибшего в войне с дунганами. Под властью ванши, которой было 54 года, состояло около 8000 таранчей.

Пржевальский описывает устроенный в его честь обед у военного китайского губернатора Хами. Прислуживали и подавали обед китайские офицеры младших чинов. Обед, состоявший из 60 блюд, начался сластями и окончился вареным рисом.

Заканчивает свой труд Пржевальский следующими характерными для него строками:

«Если мне выпала счастливая доля совершить удачно три путешествия в Центральной Азии, то успех этих путешествий — я обязан громко признать — обусловливался в весьма высокой степени смелостью, энергией и беззаветною пре-

Диплом, свидетельствующий об избрании 3 декабря 1880 г. Н. М. Пржевальского почетным членом Географического общества.
(*Оригинал в архиве Геогр. общ.*)

IMPERIALIS ACADEMIA SCIENTIARVM PETROPOLITANA VIRVM ERVDITISSIMVM

NICOLAVM MICHAELIS FILIVM PRZEVALSKI

SOCIVM HONORIS CAVSA RITE ELEGIT ELECTVMQVE PVBLICE RENVNTIAVIT DIE XXIX MENSIS DECEMBRIS ANNI MDCCCLXXVIII.

IMPERIALIS ACADEMIAE SCIENTIARVM PETROPOLITANAE

PRAESES Comes F. Lütke

PRAESIDIS VICES GERENS V. Buniakowsky

SECRETARIVS PERPETVVS C. Veselofsky

Диплом на звание почетного члена Академии наук, выданный Н. М. Пржевальскому. Подписан президентом Ф. П. Литке, вице-президентом В. Я. Буняковским и непременным секретарем Е. С. Веселовским. Избрание произошло 29 декабря 1878 г.

(Оригинал в архиве Геогр. общ.)

данностью своему делу моих спутников. Их не пугали ни страшные жары и бури пустыни, ни тысячеверстные переходы, ни громадные, уходящие за облака, горы Тибета, ни леденящие там холода, ни орды дикарей, готовые растерзать нас...... Отчужденные на целые годы от своей родины, от всего близкого и дорогого, среди многоразличных невзгод и опасностей, являвшихся непрерывною чередою, мои спутники свято исполняли свой долг, никогда не падали духом и вели себя поистине героями. Пусть эти немногие строки будут хотя слабым указанием на заслуги, оказанные русскими людьми делу науки, как равно и ничтожным выражением той глубокой признательности, которую я навсегда сохраню о своих бывших сотоварищах...».

«В заключение да позволено мне будет еще раз вернуться к своим личным впечатлениям. Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мною, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе. Да, в тех пустынях, действительно, имеется исключительное благо — свобода, правда, дикая, но зато ничем не стесняемая, чуть не абсолютная. Путешественник становится там цивилизованным дикарем и пользуется лучшими сторонами крайних стадий человеческого развития: простотою и широким привольем жизни дикой, наукою и знаньем из жизни цивилизованной. При том самое дело путешествия для человека, искренне ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневною сменою впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья.... Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и

манить променять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную страническую жизнь...».

Мы можем здесь только вкратце упомянуть о главнейших путешествиях в центральную Азию, совершенных современниками и продолжателями Пржевальского. К числу наиболее заслуженных исследователей центральной Азии принадлежит Григорий Николаевич Потанин (1835—1920), почетный член нашего Общества с 1910 г. Он родился в 1835 г. на Иртыше близ Павлодара, в семье казачьего есаула, в 1852 г. окончил кадетский корпус в Омске. В 1853 и 1854 гг. молодой хорунжий принял участие в первом русском походе в Заилийский край и в основании укрепления Верного (ныне Алма-ата).

«Когда,— пишет П. П. Семенов,— военная экспедиция переходила впервые реку Или, перед восприимчивым юношей поднялась внезапно из тумана величественная цепь Заилийского Алатау, с ее седыми снежными вершинами; никому еще неизвестная, никем не виданная, она возбудила в талантливом юноше жажду познаний и стремление к исследованию стран неведомых».[1]

Потанин мечтал об университетском городе, где он мог бы пополнить свое образование. В 1858 г., благодаря содействию П. П. Семенова, ему удалось уволиться от обязательной службы в казачьих войсках. В Томске Потанина взяли в караван, доставлявший золото из Сибири в Петербург. «Без этого благодетельного каравана Потанину пришлось бы добираться из Томска в Петербург теми же средствами, какими добирался Ломоносов из Холмогор в Москву».

Благодаря участию П. П. Семенова и К. Д. Кавелина, Потанину удалось в 1859 г. поступить в петербургский университет на естественное отделение, где он особенно усердно начал заниматься ботаникой. Однако в 1861 г. за уча-

[1] Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия, I. 1893, стр. XII.

стие в студенческих волнениях он был исключен из университета. В 1863—1864 гг., опять при посредстве П. П. Семенова, Потанин был приглашен в экспедицию Географического общества, посланную под начальством астронома К. В. Струве, для исследования Зайсана, Черного Иртыша и Тарбагатая. Весною 1865 г. наш географ, поступивший на службу в Томск в качестве секретаря статистического комитета, был арестован по делу о так называемом сибирском сепаратизме и в течение трех лет отбывал крепостные работы в Свеаборге. В 1874 г., снова по инициативе П. П. Семенова и по ходатайству Географического общества, Потанин был освобожден от надзора и восстановлен в своих правах. С того времени Потанин вернулся в Петербург и посвятил себя исследованиям Центральной Азии. П. П. Семенов, неизменный покровитель Потанина, дает об этом путешественнике такой отзыв: «Г. Н. Потанин соединял в себе редкие для путешественника во внутренней Азии качества: закаленное трудами и лишениями здоровье, неимоверную неприхотливость и выносливость, достаточное знакомство с местными языками и уменье ладить с туземцами, очень хорошие познания в обширной области географических и естественных наук, обширное знакомство с географическою литературою Сибири и внутренней Азии, но всего более — любовь к делу и полнейшую самоотверженную преданность науке». К этому надо прибавить, что Потанин был прекрасный собиратель ботанических и зоологических коллекций. Ценнейшие ботанические коллекции его поступили в Ботанический сад, не менее ценные зоологические — в Зоологический музей, где я имел случай обрабатывать доставленных им рыб.

В 1876—1877 и 1879 гг. Г. Н. Потанин проводил, по поручению Географического общества, свои известные исследования в северо-западной Монголии. Ему сопутствовали в первый раз А. М. Позднеев, зоолог М. М. Березовский и топограф Рафаилов, а во второй — натуралист и географ А. В. Адрианов и топограф Орлов. В обеих экспедициях

с Потаниным ездила его самоотверженная жена, А. В. Потанина, член Географического общества и писательница. Кроме богатейших ботанических и зоологических коллекций, во время этого путешествия Потанин собрал обширные материалы по этнографии племен Алтая, урянхайцев, казахов, монголов, а по возвращении опубликовал в издании Географического общества, четырехтомный труд «Очерки северо-западной Монголии» (1881, 1883).

В 1884—1886 гг. мы снова видим нашего путешественника в Центральной Азии. Результатом явилось двухтомное произведение «Тангутско-Тибетская окраина Китая и центральная Монголия», изданное Географическим обществом в 1893 г. В этом путешествии участвовал весьма дельный зоолог М. М. Березовский, обработавший вместе с другим зоологом (и тоже путешественником) В. Л. Бианки птиц, собранных в Гань-су. В качестве топографа отправился А. И. Скасси. На экспедицию было отпущено Географическим обществом 29 500 рублей; из них 17 000 были предоставлены председателем восточносибирского отдела Общества, известным иркутским деятелем В. П. Сукачевым. Морской министр адмирал Шестаков исходатайствовал разрешение на провоз экспедиции от Кронштадта до берегов Китая на военном судне. Фрегат «Минин» доставил путешественников в Батавию на Яве. Здесь они пересели на корвет «Скобелев», на котором прибыли в Чи-фу 1 апреля 1884 г. после семимесячного плавания. Экспедиция Потанина доставила богатейшие картографические, ботанические, зоологические и этнографические материалы. Собранные естественно-исторические коллекции П. П. Семенов называет «истинными сокровищами». Во втором томе упомянутого отчета Потанина напечатано громадное собрание сказок и других фольклорных материалов, записанных путешественником со слов монголов, тангутов, китайцев. Некоторые сказки поразительны по тем аналогиям, какие они представляют с европейскими и западноазиатскими сюжетами. Вот, например,

тангутская сказка, повторяющая греческую легенду о царе Мидасе, имевшем ослиные уши.[1]

Некогда жил тибетский царь по имени Ландер (или Ландарма), у которого на голове были бычьи рога. Брить его поочередно призывали девиц. Но чтобы никто не узнал, что у царя рога, он каждый раз приказывал казнить девицу-брадобрея. Одна девушка, которой досталось брить царя, попросила мать испечь ей колобок, замешанный на материнском молоке. Когда девушка стала брить царя, она отведала печенья. Царь тоже захотел попробовать. Когда царь поел колобка, девушка заплакала и сказала: как же ты теперь убьешь меня после того, как ты поел колобка, замешанного на молоке моей матери? Ты мне теперь все равно, что брат. Царь пожалел девушку и отпустил ее, приказав никому не говорить, что у него на голове рога. Однажды девушка заболела. Призвали ламу, который объяснил, что больная выздоровеет, если откроет тайну, которую она скрывает. Тогда девушка пошла к расщелине в городской стене и, прильнув к ней, прошептала: «у царя Ландера на голове рога». В расщелине вырос тростник. Один юноша срезал тростинку и сделал из нее дудку. Когда он заиграл на дудке, оттуда послышалось: «у царя Ландера на голове рога». После этого рогатый царь был убит.

В другом тангутском варианте[2] роль девушки исполняет мальчик, который вырывает в земле ямку и туда шепчет про тайну царя. Есть и монгольский вариант о царе, который имел не рога, а как и Мидас, ослиные уши.[3]

Я уже имел случай отметить,[4] что у иссыккульских киргизов существует сказка, тоже очень близкая к греческому варианту: в ней говорится о царе с ослиными ушами.[5]

[1] Сказка приведена у Потанина, Тангутско-тибетская окраина Китая, II, 1893, стр. 233.

[2] Г. Н. Потанин, там же, стр. 199.

[3] Г. Н. Потанин. Очерки Северо-западной Монголии. IV, СПб., 1883, стр. 293—298.

[4] «Землеведение», XI, 1904, № 1—2, стр. 9, прим. 3; «Турк. ведомости», 1904, № 57.

[5] Сказка эта опубликована А. Ф. Голубевым в статье «Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заилийский край», напечатанной в Зап. Геогр. общ., 1861, кн. 3, стр. 128. Ср. также Г. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая, II, 1893, стр. 211, 838.

В 1892—1893 гг. Потанин снова стоял во главе большой экспедиции в Сы-чуань. В составе этой экспедиции был зоолог М. М. Березовский, а также геолог В. А. Обручев. Наконец, в 1899 г. Потанин посетил Большой Хинган. Скончался он в Томске в 1920 г.

Спутником Потанина в его первом путешествии по Монголии был ориенталист, монголовед А. М. Позднеев (1851—1920), впоследствии профессор монгольского языка в петербургском университете, а затем директор Восточного института во Владивостоке. В 1892—1893 гг. Позднеев снова посетил Монголию по маршруту Кяхта — Урга — Кобдо — Урга — Пекин, с целью изучения страны в языковом, этнографическом и археологическом отношениях. Во время этих экспедиций было собрано громадное количество монгольских и тибетских книг и рукописей. Отчет Позднеева под заглавием «Монголия и монголы» издан Географическим обществом в двух томах в 1896 и 1898 гг. (около 1300 стр.). Но кроме того, Позднеевым написано еще 5 томов, оставшихся в рукописи. Специалисты называют этот труд самым крупным в монголоведении, «которому мало равных не только в нашей, но и в мировой литературе».

Михаил Васильевич Певцов (1843—1902) принадлежит к числу наиболее заслуженных русских исследователей Центральной Азии. Родившись в небогатой семье в Петербурге, он в 1860 г. поступил в юнкерское училище в Воронеже, где прекрасно учился, обнаружив особенную склонность к математике и географии. В 1867 г. он поступил в академию генерального штаба, где специально занимался астрономией, а также естествознанием. Тогда же он был избран членом Географического общества. По окончании академии М. В. Певцов был назначен на службу в Семипалатинск, где основательно ознакомился с казахским языком. Будучи переведен в Омск, Певцов здесь принимает деятельное участие в организации, а затем и в работе местного отдела Географического общества. В 1876 г. он совершает свою

первую большую экспедицию — исследование Джунгарии, именно пространства между Алтаем и Саянами, с одной стороны, и восточным Тянь-шанем, с другой. Отчет об этой поездке появился в 1878—1879 г. в первой книжке Записок Западно-Сибирского отдела. В 1878—1879 гг. Певцов работает в Монголии и застенном Китае. Отчет об этой экспедиции напечатан в тех же «Записках».

В 1887 г. он был приглашен на службу в Петербург, в азиатскую часть главного штаба, но уже в следующем году ему, после смерти Пржевальского, было поручено руководство тибетской экспедицией Географического общества. В состав экспедиции вошли сотрудники Пржевальского, В. И. Роборовский и П. К. Козлов, а, кроме того, приглашен был геолог К. И. Богданович, впоследствии председатель Отделения физической географии Географического общества. Задачи экспедиции были ограничены исследованием хребта Куэнь-лунь и северной окраины Тибетского нагорья, на восток до меридиана Лоб-нора. 13 мая 1889 г. экспедиция выступила из Пржевальска.

В подробном отчете М. В. Певцова «Путешествие по Восточному Туркестану, Куэнь-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889—1890 годах», изданном Географическим обществом в 1895 г., дается превосходное описание посещенных мест.

В качестве примера приведем описание Яркендского оазиса в Кашгарии, или Восточном Туркестане. Здесь экспедиция находилась в июле 1889 г. Яркендский оазис, лежащий на высоте около 1100 м, имеет превосходные почвы, развитые на лёссе, обильно орошен арыками из Яркенд-дарьи и потому считается плодороднейшим во всей Кашгарии. Обилие воды позволяет разводить здесь в громадном количестве рис, который служит предметом вывоза в Кашгар и Хотан. Кроме того, оазис производит много пшеницы, кукурузы («кунак»), голого ячменя и хлопка. Возделывают также джугару (сорго), лен на масло, коноплю для приго-

товления гашиша, кунжут на масло, мак для приготовления опия, сбываемого в Индию, и табак, а также в небольшом количестве обыкновенное просо («тарык») и горох. Наибольшие урожаи дают кукуруза — сам 40 и рис — сам 18. Обычно снимают две жатвы: озимая пшеница и ячмень созревают в середине июня нов. стиля; сняв первую жатву, поле сейчас же засевают кукурузой, которая поспевает в октябре. Люцерна дает три-четыре урожая в лето. Оазис утопает в зелени. Все свободные места по берегам арыков и водоемов засажены пирамидальными тополями, белой и черной шелковицей (тут), платанами, ивой, лохом или джидою и др. В садах растут абрикосы и персики самых разнообразных сортов, белые черешни, гранаты, грецкий орех, яблоки и груши неважных сортов и, наконец, великолепный виноград. Арбузов, дынь и тыкв множество, равно как луку, моркови, редиса, бобов, фасоли, петрушки и укропа. Картофеля, огурцов и капусты туземцы Кашгарии не разводят, но эти овощи можно найти у местных китайцев и дунган.

Санитарное состояние города скверное: соседство рисовых плантаций влечет за собой распространение малярийных заболеваний. Сильно распространен зоб.

М. В. Певцов хвалит здешнюю дешевизну жизни: летом 1889 г. пуд лучшей пшеничной муки стоил 40 коп., кукурузной 27 коп., пуд риса 1 руб. 16 коп., ячменя 25 коп., фунт коровьего масла 17 коп., говядины 4 коп., баранины 5 коп., десяток яиц 6 коп., курица 20 коп., баран 2 руб., корова 12 руб. Осенью пуд пшеницы стоил 25 коп.

Яркенд-дарья ежегодно во время разлива осаждает на своих берегах золотоносный ил, из которого туземцы, путем промывки, извлекают золото. Промысел этот совершенно свободен. О богатстве Яркенда золотом было известно еще Петру I, который с этой целью направлял в Среднюю Азию экспедиции — впрочем, не имевшие успеха.

В Яркенде изготовляется много обуви, которая вывозится в другие города. Производят хлопчатобумажные ткани (из

местного, а также из хотанского хлопка), ковры, войлоки, шелковые ткани. Выделывают разные вещи из нефрита, добываемого в Куэнь-луне. Из луба тутовых ветвей готовят грубую, но очень прочную бумагу, а из шкур и из обрезков овчин — столярный клей. Кроме обуви, вывозится много риса и пшеницы. Козий «пух», который в Яркенде продается по 32 коп. за фунт, отправляют в Ладак, где из него изготовляют знаменитые кашмирские шали. Кроме того, туда же вывозят «нашу», или гашиш,— наркотическое вещество, добываемое из конопли; фунт наши стоит в Яркенде от 40 коп. до 1 руб., смотря по качеству. Доставка пуда товара из Яркенда в Ле обходится в 4—5 рублей; перевозки производятся только летом, и путь занимает 35 дней. В Яркенде проживало в те времена около 100 человек торговцев — русско-подданных, но среди них не было ни одного русского, все это были уроженцы Ферганы, которых в Кашгарии называют андижанцами по имени города Андижана. Они привозили из России ситцы, металлические изделия, сахар, свечи, мыло, спички и проч. А из Яркенда вывозили к нам *мату́* — белую хлопчатобумажную ткань, овечью шерсть, козий пух, кожи, овчины, ковры и войлоки (кошмы). Кусок маты длиною в 7 м и шириною в 70 см стоил на месте 30 коп., а провоз до Оша (в Фергане) обходился 1 р. 50 коп. с пуда. Китайские товары, из-за дальности расстояния, не выдерживают конкуренции с русскими; из Китая привозили, главным образом, чай и фарфоровую посуду.

В Хотанском оазисе, помимо маты, выделывают великолепные шерстяные и шелковые ковры. Лучший шерстяной ковер длиной в 3.5 м и шириной в 1.8 м стоил не дороже 25 рублей; также ковры выделываются из шерсти тонкорунных овец, которые круглый год пасутся в горах Куэнь-луня, к югу от Хотана. Ковры эти отличаются необыкновенной прочностью, красотой рисунка и нелинючестью: краски употребляются исключительно растительные, из марены, шафра-

на и сугака (Lycium). Превосходный шелковый ковер в 2 м длиной и 1.2 м шириной стоил 50 руб.

В оазисе Ния (к востоку от Хотана, у подножья Куэньлуня) Певцов провел зимой 1889—1890 г. свыше пяти месяцев, занимаясь астрономическими и метеорологическими наблюдениями; здесь же он собрал весьма ценные данные о туземцах Кашгарии. Оседлое население оазисов Кашгарского, Яркендского, Хотанского, Турфанского, Хамийского и др. принадлежит в подавляющей массе к тюркам и по языку близко к таранчам Кульджи и Семиречья и довольно близко к узбекам Ферганы. Кроме того, есть китайцы, дунгане, т. е. китайцы-мусульмане, и около 300 семейств цыган. В горах Тянь-шаня кочуют киргизы. Оседлые кашгарцы-мусульмане не имеют для себя никакого особого названия, а именуются по городам, откуда происходят: хотанлык, т. е. из г. Хотана, кашгарлык — из г. Кашгара и т. п.

Самое распространенное народное кушанье в Кашгарии - это *умач*, род жидкого киселя, приготовленного из кукурузной муки. Его едят с лепешками из той же кукурузной муки. Вот куда — в сердце Азии — попало американское растение маис! Летом умач варят со свежими абрикосами и персиками. Любимое кушанье это *палау* — плов из риса, баранины, бараньего сала, изюму, моркови и лука. В ходу только чугунная, медная и деревянная посуда, глиняной же в Кашгарии не выделывают, хотя в древности она была широко распространена. У богатых туземцев можно встретить китайские фарфоровые чашки.

О кашгарцах Певцов дает самый лучший отзыв. Они отличаются «кротким характером, честностью, гостеприимством, услужливостью». «Дома в этой стране не имеют ни запоров, ни замков. Хлеб почти всю зиму хранится в ямах на полях, и никто не опасается воров; на базарах нередко можно видеть открытые лавки, покинутые отлучившимися на время хозяевами, и товар в них остается в целости». По мнению Певцова, обитатели Кашгарии стоят «в моральном отноше-

нии, пожалуй, значительно выше цивилизованных народов нашей части света». Кашгарцы — магометане-сунниты. Они не проникнуты религиозным фанатизмом, а к русским питают даже симпатию благодаря доброй славе, распространяемой о русских ферганскими купцами. Отрицательные черты кашгарцев — (лицемерие, раболепие и корыстолюбие) М. В. Певцов склонен объяснять долговременным гнетом, какой испытывал многострадальный кашгарский народ, а равно и беспримерными превратностями его исторической судьбы. «Во всяком случае, беспристрастный исследователь должен, по всей справедливости, признать нравственный уровень туземцев Кашгарии стоящим на весьма значительной высоте».

Кашгарцы очень чадолюбивы. Большинство имеет по одной жене, ибо многоженство, по их мнению, разрушает семейное счастье. Поэтому благоразумные решаются брать вторую жену только в случае бесплодия первой или если она рожает одних только дочерей. Жена в семействе пользуется большим авторитетом, и муж не предпринимает ничего важного без совета и согласия жены. Трудные полевые и хозяйственные работы лежат на мужчине. Кашгарцы очень любят музыку, пение и танцы. Танцы их грациозны, а музыкальные мелодии приятны, хотя и монотонны.

Туземцы весьма сообразительны и понятливы, но не чужды легковерия и легкомыслия. В каждом селении существуют начальные школы, отдельные для мальчиков и девочек. В школе обучают грамоте на родном языке, а главным образом заучивают наизусть коран на арабском языке, которого не понимают ни учащиеся, ни обычно и учащие. Для подготовки к духовному званию существуют медресе, где преподают чисто схоластическим путем мусульманское богословие, философию, право, арабский язык, арифметику и начала геометрии. Тяжкие уголовные преступления — убийства, грабежи, поджоги и т. п., в общем редкие,— судились по китайским законам, нередко с применением пыток, и, в

случае обвинения, обычно карались отсечением головы после утверждения приговора генерал-губернатором Син-цзяна (в Урумчи). Все остальные преступления и проступки судятся выборными народными судьями, которые в своих решениях руководствуются шариатом. В числе наказаний применялись и телесные.

Денежной единицей служили *пулы* — медные китайские монеты стоимостью в 0.54 и 0.27 копейки. Кроме того, в обращении китайские *ямбы* — клейменые серебряные слитки весом около 1.9 кг. Китайцы взимали с земледельцев налог в размере 10% от стоимости произведений, полученных с земли, а, кроме того, с крупного скота по 3 теньгѐ (одна теньгѐ равнялась 27 коп.), а с мелкого по 1 теньге (от этого тюркского слова происходит и русское — деньги). Но помимо того, население страдало от незаконных поборов со стороны администрации — местных беков и жадных китайских чиновников. Народ с сожалением вспоминал времена Якуб-бека (1864—1877), когда Кашгария отпала от Китая. Якуб-бек, хоть и был жесток, но облагал большими налогами только баев. Напомним, что впечатления путешественника относятся к 1889—1890 гг.

Экспедиция Певцова посетила на возвратном пути Турфанскую котловину и открыла здесь депрессию, опускающуюся ниже уровня океана. В течение двух лет, 1893—1895, здесь, в городе Люкчуне действовала основанная Географическим обществом метеорологическая станция, по данным которой А. А. Тилло установил, что низшие точки котловины (озеро Боджанте) опускаются до абсолютной высоты — 130 м.[1] Летом в котловине, защищенной с севера хребтом Тянь-шаня, бывают сильные жары, до 48°. От этого здесь прекрасно удаются хлопок и виноград, из которого приготовляется превосходный изюм. Хлопок и изюм шли отсюда прежде в большом количестве в Россию.

[1] Изв. Геогр. общ., XXXV, 1899, стр. 9, карта.

За эту экспедицию М. В. Певцов заслуженно получил чин генерал-майора и пенсию в 500 рублей в год. Певцов был широко образованным и наблюдательным путешественником. Он совмещал в себе, говорит его биограф, отличные познания в астрономии и физической географии с обширными сведениями по естествознанию и истории. Труды Певцова написаны простым, спокойным стилем, чуждым напыщенности и слащавой аффектации. Будучи ученым географом, М. В. Певцов внес большой вклад в изучение Центральной Азии.

Из спутников Певцова следует упомянуть о К. И. Богдановиче, который производил геологические исследования в Тянь-шане, Куэнь-луне и в восточном Туркестане.[1] Между прочим, Богданович описывает месторождения золота в Куэнь-луне, именно в южной Кашгарии, сведения о которых проникли в Россию, как мы говорили, еще в петровские времена. Все здешние месторождения принадлежат к числу россыпей. Добыча золота производится путем провеивания и промывки. Артель в 7—8 человек добывает в день от 2 до 13, иногда до 35 г. Добывают только крупное золото; мелкое же туземным способом не улавливается. Местами артель регулярно добывает золото кусками в кедровый орех. По данным Богдановича, в 1890 г. общая добыча золота в Кашгарии не превосходила двух-трех пудов (30—50 кг).

В заключительной главе своего отчета К. И. Богданович рассматривает вопрос о причинах исчезновения древних культур Кашгарии, о которых свидетельствуют многочисленные развалины. Вплоть до настоящего времени широко распространена мысль, что виною гибели старых городов является расширение пустыни за счет культурных земель; надвигание же песков есть следствие изменения климата в сторону усыхания. Богданович указывает, что по описанию китайского путешественника Сюань-цзана, посетившего Хо-

[1] Труды Тибетской эксп. 1889—1890 гг., часть II, 1892.

тан в 644 г. нашей эры, природа южной Кашгарии в те времена была такой же, как и ныне. Уже тогда здесь встречались развалины. Богданович видит причину гибели древних культур в отклонении течения рек, происходившем от накопления осадков (а кроме того, по нашему мнению, во время неприятельских нашествий оросительные каналы разрушались нападавшими).[1] Наличие многочисленных развалин Богданович правильно приписывает не усыханию, а нашествиям варваров, или «цивилизаторов». Заканчивает Богданович такими словами: «Я вовсе не отрицаю угрожающего подчас движения песков пустыни; я старался только показать, что факт исчезновения древних народов Кашгарии не может пока служить доказательством, что песчаная пустыня и широкая культура в Средней Азии рядом не уживаются».

Первым путешественником, сообщившим Географическому обществу обстоятельные сведения о Кашгарии, был штабс-капитан Чокан Чингисович Валиханов, родом казах, внук последнего хана Средней киргизской (собственно — казахской) орды Валихана и правнук известного Аблай-хана. Валиханов был весьма талантливый путешественник, к сожалению, рано скончавшийся, в 1865 г., от чахотки. Он посетил Кашгарию в 1858/1859 гг.[2] Послан он был в Кашгар генерал-губернатором Западной Сибири Гасфордом, дабы узнать на месте, что делается там после захвата власти ходжей Валиханом, злодеем совершенно исключительным, даже для Кашгарии, видавшей всякие виды (он, между прочим, в августе 1857 г., безо всякого повода, велел отрубить голову путешественнику А. Шлагинтвейту). Валиханов присоединился к торговому каравану, который вышел из Копала в составе 42 человек, со 101 верблюдом и 65 лошадьми.

[1] См. в моей статье «Об изменении климата в историческую эпоху». Землеведение, 1911, № 3.

[2] Отчет напечатан в Зап. Геогр. общ., 1861, кн. 3. Перепечатан в «Сочинения Ч. Ч. Валиханова». Зап. Геогр. общ. по отд. этногр., XXIX 1904, стр. 79—150; см. также стр. 329—484.

Путешественник назвался кокандским подданным Алимбаем, сыном выходца из Маргелана. После трехмесячного пути караван прибыл в г. Кашгар. В Кашгарии существовал обычай, по которому иностранцы во время пребывания здесь могут вступить во временный брак, совершаемый по формам, установленным шариатом. Женился и Валиханов; от жены он получил много полезных сведений. Через приехавших из Семипалатинска ташкентцев в Кашгарии распространился слух, что при караване есть русский агент. Поэтому, распродав товары, караван поспешил домой и весною 1859 г. вернулся в Верный, после 10½ месяцев отлучки.

В караване было товаров на 19 тысяч рублей серебром. В обмен на товары от киргизов приобретено 3026 баранов, каковые проданы в Кашгарии за 4068 кокандских золотых, стоимостью каждый в 3 р. 70 коп. Из Кашгара вывезли в Россию чай, дабу, полушелковую материю и серебро в ямбах.

Валиханов собрал обстоятельные сведения о населении Кашгарии, о торговле и о политическом положении этой страны. Полный отчет, бывший в свое время секретным, напечатан Географическим обществом лишь в 1904 г. Этнографические сведения, сообщаемые путешественником, весьма интересны. Туземное население Кашгарии, или Малой Бухарии, говорит на особом языке тюркского корня — уйгурском. Самобытные литературные произведения ограничиваются несколькими историческими и религиозными книгами; последние, «надо сказать, лучшие из всех мусульманских сочинений в этом роде, не заражены фанатизмом и отличаются ненавистью к обрядностям». Валиханов, как и впоследствии Певцов, хвалит характер кашгарцев — они добры, общительны, радушны, трудолюбивы и до крайности вежливы. Женщины занимают почетное место в домашнем и общественном быту. Кашгарские званые вечера («машреб»), в которых всегда принимает участие и хозяйка дома, сопровождаются музыкой и общими плясками. Русские товары доставлялись в Кашгар или через Кульджу, или через Коканд. В Петро-

павловске или Семипалатинске они облагались вывозной пошлиной в размере 1% со стоимости; в Ташкенте взимался «зекет» в сумме 2½% с мусульман и 5% с христиан и такой же налог в Кашгаре.

В 1889 г. в Монголии на р. Орхоне, притоке Селенги, известный географ и выдающийся сибирский общественный деятель, уроженец Омска Николай Михайлович Ядринцев (1842—1894) сделал замечательные археологические открытия — без преувеличения мирового значения. Ядринцев был направлен сюда Восточносибирским отделом Географического общества. Весьма содержательный отчет путешественника, доложенный в общем собрании Географического общества, напечатан в «Известиях» Общества за 1890 г. В районе Каракорума, столицы монгольских ханов XIII в., были открыты памятники, поставленные китайскими мастерами первой половины VIII в. тюркскому хану и его брату, с надписями на двух языках — китайском и языке тюрков-огузов. Главная надпись на памятнике брату хана Кюльтегину заключала в себе 40 строк. Открытие этих, так называемых орхонских, надписей вызвало громадный интерес, и в 1891 г. Академией Наук была снаряжена туда экспедиция во главе с академиком В. В. Радловым с участием Ядринцева. Все это дало возможность знаменитому датскому лингвисту Томсену найти ключ к чтению древнейших памятников тюркского языка — орхонских (и енисейских) надписей. Ядринцевым сделаны в районе Каракорума и другие археологические находки, а кроме того, положено на карту верхнее течение Орхона.

В 1889—1890 гг. братья Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло совершили по поручению Географического общества большое путешествие по Центральной Азии и западному Китаю. Отчет Г. Е. Грум-Гржимайло в 3 томах, опубликованный Географическим обществом в 1896—1907 гг., заключает большое количество материалов по географии Центральной Азии. Из числа географических открытий надо отме-

тить исследование горных областей Нань-шаня и Бэй-шаня. Грум-Гржимайло выяснил, что Бэй-шань представляет собою орографическое звено между восточным Тянь-шанем и средним Куэнь-лунем. Ему же принадлежит честь открытия Турфанской депрессии, дно которой на 130 м ниже уровня океана.

В 1903 г. Г. Е. Грум-Гржимайло совершил большое путешествие по Урянхайскому краю. В течение 1921—1931 гг. Г. Е. был вице-председателем Географического общества. 3 марта 1936 г. он скончался в возрасте 76 лет.

Почетный член Общества, академик Владимир Афанасьевич Обручев (родился в 1863 г.), знаменитый путешественник по Средней, Центральной Азии и Сибири, является из ныне живущих старейшим членом нашего Общества: он избран 7 октября 1887 г. Ученик И. В. Мушкетова, Владимир Афанасьевич свои работы в составе Общества начал геологическими и орографическими исследованиями в Закаспийской области, которые им производились в течение 1886—1889 гг. Отчет по этим работам [1] доныне является необходимым пособием для исследователя природы Туркмении.

Во время службы в Сибири Владимир Афанасьевич был виднейшим деятелем восточносибирского отдела Географического общества, в изданиях которого он опубликовал ряд трудов по орографии и геологии Восточной Сибири. Во время своего центральноазиатского путешествия 1892—1894 гг. В. А. Обручев собрал ценнейшие материалы по геологии и орографии, опубликованные в капитальном двухтомном труде «Центральная Азия, северный Китай и Нань-шань» (около 1400 страниц большого формата), изданном Географическим обществом в 1900—1901 гг. [2] Во время это-

[1] Записки Геогр. общ. по общ. геогр., XX, 1890.

[2] Предварительный отчет об экспедиции 1892—1894 гг. под заглавием «Орография Центральной Азии и ее юго-восточной окраины» напечатан В. А. Обручевым в Известиях Географического общества, XXXI, 1895.

го путешествия В. А. Обручевым была произведена геологическая съемка на протяжении 13 500 км. Сделано много топографических съемок. Свыше 5500 км пути в местах, еще не посещенных европейцами, было положено на карту, причем открыто несколько мощных хребтов. За это путешествие Парижская академия наук присудила В. А. Обручеву, одному из виднейших исследователей Центральной Азии, премию имени Чихачева.

В 1889—1901 гг. состоялась большая экспедиция П. К. Козлова в Монголию и Кам; в ней участвовал А. Н. Казнаков.

В 1893—1895 гг. в Центральной Азии работала экспедиция Географического общества, посланная под начальством Всеволода Ивановича Роборовского (1856—1910), опытного путешественника, спутника Пржевальского и Певцова.

В 1899 г. в Тибет с этнографическими целями был направлен Гонбочжаб Цэбекович Цыбиков, по национальности бурят, только что окончивший восточный факультет Петербургского университета, где он занимался у профессора А. М. Позднеева. Подробный отчет Цыбикова, великолепно изданный под редакцией А. В. Григорьева, С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского, выпущен в свет Географическим обществом лишь в конце 1918 г.[1] Маршрут путешественника шел из Урги (ныне Улан-батор) в Гумбум, а отсюда через Лавран в Лхасу. По окончании экспедиции путешественник был назначен лектором монгольского языка в Восточный институт во Владивостоке. Отчет Цыбикова вышел в свет в такое время, когда у нас происходили крупнейшие исторические события, и не обратил на себя должного внимания со стороны географов.

25 ноября 1899 г. Г. Ц. Цыбиков, одевшись бурятским ламой-паломником, выехал из Урги на четырех верблюдах

[1] Г. Ц. Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899—1902 гг. Птг., 1919, X, 472 стр., 4°, изд. Геогр. общества.

с партией алашанских монголов, приехавших сюда для продажи риса и проса. Пересекши Алашань, путешественник достиг знаменитого буддийского монастыря Гумбум, расположенного к востоку от озера Куку-нор, в 37 км от города Си-нин. Монастырь, основанный в XVI в., имеет при себе четыре дацана, или факультета: богословский, медицинский и два мистических. Монахов в Гумбуме было около 2000. Во главе духовенства стоит «хамбо», что значит «учитель»; внешними признаками его власти служит желтый зонт и желтая шапка. Когда хамбо проходит по улице, ему предшествуют служки, из которых одни несут свечи, а другие играют на особых духовых инструментах наподобие кларнетов. Гумбум неоднократно посещался далай-ламами. Не только они лично во время своего пребывания здесь, но даже оставленные ими стулья, на которых они сидели, и части их одеяний, не исключая юбок и сапог, привлекали множество богомольцев, говорит Цыбиков. Паломники стекаются сюда не только из Тибета, но и из Монголии.

Отсюда Цыбиков направился в другой, еще более знаменитый тибетский монастырь Лавран или Лабран, или «дом ламы», основанный в 1709 г. Монастырь этот расположен на высоте около 3000 м, у границы земледельческой культуры. Здесь пять факультетов, из них четыре, как в Гумбуме, а кроме того, еще третий — мистический. В ущелье поблизости монастыря находится род кладбища: сюда приносят покойников, оставляя их на съедение хищным птицам, которые быстро уничтожают трупы.

Из Гумбума Г. Ц. Цыбиков отправился в Лхасу, которую он подробно описывает. Наиболее замечательное здание не только в Лхасе, но и во всем Тибете, это — дворец далай-ламы. Он выстроен на горе, над Лхасой, имеет в длину свыше 400 м и заключает до 1000 комнат. Постоянное население Лхасы — главным образом, тибетцы,— исчисляется в 10 тысяч человек, из коих только треть мужчины. Кроме тибетцев, здесь живут китайцы, кашгарцы (мусульмане) и

непальцы (буддисты). Автор дает обстоятельный очерк этнографии местного населения. Буддизм в Тибете делится на две секты — красношапочную и желтошапочную; вторая группа господствует. Духовенство желтошапочных должно вести безбрачную жизнь, тогда как у красношапочников оно может вступать в брак. Но в Тибете, кроме того, есть приверженцы древней туземной «бонской» религии, сходной с старинным шаманизмом монголов, и даже существует бонский монастырь. Монахи и вообще духовенство в Тибете далеко превосходят по количеству мирян; есть и женщины монахини, но их мало. Недостаток мужчин издавна развил в тибетских женщинах самостоятельность: женщины являются главною рабочею силою страны; они занимаются полевыми и строительными работами, а также всякими ремеслами, прядут, ткут, торгуют, служат приказчиками, сторожами и дворниками в правительственных и общественных учреждениях и т. д. В Тибете встречается как полиандрия, так и полигамия (понятная, при недостатке мужчин). Самым благопристойным браком считается, когда все братья берут одну жену или все сестры выходят замуж за одного мужчину.

В книге дается подробное описание религиозного быта тибетцев и сообщается много любопытных данных о далай-ламах. Правивший в посещение Цыбикова духовный глава Тибета имел 26 лет от роду; он ввел некоторые реформы — отменил смертную казнь и открытую продажу должностей.

В 1905 г. тангутский монастырь Лавран был посещен другим уроженцем Забайкалья, бурятом Б. Б. Барадийном, вольнослушателем восточного факультета Петербургского университета. По отзыву С. Ф. Ольденбурга, путешествие Барадийна одно из самых выдающихся по своим научным результатам, особенно в отношении этнографии Тибета. Путешественнику была присуждена премия имени Пржевальского. О своей поездке он сделал в годовом общем со-

брании Общества 30 января 1908 г. сообщение, напечатанное в Известиях Географического общества за тот же год. Приведем отсюда некоторые этнографические данные. Вот как описывает Барадийн женитьбу у лавранских тангутов. У многих народов в обряд сватовства входит симуляция похищения невесты женихом. У лавранских тангутов, наоборот, женитьба совершается посредством побега молодого человека, навсегда, из родительского дома в дом родителей невесты. Если юноша желает жениться на девушке, он оставляет у нее какую-нибудь свою одежду. Девушка или убирает одежду наравне со своей, и это значит, что она принимает предложение, или выносит ее наружу, и тогда отвергнутый претендент должен со срамом унести свое имущество домой. В случае благоприятного ответа жених убегает от своих родителей, прервав с ними всякую имущественную связь; с собою он обязательно захватывает лишь ружье, кинжал, а иногда и боевого коня. Итак, муж является постоянным гостем для жены и ее родителей. Муж и жена в имущественном отношении очень мало связаны друг с другом, и женщины у тангутов, как и у всех тибетских племен, весьма самостоятельны и свободны и могут по своему выбору иметь одновременно несколько мужей. Тангутов обычно изображают как дикий, разбойничий народ. Но, по словам Б. Б. Барадийна, они весьма добродушны, даровиты, прямодушны, свободолюбивы и далеко не лишены понятия о чести и благородстве.

В 1907—1909 гг. состоялась большая центральноазиатская экспедиция П. К. Козлова, отчет о которой под заглавием «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото» опубликован уже в советское время, в 1923 г. Посещенные П. К. Козловым знаменитые развалины города Хара-хото находятся в центральной Гоби, под 41°46′ с. ш., в 12 км от ближайшего, восточного, рукава реки Эцзин (или Эцзин-гола), на абсолютной высоте в 870 м, среди безжизненной, щебнистой пустыни, местами прорезанной сухими руслами и кое-где

оживляемой песчаными буграми. Когда-то Хара-хото был расположен среди цветущего оазиса, который орошался каналами из Эцзин-гола. Центральная часть города была обнесена высокой, в 9—10 м, глинобитной стеной, остатки которой сохранились доселе. Местами видны развалины субурганов, или надгробных сооружений, затем китайских, тангутских храмов и мечети, наконец, остатки дворца. Население оазиса Хара-хото состояло в основном из ныне исчезнувшего тангутского племени *си-ся*, исповедывавшего буддизм, и из мусульман. Си-ся — это собственно название династии, правившей здесь с 1032 по 1226 г. Основатель династии был ревностным сторонником буддизма. При нем были переведены с китайского на язык си-ся некоторые классические произведения; они напечатаны особым письмом. В 1226 г. государство Си-ся было завоевано войсками Чингис-хана. Согласно преданию, город Хара-хото был дотла уничтожен осадившими его войсками, после того как осаждавшие отвели от города рукава Эцзин-гола и тем лишили жителей воды. Но сделано это было не монголами Чингис-хана.

Раскопки П. К. Козлова обнаружили в Хара-хото богатейшие, единственные в мире археологические материалы: в одном из субурганов найдена целая библиотека — около двух тысяч томов книг, множество рукописей и свитков на языках монгольском, китайском, тибетском, тангутском, на языке си-ся (между прочим, оказался словарь этого языка), уйгурском, персидском; обнаружены отрывки персидского текста знаменитой «Книги семи мудрецов» — Китаб-и-синдбад. Весьма любопытны китайские ассигнации, выпущенные в период между 1287 и 1368 гг.[1] Кроме китайских иероглифов, эти бумажные деньги несут и монгольские обозначения. Надписи, в общем, такого же типа, как и на современных

[1] В. Котвич. Образцы ассигнаций Юаньской династии в Китае. Изв. Геогр. общ., XLV, 1909, стр. 477.

европейских ассигнациях. Посреди по-китайски написано: «стоимостью в одну связку [монет]», слева: «имеет хождение во всех провинциях», справа: «ассигнация годов правления Чжун-тун», внизу: «подделывателям будут отрублены головы; в награду [донесшим] будет выдано 5 слитков серебра, а также имущество преступника». На каждой ассигнации красная правительственная печать. Помимо того, в Хара-хото было добыто до трехсот великолепных буддийских икон, исполненных красками на холсте, на шелковой ткани и на бумаге. Найдено множество статуй Будды, изображающих Будду в разных видах: то на алмазном престоле (это одна из главных буддийских святынь), то вращающего колесо закона, то учащего, то созерцающего и иных. Есть статуя Будды о двух головах. Обнаружено большое количество «цаца» — глиняных изображений божков, найдены женские украшения, множество фарфоровых черепков, из которых наши этнографы искусно составили цельные чаши и вазы. Откопан великолепный образ — гобелен. Все предметы — книги, рукописи, иконы, ткани — поражают своей замечательной сохранностью, что объясняется нахождением их в сухом климате. Обычно сохранились даже краски.

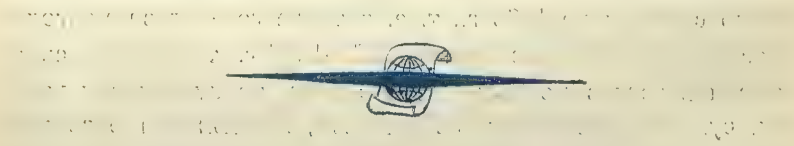
Из предыдущего видно, что открытые памятники относятся ко времени до 1368 г., т. е. к эпохе господства монголов. После победы Чингис-хана в 1226—1227 г. тангуты (и си-ся) вошли в состав монгольской державы, но культурная жизнь их, судя по раскопкам в Хара-хото, продолжала развиваться — существовала обширная тангутская литература, испытывавшая на себе воздействия со стороны китайцев, тибетцев и монголов.

Экспедиция посетила озеро Куку-нор, на котором геологом А. А. Черновым (ныне профессором Московского университета) были произведены промеры и найдена глубина в 38 м, а кроме того, совершено весьма опасное плавание к острову среди Куку-нора, где находится буддийский мона-

стырь. Озеро Куку-нор расположено в пределах обитания тангутов.

Отсюда экспедиция отправилась в Амдо — горную страну, расположенную в северо-восточном углу Тибетского нагорья. на границах Сы-чуани и Гань-су. Амдо населено тангутами, частью кочевыми, частью оседлыми. Экспедиция посетила в этой стране монастыри Лавран и Гумбум, о которых мы уже говорили. В Гумбуме путешественник встретился с далай-ламой, который остановился здесь на пути из Пекина в Лхасу. Владетель Тибета усиленно приглашал русского путешественника в свою столицу Лхасу — так изменились настроения тибетцев со времени Пржевальского! На прощанье далай-лама сказал Козлову: «Передайте России чувства моего восхищения и признательности к этой великой, богатой стране. Надеюсь, что Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отношения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления как с моей горной природой, так и с моим многочисленным населением». [1]

[1] П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Птг., 1923, стр. 505—506.

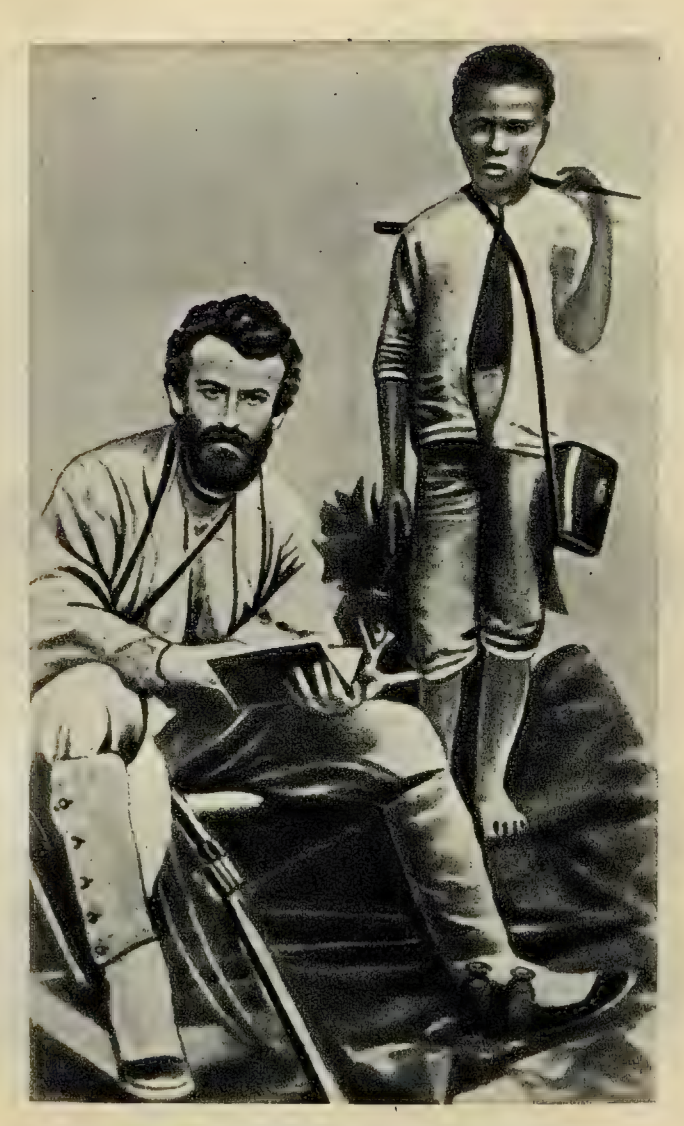
Александр Васильевич Григорьев
1848–1908

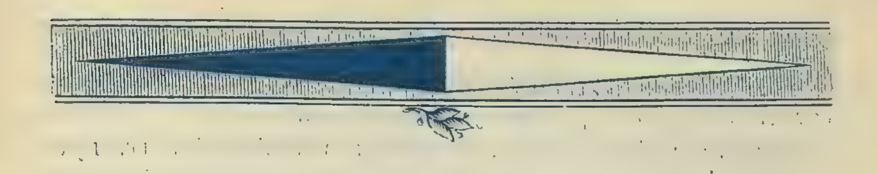
Петр Петрович Семенов Тян-Шанский 1895 г.

Иван Васильевич Мушкетов
1850—1902

Николай Николаевич Миклухо-Маклай
1846—1888

VIII

ПУТЕШЕСТВИЯ В ДРУГИЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ СТРАНЫ

Помимо изучения Центральной Азии и Китая, Географическое общество много сделало для изучения других зарубежных стран — сопредельных с нашим отечеством, а также далеких от него. В 1858—60 гг в Персии (Иране) работала Хорасанская экспедиция под руководством известного ориенталиста Н. В. Ханыкова. Среди результатов ее надо отметить весьма ценные картографические материалы.

В первом десятилетии XX в. природу Персии во время многократных экспедиций изучал Н. А. Зарудный, а в советское время академик Е. Н. Павловский.

Далее надо упомянуть о многолетних работах знаменитого исследователя Новой Гвинеи, великого гуманиста, защитника прав отсталых народов Н. Н. Миклухо-Маклая. Ему посвящен специальный выпуск Известий Географического общества за 1939 г.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846—1888) родился в Новгородской губернии. Из петербургской 2-й гимназии он был исключен при переходе из 6-го в 7-й класс. В 1863 г. он поступил вольнослушателем на естественное отделение Петербургского университета, но в 1864 г. уволен за нарушение в здании университета правил, установленных для вольнослушателей, именно за то, что привел в университет своего приятеля — не студента. Тогда

Миклухо-Маклай уехал за границу, где слушал лекции по естествознанию в разных университетах.

Вместе с Геккелем он совершил в 1866—1867 гг. путешествие на Канарские острова. Затем он посетил Марокко, Сицилию, берега Красного моря и в 1869 г., через Одессу, вернулся в Петербург. Здесь он 23 сентября сделал сообщение в Географическом обществе о своем путешествии. Через несколько дней Миклухо-Маклай подал Географическому обществу проект посещения Новой Гвинеи, где предполагал заниматься изучением фауны, географии животных, а также «разрешением антропологических и этнографических вопросов». Николай Николаевич сначала просил Общество лишь о моральном содействии — именно о доставлении ему возможности добраться до Новой Гвинеи на русских военных судах. Очевидно, молодой, всего лишь двадцатитрехлетний ученый обладал способностью заражать своими, казалось бы, фантастическими и, во всяком случае, необычными проектами и положительных людей. Ходатайство Миклухо-Маклая поддерживали академики Бэр и Брандт, а особенно П. П. Семенов, который указывал на большой интерес для географов, какой представляет изучение образа жизни морских животных. Ф. П. Литке сначала скептически относился к Миклухо-Маклаю: «Кто он такой? Каков его авторитет в науке? Да и предмет его исследований не входит в круг занятий Общества»,— говорил Литке. Но Миклухо-Маклаю не стоило большого труда переубедить старика, который в конце концов оказал ему полное содействие.

Общество столь заинтересовалось проектами Николая Николаевича, что не только исхлопотало ему, через своего председателя, право использовать для плавания на Новую Гвинею военное судно, но и назначило пособие в сумме 1200 руб. В начале октября 1870 г. Миклухо-Маклай сделал в общем собрании Общества доклад, в котором излагал программу своего путешествия, а 27 октября отправился с Кронштадтского рейда в путь.

Военное судно, корвет «Витязь», было предоставлено в полное распоряжение путешественника. Миклухо-Маклай пожелал, прежде чем отправиться в дальнее плавание, побывать в разных городах Европы. И вот, 2 ноября 1870 г. «Витязь» бросает якорь на рейде Копенгагена, а путешественник едет в Германию, Голландию и Англию. Благодаря ходатайству нашего посла в Гааге, Миклухо-Маклай был принят нидерландским министром колоний, который выказал полное сочувствие планам Николая Николаевича и снабдил его рекомендательным письмом к генерал-губернатору Нидерландской Индии, прося последнего оказать путешественнику всяческое содействие. Это письмо оказало со временем большую пользу Миклухо-Маклаю. В Англии он посетил адмиралтейство и здесь предъявил письмо адмирала Семена Ильича Зеленого (1812—1892) — директора гидрографического департамента морского министерства и одного из старейших и деятельных членов Географического общества (он был 20 лет членом совета Общества и дважды председателем отделения математической географии). Англичане безвозмездно снабдили путешественника шестью приборами для измерения морских глубин и 2000 м линя.

«Витязь» отправился на Новую Гвинею кругом Южной Америки. Первое письмо в Географическое общество путешественник послал 26 марта 1871 г. из Пунта Аренас в Магеллановом проливе; Николай Николаевич писал о своих измерениях температуры глубин Атлантического океана: на глубине 1800 м он нашел 3.5° Ц. 8 (20) сентября того же года корвет «Витязь» бросил якорь в бухте Астролябии на Новой Гвинее. Берега были покрыты густой тропической растительностью. Через неделю корабль покинул Новую Гвинею, оставив путешественника в девственном лесу.

С командиром «Витязя» Миклухо-Маклай отправил в Географическое общество сообщение об условиях своего поселения на Новой Гвинее. Беспокоясь за судьбу своего сочлена, оставшегося среди народа, известного за людоедов,

Географическое общество обратилось к лондонскому географическому обществу и к французскому правительству с просьбой оказать возможное содействие путешественнику. Кроме того, по ходатайству Общества, начальнику тихоокеанского отряда военно-морских судов адмиралу Посьету было предписано направлять военные суда во время крейсерства на Новую Гвинею и здесь наведываться о судьбе Миклухо-Маклая.

Местность, где поселился наш путешественник, оказалась весьма нездоровой. Среди экипажа «Витязя» после недельной стоянки появилась эпидемия тропической лихорадки. Лихорадкой страдал и Миклухо-Маклай, заразившийся ею еще у берегов Южной Америки, и его слуга. Пятнадцатимесячное пребывание Миклухо-Маклая среди папуасов, никогда не видавших европейцев, хорошо известно по описаниям самого исследователя и по литературе (оно излагалось и мною,[1] и нет надобности распространяться об этом здесь).

В одном из номеров «Кронштадтского вестника» за 1871 г. была помещена неизвестно на чем основанная статья о смерти Миклухо-Маклая от злокачественной лихорадки. Это известие, перепечатанное многими газетами и в том числе «Правительственным вестником», произвело большое впечатление. Особенно было обеспокоено Географическое общество. Но вскоре от голландского научного общества из Батавии было получено письмо успокоительного содержания. Как бы то ни было, по ходатайству Географического общества морское ведомство распорядилось послать за Миклухо-Маклаем из Шанхая клиппер «Изумруд», который и прибыл в залив Астролябии в декабре 1872 г. Осуществить посылку военного судна за путешественником могло только Географическое общество с его авторитетом и связями.

Покинув Новую Гвинею, Миклухо-Маклай не думал возвращаться домой. На «Изумруде» он посетил Индо-Малайский архипелаг, Филиппинские острова, Гонконг, а затем

[1] Изв. Геогр. общ., 1939, вып. 1—2.

принял предложение генерал-губернатора Нидерландской Индии поселиться у него в Бейтензорге, на Яве. Здесь путешественник прожил 7 месяцев, обрабатывая собранные материалы и составляя отчеты. В феврале 1874 г. он снова отправился на Новую Гвинею, но теперь на юго-западный берег.

После этого Миклухо-Маклай еще два раза посещал Новую Гвинею, побывал на многих островах Тихого океана, поселился в Австралии и только в 1882 г., после двенадцатилетнего отсутствия, вернулся на родину. Здесь, в Петербурге и Москве, он сделал о своих путешествиях ряд докладов, привлекших всеобщее внимание.

Миклухо-Маклай, как мы говорили, обладал удивительным даром влиять на людей и заставлять их содействовать своим планам. Он убедил Литке в реальности проекта исследования папуасов, он заставил папуасов подчиниться своей воле; несмотря на все препятствия, он женился на дочери губернатора Сиднея — сэра Джона Робертсона, мисс Маргарите, решившей связать свою судьбу с судьбой необыкновенного русского человека.

Популярность Миклухо-Маклая в 1882 г. была громадна. Студенты физико-математического факультета Петербургского университета поднесли ему адрес, в котором писали: «Ваше имя тем особенно дорого для нас, русских студентов, что у нас не много таких отважных исследователей, как вы, которые так высоко держали бы знамя человечности и науки». В газетах Миклухо-Маклая называли не иначе, как «наш знаменитый путешественник».

Николай Николаевич просил у Географического общества разрешения заняться подготовкой своих материалов к печати в Сиднее, ссылаясь на состояние здоровья и удобства географического положения Сиднея — близости к району исследований. Окончить обработку путешественник предполагал в течение двух лет. Со всем этим Общество согласилось.

Заинтересованное в издании трудов Миклухо-Маклая, Общество обратилось к министру финансов с просьбой ас-

сигновать средства на обработку и издание научных отчетов путешественника. В конце 1882 г. Миклухо-Маклаю было ассигновано правительством 12 тысяч рублей на покрытие его долгов, сделанных на нужды экспедиции, и 8 тысяч рублей на двухлетнее пребывание в Сиднее для подготовки к печати трудов; кроме того, расходы на издание этих трудов принял на себя Александр III.

В ноябре 1882 г. Миклухо-Маклай выехал из Петербурга в Берлин, где на заседании антропологического общества сделал сообщение о гончарном промысле у папуасов. Из Берлина он направился в Лондон, а отсюда — в Австралию. Однако, увидав по дороге в Батавии русский корвет «Скобелев», Николай Николаевич убедил командира корабля контр-адмирала Н. Н. Копытова доставить его снова в бухту Астролябии. Посетив своих друзей папуасов и отвезя им подарки, Миклухо-Маклай после посещения Гонконга направился в Сидней, куда и прибыл в июне 1883 г.

Однако, к обещанному времени Миклухо-Маклай обработки своих материалов не закончил. В апреле 1886 г. он снова вернулся через Одессу в Россию. Приведя в порядок здесь некоторые из своих дневников, Николай Николаевич занялся главным образом пропагандой своей идеи, выдвинутой им перед Географическим обществом еще в 1875 году: он предлагал объявить берег Миклухо-Маклая на Новой Гвинее и соседние острова состоящими под протекторатом России и основать здесь русскую колонию. По плану Николая Николаевича оккупация русскими этих мест должна была быть связана с охраной папуасов от эксплоатации их белыми.

В апреле 1886 г. Миклухо-Маклай имел в Ливадии свидание с Александром III, который, повидимому, хотел использовать предложения путешественника. Был создан из представителей министерств иностранных дел, внутренних дел, морского, военного и финансов комитет для обсуждения вопроса о создании русской колонии на островах Тихого океана. В конце 1886 г. комитет вынес по проекту Миклухо-

Маклая отрицательное решение. Об этом нужно только пожалеть, потому что в 1905 г. нашему флоту гораздо удобнее было бы стоять в бухте Астролябии, среди своих владений, чем у берегов Мадагаскара, в чужих водах.

Осведомившись о планах Миклухо-Маклая, большое число русских людей выражало желание переселиться на острова Тихого океана. Один из крестьян Новгородской губернии прислал Миклухо-Маклаю письмо, в котором сообщал:[1]

«Милостивый государь и высокоуважаемый ученый, Николай Николаевич! Десятилетнее ваше пребывание у дикарей на островах Океании — это добровольное самопожертвование в пользу науки — невольно удивляет мыслящее человечество и вызывает любопытных на многие серьезные вопросы, отвечать на которые можете вы только один. И вот я один из числа многих любознательных плебеев-пахарей осмеливаюсь вызвать вас на краткую письменную беседу и просить вашего доброго и практического совета в моих непреодолимых стремлениях к переселению хотя бы на необитаемые острова Океании. Вам теперь, почтеннейший ученый, конечно, более чем кому-либо известны условия как европейских народов, так и равно первобытной жизни дикарей, поэтому вы только один можете сказать, который из людей счастливее — образованный европеец или дикарь. Если образованный и развитой человек стоит неизмеримо выше дикаря и с деньгами всюду встретит рай в подлунном мире, зато такой же развитой и поучившийся бедняк везде находит один лишь ад на земле».

2 апреля 1888 г. знаменитый путешественник и филантроп, друг и защитник первобытных народов, Н. Н. Миклухо-Маклай скончался в клинике Вилье от последствий болезней, перенесенных им во время странствований. Он так и

[1] А. Г. Грумм-Гржимайло. Н. Н. Миклухо-Маклай на фоне современной ему эпохи. Изв. Геогр. общ., 1939, вып. 1—2, стр. 140. — Я сильно сомневаюсь, был ли автор этого письма действительно «плебеем пахарем», за какого он себя выдает. Скорее это интеллигент-толстовец. Во всяком случае, мысли, развиваемые в письме, весьма характерны.

не успел подготовить к печати результаты своих путешествий, и ни Александру III, ни Николаю II не пришлось тратить обещанных денег на опубликование трудов Миклухо-Маклая. Это сделало советское правительство, издав в 1923 г. первый том «Путешествий Миклухо-Маклая», обработанный профессором Д. Н. Анучиным, который, собственно, и открыл современному поколению Миклухо-Маклая. Анучиным, кроме того, написана превосходная биография знаменитого путешественника.

Из своих посещений тихоокеанских стран Миклухо-Маклай вывез большие этнографические коллекции, составляющие ныне украшение Этнографического музея Академии Наук. По какому-то непонятному мне недоразумению в 1886 г. Академия не торопилась получить эти драгоценные материалы со станции железной дороги, что очень волновало Николая Николаевича.

Приведем некоторые сведения о папуасах Новой Гвинеи, именно о тех, которые были исследованы Миклухо-Маклаем на берегах залива Астролябии. [1]

В этих местах горы иногда приближаются почти к самому берегу. Также и лес местами опускается до самого моря. Нередко берег скаймлен коралловыми рифами. Климат тропический, сырой, жаркий и нездоровый. Самый жаркий месяц — февраль имеет среднюю температуру в 27°, самый прохладный — август 25.5°. Как видим, годовая амплитуда очень мала, но суточная довольно велика: днем бывает в тени 29—32°, ночью же термометр опускается до 23—24°. Среди растительности бросаются в глаза пальмы — саговая, арековая, нипа, кокосовая. Из животных здесь встречаются дикие свиньи, кенгуру и некоторые другие сумчатые, казуар, райские птицы, попугаи, венценосные голуби, изредка крокодил.

Число жителей вокруг залива Астролябии Миклухо-Маклай исчислял в 3500—4000 человек. Наш путешествен-

[1] Обзор трудов Миклухо-Маклая, посвященных этому вопросу, сделан А. Б. Пиотровским в Изв. Геогр. общ., 1939, № 1—2, стр. 170—186.

ник был первым европейцем, какого видели туземцы. Рост здешних папуасов (правильнее — папуа) невысокий — у мужчин в среднем 162 см, у женщин 154 см. Цвет кожи шоколадный, волосы черные, растущие на голове сплошь, как у европейцев, а не пучками, как у негров. Почти в каждой деревне — свое наречие. Жители селений, отстоящих на час ходьбы, почти не понимают друг друга. Население занимается в основном земледелием, в качестве подсобного промысла — рыболовством и охотой. Разводят преимущественно кокосовую пальму, таро, ямс, батат. Мякоть кокосового ореха, политая кокосовым молоком, составляет излюбленную пищу папуасов. Приготовление кокосового масла не было известно туземцам. Таро и ямс (диоскорея) употребляются в печеном и вареном виде. Из вареного таро, смешанного с печеной мякотью кокосового ореха, приготовляют пироги. Кроме культурного батата, на Новой Гвинее растет и дикий (особый вид). Разводят также бананы, сахарный тростник, хлебное дерево, пальму арека, особый вид перца, корень, листья и стебли которого употребляются для приготовления опьяняющего напитка кеу. Этот перец растет на Новой Гвинее в диком виде, равно как и сахарный тростник. Плоды пальмы арека служат для приготовления бетеля, жевание которого весьма распространено на Новой Гвинее. Никаких хлебных злаков папуасы не знали. Из домашних животных держат свиней и собак; мясо последних составляет любимую пищу.

Живут папуасы в хижинах с двускатной крышей, построенных из расколотых вдоль древесных или бамбуковых стволов.

В первое посещение Миклухо-Маклая культура папуасов находилась еще в стадии каменного века, именно — неолита. Материалом для изготовления орудий служили камень, кость, раковины, дерево. С железом впервые познакомил жителей берегов залива Астролябии наш путешественник, и еще в конце XIX в. русское слово «топор» употреблялось всеми туземцами побережья для обозначения железного то-

пора, в отличие от каменного. Главным орудием служил раньше именно каменный топор. Гончарное производство было известно, но практиковалось лишь местами. В глиняных горшках варили пищу, а ели — из деревянных чашек или из скорлупы кокосового ореха.

Брак у папуасов экзогамный: мужчина может жениться только на женщине из другого рода. Для вступления в брак необходимо согласие матери или брата матери, что рассматривают как остаток матриархата. Обычно папуас имеет одну жену. Миклухо-Маклай описывает обряд сватовства в одной из деревень. Дядя с материнской стороны дает жениху наговоренный табачный лист. Жених кладет на него несколько своих волос, завертывает и, выкурив до половины, передает девушке. Если та закурит окурок или примет его, отдарив иглой из рыбьей кости, это означает ее согласие на брак. Когда берут жену из дальней деревни, совершают обряд насильственного похищения невесты.

Существовали родовые старшины, звание которых переходило от отца к сыну. Общественный строй в значительной степени был коллективный.

Обряд обрезания совершается для целой группы мальчиков раз в 10—15 лет в особо торжественной обстановке, под звуки вращательных дощечек и бамбуковых флейт. Возраст, в котором производится обряд, колеблется между 4 и 19 годами. Перед актом мальчики живут в особой хижине целый месяц, в течение которого они могут есть только сырую пищу, не пьют воды и не моются; их не должны видеть женщины. После обрезания мальчики остаются в той же хижине в течение еще четырех месяцев, получая наставления в правилах нравственности. После ряда церемоний посвящение заканчивается пиром.

Погребальные обряды таковы. Труп выставляется на помосте перед хижиной умершего. С каждой стороны помоста вешают по собаке, души которых должны сопровождать покойника в загробный мир; кладут также таро, ямс и кокосовые орехи. Затем, раскрасив труп красной и белой крас-

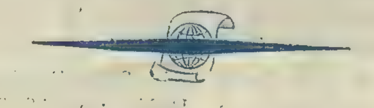
кой, хоронят его в хижине. Через несколько месяцев могилу разрывают и берут из нее нижнюю челюсть, иногда и весь череп покойника; все это бережно хранят, а челюсть иногда носят на руке как украшение.

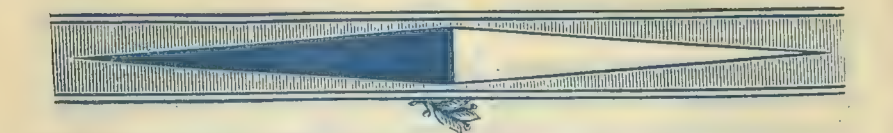
Прибавим, что Миклухо-Маклай завещал свой череп Географическому обществу. 15 октября 1938 г. происходило перенесение праха путешественника с одного места Волкова кладбища на другое, и в этот день Географическое общество получило от Ленинградского совета рабочих депутатов череп своего знаменитого сочлена. Эта реликвия хранится под стеклом в архиве Общества.

К 1873—1876 гг. относятся путешествия А. И. Воейкова в Америку, Индию и Японию. О них я уже имел случай писать в другом месте.[1]

По поручению Общества его член, профессор Иван Павлович Минаев (1840—1890) совершил три путешествия в Индию в 1874—1875, 1879—1880 и 1885—1886 гг. Весьма содержательный отчет о первом путешествии помещен в живо и интересно написанной книге «Очерки Цейлона и Индии» (1878). По отзыву индолога, академика А. П. Баранникова, значение этой книги не уменьшается со временем. В весьма ценной работе «Старая Индия» (1881) Минаев дал авторитетный комментарий к «Хождению за три моря» Афанасия Никитина, впервые выяснившей значение путешествия знаменитого тверича. Минаев прекрасно перевел на русский язык знаменитое творение Марко Поло. Перевод напечатан Географическим обществом в 1902 г. П. П. Семенов называет Минаева одним из выдающихся деятелей Общества.

[1] Очерки по истории русской географической науки, изд. Акад. Наук, печатаются.

VIII

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

МОРЯ

Из числа весьма многочисленных работ в области физической географии, осуществленных Географическим обществом, мы можем коснуться в нашем очерке весьма немногих.

В деле исследования морей Географическое общество имеет большие заслуги, еще недостаточно оцененные. Так, мало кому известно, что в 1853—1857 гг. Общество, совместно с министерством государственных имуществ, снарядило во главе с академиком Бэром экспедицию на Каспийское море, которая, помимо изучения рыболовства, доставила весьма ценные данные по физической географии моря и его бассейна. Наблюдения Бэра над так называемыми бэровскими буграми в дельте Волги изложены в его работе «Ученые заметки о Каспийском море», напечатанной в Записках Географического общества за 1856 год.

Другое большое предприятие Общества на Каспийском море — это съемка и промер его, произведенные в 1856—1867 гг. под руководством Н. А. Ивашинцова. Инициатива гидрографических работ на Каспийском море исходила от председателя Общества. Кандидатура Ивашинцова в начальники экспедиции была выдвинута Ф. П. Литке. Николай Алексеевич Ивашинцов был видным деятелем Географического общества: в 1851 г. он был секретарем отделения математической географии, с 1864 по 1870 — помощником

председателя этого отделения, а с марта 1870 по день смерти (1871 г.) — его председателем. Несмотря на полное содействие, какое было оказано экспедиции морским министерством, ей пришлось бороться со многими трудностями.

Летом 1856 г. в Астрахани скончался от холеры астроном Остолопов. В следующем году на место его были назначены лейтенанты Кошкуль и Симонов, которые, проработав все лето, погибли вместе с судном и всеми материалами у берегов Апшеронского полуострова. Ивашинцов нашел новых достойных помощников — А. Ф. Ульского и Н. Л. Пущина, с которыми и закончил работу.

На общем собрании 7 ноября 1862 г. Ивашинцов сделал сообщение о своих исследованиях на Каспийском море.[1] Помимо съемки берегов, были произведены промеры глубин как у берегов, так и посреди моря, определялись астрономические пункты, элементы земного магнетизма, собирались данные о грунтах, колебании уровня моря, о течениях, ветрах и вообще материалы для лоции. Ульский в Записках Общества напечатал батиметрическую карту моря.[2] За свои исследования Каспийского моря Ивашинцов получил от Общества Константиновскую медаль.

С тех пор последовательной описи всего Каспия в подобном масштабе не производилось, и мы для многих мест в основном доныне пользуемся картами Ивашинцова, законченными к 1870 г. П. П. Семенов, указывая на две упомянутые экспедиции Географического общества, справедливо отмечает, что с окончанием работ Ивашинцова Каспийское море оказалось наилучше исследованным из всех водоемов России.

В 1890 и 1891 гг. Обществом была снаряжена на Черное море специальная океанографическая экспедиция, в которой приняли участие геолог (впоследствии академик) Н. И. Андрусов и гидрологи И. Б. Шпиндлер и Ф. Ф. Врангель.

[1] Зап. Геогр. общ., 1863, кн. 1, стр. 33—52, исслед. и матер.

[2] Зап. Геогр. общ., 1863, кн. 2.

В предварительном отчете об экспедиции 1890 г. Н. И. Андрусов изложил свои замечательные идеи о судьбах Черного моря и его фауны.[1] Черное море, говорит он, составлявшее в течение миоцена часть огромного сарматского моря, превратилось в плиоценовое время в огромный замкнутый бассейн с полупресною водою, в озеро-море наподобие Каспийского. В этом озере-море уцелел постепенно изменявшийся остаток понтической (т. е. нижнеплиоценовой) фауны, пока, наконец, уже в послетретичное время воды Средиземного моря не проникли в область Черного, частью уничтожив, частью загнав в устья рек первоначальных его обитателей. Это предположение, по взглядам Андрусова, вполне подтверждается нахождением на дне Черного моря мертвых полуископаемых створок моллюсков Dreissena, Adacna и Micromelania. Когда наступил момент соединения, тяжелые и соленые воды Средиземного моря устремились по дну Босфора в глубокую котловину Черного моря, а более легкие, солоноватые воды последнего потекли по поверхности Босфора в Мраморное море — словом, установился тот обмен вод между Средиземным и Черным морями, который существует и поныне. Гибель черноморской фауны вызвала заражение глубин этого моря сероводородом. «С этой точки зрения вполне объясняются и взаимно связываются три явления: отсутствие жизни в глубинах Черного моря, присутствие здесь мертвых раковин лиманных форм и зараженность его глубинных вод (присутствие в них сероводорода)».

Позднейшие исследования заставили изменить взгляд Андрусова на причину нахождения раковин в глубоководных глинах Черного моря[2], а равным образом значительно ограничить роль разложения органического вещества в зараженности глубин моря сероводородом[3]. Теперь принимают, что

[1] Изв. Геогр. общ., 1890, стр. 403—404.

[2] А. Д. Архангельский и Н. М. Страхов. Геологическое строение и история развития Черного моря. М., 1938, стр. 188 и сл.

[3] Н. М. Книпович. Гидрол. морей и солонов. вод. Л., 1938, стр. 95.

сероводород на глубинах Черного моря образуется, главным образом, путем восстановления сернокислых соединений бактерией микроспира. Тем не менее, соображения Андрусова нельзя не признать чрезвычайно плодотворными. Они оказали громадное влияние на последующих исследователей.

К той же книжке «Известий» (1890) приложена новая батиметрическая карта Черного моря, составленная И. Б. Шпиндлером на основании исследований 1890 г.

Вслед за этим были произведены океанографические исследования Мраморного моря на турецком судне «Селяник»; участниками этих работ были Н. И. Андрусов, И. Б. Шпиндлер, химик А. А. Лебединцев и зоолог А. А. Остроумов.

С 1893 г. начались гидрологические работы на Баренцовом море одного из наших замечательных исследователей морей, Н. М. Книповича (1862—1939), завершившиеся опубликованием им в Записках Общества (XLII, 1906) капитального труда «Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана», объемом свыше 1000 страниц. В этой монографии впервые выяснены разветвления Гольфштрома на пространстве между Мурманом и Новой Землей и установлена связь многих промысловых рыб с теплыми струями этого течения. Книпович обнаружил, что ранней весною, когда у берегов Мурмана трески нет и нет поэтому промысла, в открытом океане можно встретить значительные количества этой рыбы. Треска приходит в Баренцово море с запада и держится сначала в области теплого течения и у его окраины, а затем приближается к берегам, когда и начинается массовый промысел. Исследования Книповича в Баренцовом море имели громадные практические результаты, и если мы имеем сейчас на этом море обширный траловый лов, то не следует забывать, что этим мы обязаны океанографическим работам Николая Михайловича.

Вклад Книповича в гидрологию моря громаден. Достаточно сказать, что трудами этого ученого исследованы моря Белое, Баренцово, Балтийское, Каспийское, Азовское и Чер-

ное. Это был человек изумительной энергии, несравненной работоспособности и всеобъемлющих знаний. Как океанограф, Николай Михайлович имел общепризнанное мировое имя, а в среде русских гидрологов и ихтиологов он являлся патриархом и учителем. Незадолго до смерти им опубликовано руководство «Гидрология морских и солоноватых вод», М., 1938.

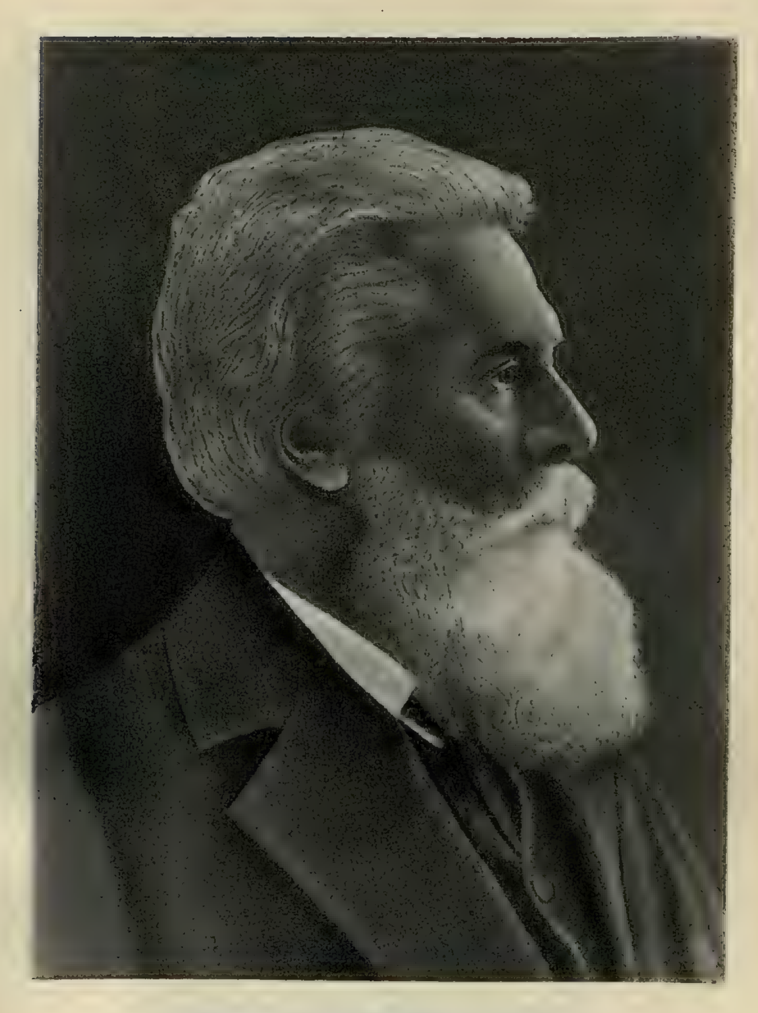
Имя Н. М. Книповича навсегда останется записанным в историю исследования наших вод.

ОЗЕРА

Общество много занималось вопросами изучения озер. Об исследованиях, произведенных Обществом на Каспийском и Аральском морях, мы уже говорили. В 1886 г. Н. М. Ядринцевым напечатана в «Известиях Географического общества» интересная статья «Уменьшение вод Арало-Каспийской низменности», с картой, изображавшей предполагавшееся автором беспрерывное уменьшение площади озера Чаны. (Однако впоследствии, в конце XIX века, озеро это, как и многие другие, стало повышать свой уровень.) Эти данные заинтересовали Общество, было решено организовать систематические наблюдения над высыханием и обмелением озер Западной Сибири, и при участии Н. М. Ядринцева [1] Обществом была выработана и опубликована «Программа для собирания сведений об усыхании озер». [2] Тогда же была напечатана инструкция для исследования озер, составленная специально для Общества знаменитым швейцарским озероведом профессором Ф. А. Форелем. Впоследствии Обществом была издана более подробная инструкция под редакцией Ю. М. Шокальского.

Помимо Каспия и Арала, Обществом исследовались Байкал, Балхаш, Зайсан, Чаны, Псковско-Чудское, Телецкое, озера восточного Казахстана и многие другие, о чем уже частью говорилось выше.

[1] См. Изв. Геогр. общ., XXIII, 1887, стр. 778—781.
[2] В том же томе.

Николай Михайлович Книпович
1862—1939

Алексей Андреевич Тилло
1839—1899

Петр Кузьмич Козлов
1863—1935

Адмирал Степан Осипович Макаров
1848—1904

ГИПСОМЕТРИЯ

В 1890 г. председатель отделения географии математической А. А. Тилло выпустил в свет гипсометрическую карту Европейской России в масштабе 60 верст в дюйме. На этой карте, явившейся плодом многолетних трудов, впервые в истинном свете представлен рельеф европейской части нашего отечества. Для составления карты было использовано 51 385 высотных точек. В Известиях Географического общества за 1890 г. помещена замечательная статья Тилло: «Орография Европейской России на основании гипсометрической карты». Автор устанавливает два новых орографических элемента — возвышенности Среднерусскую, с которой берут начало реки Днепр, Западная Двина, Волга, Ока и Дон, и Приволжскую. Среднерусскую возвышенность Тилло склонен отождествлять с Алаунской Птоломея и других древних географов. С тех пор эти установленные Тилло меридиональные возвышенности заменили совершенно неправильные, введенные прусским географом Рооном, несуществующие широтные гряды — Урало-Балтийскую и Урало-Карпатскую, продолжавшие влачить существование в наших учебниках еще в мои школьные годы.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

В 1888 г. Общество образовало у себя сейсмическую комиссию, которая впервые в нашем государстве устроила сейсмические станции, издала ряд работ по изучению землетрясений, наставление для их наблюдений и, наконец, выпустила в свет составленный И. В. Мушкетовым и А. Орловым каталог землетрясений России (Записки Геогр. общ. по общ. геогр., XXVI, 1893).

С течением времени сейсмическое дело перешло в руки Академии Наук.

КАРТОГРАФИЯ

Об изданных Обществом картах северного Урала и южной части Восточной Сибири мы уже говорили. Обществом выпущены в свет межевые атласы Тверской (1853—1857) и Рязанской (1860) губерний, а также карты Тверской и Рязанской губерний. В 1862 г. Обществом была опубликована многократно переиздававшаяся карта Европейской России на 12 листах в проекции Гаусса. В приложениях к отчетам путешественников напечатано большое количество карт.

КЛИМАТОЛОГИЯ

Заслуги Общества в развитии климатологии громадны Достаточно сказать, что в среде Общества ровно полвека работал А. И. Воейков, ученый с мировым именем, один из основоположников климатологии. Он был гордостью и украшением нашего Общества.

Первоначально климатология относилась в Обществе к статистическим дисциплинам.

Вопреки своему обыкновению печатать издания Общества на русском языке, Общество в первую эпоху своей деятельности решило выпускать в свет «Метеорологический сборник» (Repertorium für Meteorologie) на немецком языке. Первый том вышел в свет в Дерпте в 1860 г. под редакцией известного метеоролога Л. Ф. Кемца. Здесь помещена интересная статья редактора «О климате южнорусских степей». [1] Заимствуем отсюда некоторые соображения.

Равнину европейской России, как ни однообразна ее поверхность, можно разделить на три полосы: безлесную тундру, леса и безлесную степь. Границей между лесами и степью может служить линия, проведенная от Кишинева к

[1] Общая часть ее переведена на русский язык в Зап. Геогр. общ., 1861, кн. I, библ. и крит., стр. 8—17.

Симбирску. «В южных степях присутствие замкнутых лесов исключается чрезмерным жаром лета, холодом зимы, а в особенности незначительностью дождей и самым свойством почвы». На севере развиты валунные отложения.— Как на севере, так и на юге леса простираются всего дальше по речным долинам.— В степях встречаются углубления, называемые *подами.*— Мнение, что степи некогда были покрыты лесами, которые с течением времени были истреблены «татарами», автор отвергает: «если бы действительно деревья могли удобно расти в степи, то равнины эти давно бы покрылись лесом сами собою: тому способствовали бы птицы и ветры». Вместе с Бэром, Кемц считает, что южнорусские степи безлесны с древнейших времен; взгляд, к которому следует присоединиться и в настоящее время. Кемц сомневается в том, чтобы чернозем происходил, как полагают некоторые, «подобно торфу, от перегниения растительных остатков»: органического вещества в черноземе всего 6—10 процентов, тогда как в торфе 90—95 процентов.— Многие ожидают улучшения степного климата от насаждения лесов в степях; Кемц сомневается в этом, как и вообще в возможности развести леса в большей части степей. Для этого необходимо было бы искусственное орошение.— Степи существуют не только в России, они начинаются еще в Венгрии.— Засоленность степных почв (собственно, главным образом, грунтов.— *Л. Б.*) зависит, по мнению Кемца, от малого количества дождей: равнины средней России и северной Германии «по выходе их из-под морских вод» тоже были пропитаны солью, которая, однако, была выщелочена обильными дождями.

Печатание Метеорологического сборника на немецком языке вызвало нарекания со стороны ревизионной комиссии Общества, и в 1863 г. это издание было прекращено на третьем томе.

В 1870 г. была организована Метеорологическая комиссия под председательством директора физической обсерватории Г. И. Вильда; в состав ее входили: А. И. Воейков, П. А. Кропоткин, Р. Э. Ленц, М. А. Рыкачев и другие. Ко-

миссия занялась изучением вопроса о распределении осадков и гроз в России, а также собиранием наблюдений над вскрытием и замерзанием рек.

4 февраля 1883 г. председателем Метеорологической комиссии был выбран Александр Иванович Воейков (1842—1916) — один из знаменитейших наших сочленов. Воейков был гениальным географом и оказал влияние на развитие этой науки не только у нас, но и во всем мире. «Он обладал,— говорит А. А. Каминский,— феноменальной памятью и способностью своим духовным взором охватывать все то, что могло иметь хотя бы отдаленное отношение к интересовавшему его вопросу, независимо от того, где было сделано данное наблюдение и к какой отрасли знаний оно относилось».

Замечательно классическое исследование Воейкова: «Атмосферная циркуляция. Распространение атмосферного давления, ветров и осадков на земной поверхности» (1874). Многие выводы этой выдающейся работы сделались общим достоянием климатологии и географии. К сожалению, «Атмосферная циркуляция» печаталась за границей, и было бы чрезвычайно желательно перевести это исследование на русский язык и издать в серии классиков естествознания.

Другое произведение Воейкова «Климаты земного шара» (1884) тоже является классическим. Оно до сих пор сохраняет свой интерес, как труд основоположника климатологии.

Воейков первый, еще в 1871 г., обратил внимание на большое климатологическое значение снежного покрова и впоследствии посвятил этому вопросу монографию, напечатанную Географическим обществом.[1] Из практических выводов этой работы следует отметить следующий: высота воды в небольших реках зависит не только от количества накопившегося к весне снега, но и от более или менее дружного его

[1] Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., XVIII, № 2, 1889.— Первое сообщение напечатано в Изв. Геогр. общ., 1871.

таяния, а также от того, глубоко ли промерзла земля, или нет. Мерзлая земля непроницаема для воды, а если снег выпал на талую землю и был глубок, то земля под ним почти не промерзнет, и весенняя вода почти вся впитывается в землю. Снежный покров содействует сохранению тепла в верхних слоях суши, защищая от лучеиспускания. Без снега температура суши была бы значительно ниже, чем теперь. Снег, лежащий над морским льдом, точно так же защищает его и находящуюся под ним воду от охлаждения.

Под редакцией Воейкова Географическим обществом издавалось с 1891 г. прекрасное периодическое издание «Метеорологический вестник».

Воейков не принадлежал к типу кабинетных ученых; это был путешественник, исколесивший всю Европу, побывавший в Северной и Южной Америке, в Индии, на Яве, в Японии в 1876 г., в эпоху преобразования ее, не говоря уже о множестве мест нашего отечества. Он оставил интереснейшее описание своего путешествия по Японии.[1] Посещение восточной Азии дало возможность Воейкову осветить впервые им установленное здесь наличие муссонов.[2] В область муссонов восточной Азии Воейков включает все западное побережье Охотского моря на север до 60° с. ш., весь бассейн Амура, Корею и область рек между Амуром и Пей-хо, весь собственный Китай (за исключением западной Гань-су) и восток Индокитая. Здесь повсюду направление ветров резко изменяется от зимы к лету. Вся эта область характеризуется большим преобладанием осадков теплого времени года (с мая по сентябрь) над зимними. Равным образом, и облачность летом гораздо выше, чем зимою. Все свои путешествия Воейков совершал на собственные средства.

Большой знаток сельского хозяйства, он впервые — после своего дальневосточного путешествия — рекомендовал для

[1] Изв. Геогр. общ., 1877 и 1878.

[2] А. И. Воейков. Климат области муссонов восточной Азии. Изв. Геогр. общ., XV, 1879, стр. 321—410.

разведения на черноморском побережье Кавказа, между Батуми и Туапсе, чайный куст и бамбук.[1] Александр Иванович весьма интересовался климатологией лечебных мест и оставил прекрасные описания климатов Кисловодска, Боржома и других курортов. Он много писал по антропогеографии, о чем мы подробнее скажем ниже.

В трудах А. И. Воейкова можно встретить много идей вполне современных. Так, у нас в последние десятилетия часто говорили о вреде увлечения в климатологии средними величинами. Но вот что писал Воейков в 1894 г. в своей статье: «Колебание и изменение климата»:[2] «То, что мы называем средними климатическими величинами, например, среднею температурою, давлением, осадками, как и все другие средние величины, представляют, собственно, отвлечения, не вполне соответствующие действительным условиям. В самом деле, возьмем, например, среднюю температуру за каждый день в таком месте, где имеются продолжительные наблюдения, например в Петербурге, где их более чем за 130 лет, в особенности среднюю, сглаженную вычислением по формуле. Подобного рода средняя представляет нам такой ход температуры, который совершенно невозможен в отдельный год. Никогда не бывает и быть не может в нашем климате, чтобы температура постепенно поднималась от половины или конца января до половины июля и потом постепенно и равномерно опять спускалась к январю. Мало того, я вполне уверен, что в климатах, подобных нашему, никогда не случается, чтобы подобное идеальное распределение температуры осуществлялось даже в границах 5° вверх и вниз от многолетней средней. В каждом году, наверное, будут дни, гораздо более отличающиеся от многолетней средней. К этому мы все привыкли и полной равномерности и не ожидаем; но крупные колебания в ту или иную сторону для людей, не знакомых с метеорологией, являются неожиданными, и здесь

[1] Изв. Геогр. общ., XIX, 1883, стр. 256—258.
[2] Там же, XXX, 1894, стр. 543.

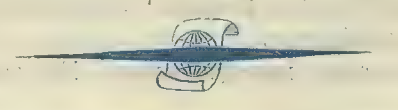
очень хорошо видно, до какой степени коротка память цивилизованного человека». И вместе с тем Воейков прекрасно отдавал себе отчет в том, каким мощным орудием исследования являются в климатологии средние величины. Климатологию он определял как науку о среднем состоянии атмосферы.

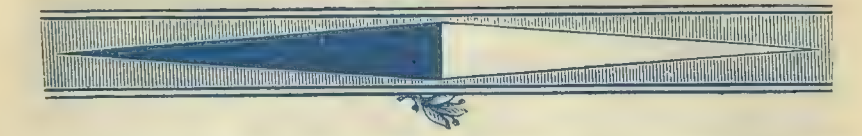
Помимо своих совершенно исключительных заслуг в области климатологии и географии, Александр Иванович отличался высокими моральными достоинствами. При всей своей мировой известности это был человек исключительно скромный, чуждый тщеславия, благожелательный, добродушный и бессеребренник. Он был всецело предан науке. Молодым ученым шел всячески навстречу и, если видел в них проблески таланта, выдвигал их достижения. Воейков свободно говорил и писал на французском, немецком и английском языках и с легкостью поглощал и усваивал великое множество книг.

Воейков всегда стремился к тому, чтобы приложить к практике выводы климатологии и географии, и в этом отношении он достиг замечательных успехов.

После смерти Воейкова Географическое общество постановило издать собрание важнейших сочинений своего знаменитого сочлена. Но дело пока дальше не подвинулось. Осуществление такого издания было бы лучшим памятником великому географу, проработавшему в Обществе целое полстолетие, и, вместе с тем, способствовало бы развитию географии в нашем отечестве.

Еще раз нужно повторить, что этот гениальный человек до сих пор не оценен у нас по достоинству. Но чем дальше в глубь истории уходит от нас его жизненный путь, тем более высоко мы начинаем оценивать все, что сделал Воейков.

IX

РАБОТЫ ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

Заслуги Географического общества в деле развития отечественной этнографии чрезвычайно велики. Во главе отделения этнографии стояли такие авторитеты, как академик Бэр, Надеждин, академик Калачев, Ламанский, Гильфердинг, академик Л. Майков, снова академик Ламанский, академик Ольденбург, академик В. Миллер, академик Шахматов, снова Ольденбург.

ЭТНОГРАФИЯ

Прежде чем приступить к изложению того, что сделано Географическим обществом в области этнографии, скажем несколько слов о том, как понимали задачи отделения этнографии в среде нашего Общества. О взглядах Бэра и Надеждина, первых председателей этого отделения, мы уже говорили.

Из последующих рассуждений остановимся на докладе Н. Могилянского «Предмет и задачи этнографии», сделанном в заседании отделения этнографии 4 марта 1916 г. Доклад вызвал оживленные прения.[1] Автор понимает этнографию следующим образом.

«Этнография есть народоведение. Ее задача — изучить

[1] «Живая старина», XXV, 1916, вып. 1, стр. 1—22; см. также прения в вып. 2—3, 1917, протоколы, стр. 1—11.

развитие интеллектуальных и духовных сил человеческого рода, которое, под влиянием расовых особенностей, географической среды и исторических условий, своеобразно протекало в различных группах, представляющих народы земного шара, и нашло выражение в особенностях материального и духовного уклада их жизни».

Это определение исключает из области этнографии изучение физических, точнее зоологических, особенностей человека, т. е. антропологию. Некоторые ограничивают поле деятельности этнографии народами, стоящими на низших ступенях культуры, а также пережитками старины у культурных народов. На это указывает и название этнографического журнала нашего Общества («Живая старина»). Равным образом, Л. Я. Штернберг (1904) писал: «Этнография — наука, занимающаяся изучением культуры народов, не входящих в круг ведения истории и доисторической археологии, то есть, главным образом, народов первобытных и тех слоев культурных народов, которые наиболее сохранили черты первобытного строя». С этим взглядом трудно согласиться, особенно — географу. В самом деле, неужели не составляют важного предмета исследования этнографические особенности таких культурных народов, каковы китайцы, японцы, индусы?

Не без основания знаменитый историк Николай Иванович Костомаров, помощник председателя отделения этнографии (1861—1866), в докладе на заседании Географического общества 10 марта 1863 г. говорил,[1] что в круг ведения этнографии относят только то, что составляет особенности быта крестьян. Все, что принадлежит другим классам народа, остается без внимания. «Пляска сельских девушек,— говорит Костомаров,— была предметом этнографии, но никто не осмелился бы внести в этнографию описание бала или маскарада. В этом отношении этнография представлялась в прямом противоречии с историей, когда последняя занималась

[1] Н. Костомаров. Об отношении русской истории к географии и этнографии. Зап. Русск. геогр. общ., 1863, кн. 2, исслед. и матер., стр. 96.

исключительно верхними сферами. По нашему мнению, если этнография наука о народе, то круг ее следует распространить на целый народ, и таким образом, предметом этнографии должна быть жизнь всех классов народа. В этнографию должно входить влияние, какое имеют на процесс народной жизни законы и права, действующие в стране: сложение понятий и взглядов во всех классах народа, административные и юридические отправления, принятие и усвоение результатов современного воспитания и науки, политические понятия и тенденции, соотношение внешних явлений и политических событий с народными взглядами. Этнограф должен быть современным историком, как историк своим трудом излагает старую этнографию».

Так широко и, по нашему мнению, правильно смотрел Костомаров на предмет этнографии. Однако справедливо то, что быт культурных народов столь подробно изучается другими дисциплинами, что для описательной этнографии остается здесь не очень обширное поле работы.

Переходим теперь к обзору работ отделения.

В 1847 г. Общество разослало во все губернии свыше 7000 экземпляров составленной Н. И. Надеждиным программы для собирания сведений по этнографии. Программа в отношении русского населения рекомендует собирать сведения о тех «классах населения, в коих народные особенности сохраняются наиболее; таковы в племени Русском: весь так называемый простой сельский народ, а также и средние классы горожан: мещане, купцы и разночинцы; одним словом, все те, о которых говорится, что они живут еще попросту, по-Русски!». Программа заключает 6 пунктов: 1) относительно наружности, 2) о языке, 3) о домашнем быте, 4) об особенностях общественного быта, 5) об умственных и нравственных способностях и образовании, 6) о народных преданиях и памятниках. В отношении «наружности» требовались сведения о среднем росте, дородности, о соразмерности главных частей тела, о цвете волос и глаз, о состоянии здоровья и о болезнях. Следовало отмечать «осо-

бенности местного произношения, состоящие в особенной любви или нелюбви к некоторым звукам», например, превращение *а* в *е*: *чесы* вместо часы (тогда не отдавали себе отчета в том, что произносить нужно именно *чесы*) или наоборот — *цаловать* вместо целовать; превращение *е* в *я*: *яго, яму,* вместо его, ему, и наоборот: *езык,* вместо язык, затем *цаловек* вместо человек, *ешшо* (народное произношение, снова заметим, совершенно правильное) вместо еще, *хвилин* вместо филин, *ндрав* вместо нрав и т. п. Далее нужно записывать особые «обороты речи», например, *был пришедши* или *пришедши* вместо пришел. Под термином домашнего быта понимаются жилища, утварь, платье, пища, далее разные обычаи и обряды, соблюдаемые при рождении, свадьбе, похоронах, народное веселье, занятия и ремесла. «Эти сведения полезно было бы заключить примерным расчетом жизненных средств, приходящихся на местное семейство, с показанием, откуда эти средства получаются и куда расходуются, а именно: сколько употребляется семейством на уплату податей и подушных, на земские сборы, оброк помещикам (эти два слова были в корректуре, но зачеркнуты),[1] на насущное пропитание и другие необходимые по дому прожитки, как-то: на соль, деготь и т. п.; а затем и на прихоти, как-то: щегольство, праздничное угощение и т. д.». Для раздела об общественном быте желательно описать, как, где и когда собираются и ведутся мирские сходки и как постановляются решения; каковы народные юридические обычаи. «Как раскладываются и отправляются повинности денежные и натуральные (как-то: барщина в помещичьих имениях, подводная и рекрутская повинности и т. п.)». Слова, поставленные в скобках, вычеркнуты в корректуре. Следует сообщать сведения о понятливости и рассудительности народа, о его пороках, «разыскивая, по возможности, причины их», о добрых качествах, о числе грамотных.

[1] Архив Геогр. общ., дело «по занятиям отделения этнографии России, 1846, 1847 и 1848», корректура программы.

В скором времени Общество начало получать в большом количестве ответы, и к началу 1852 г. таковых скопилось до 2000. Часть этих ответов обработана и напечатана в изданиях Общества, частью же они доселе хранятся в его архиве, составляя драгоценное собрание единственных в своем роде материалов.[1] Преимущественными корреспондентами были лица духовного звания, непосредственно соприкасавшиеся с бытом народа. Доставлялись сведения также преподавателями гимназий и училищ. Между прочим, поступавшие в Общество материалы широко использованы В. И. Далем для его замечательного «Толкового словаря живого великорусского языка», а также для его монументального сборника «Пословицы русского народа» (1862 г.), затем А. Н. Афанасьевым для издания его известных народных сказок. Но большое количество материалов по внешнему быту народов нашего отечества (платье, жилища, пища, ремесла и т. д.) пока еще совсем не тронуто исследователями.

Н. В. Калачовым, который был председателем отделения с 1860 по 1865 г., составлена в 1864 г. специальная программа по собиранию народных юридических обычаев. Будучи разослана по разным концам России, она дала обильную жатву. Собиранием такого рода материалов отделение занималось и в последующие времена (в 70-х годах). Часть поступивших материалов опубликована в VIII и XVIII томах «Записок» Общества (1878, 1900).

Кроме того, Общество занялось собиранием этнографических объектов, составивших целый музей, в конце XIX в. переданный Академии Наук.

С 1853 г. Общество приступило к изданию «Этнографического сборника». В течение 1853—1864 гг. вышло шесть томов этого издания под редакцией Н. И. Надеждина, К. Д. Кавелина, Н. В. Калачова, В. И. Ламанского и В. В.

[1] Научный архив Географического общества описан в весьма ценном труде Д. К. Зеленина — Описание рукописей ученого архива Русского Географического общества. 3 тома, 1914—1915.

Стасова. Здесь помещались частью обработанные результаты ответов на этнографические программы Общества, частью самостоятельные исследования.

Первый выпуск «Этнографического сборника» вышел в 1853 г. под редакцией Н. И. Надеждина и К. Д. Кавелина. О Надеждине, председателе отделения этнографии, мы говорили выше. Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885), ученик и друг Белинского, один из выдающихся деятелей эпохи 40-х и 60-х годов, имеет большие заслуги в области русской этнографии, подробно освещенные Пыпиным.[1] Упомянутая книжка «Этнографического сборника» содержит чрезвычайно любопытные материалы, ценность которых, по справедливому замечанию Бэра, увеличивается, по мере того как постепенно исчезают объекты описания.

Сборник открывается статьей помещика В. Бабарыкина «Сельцо Васильевское Нижегородского уезда», составленной, как и следующие статьи, по программе отделения этнографии. Сельцо Васильевское расположено на правом, возвышенном берегу Волги, в 20 км от Нижнего Новгорода. Оно в середине прошлого века состояло всего из 26 дворов, пахотной земли числилось 500 десятин, под лугами и лесом — 201 десятина. О своих крестьянах Бабарыкин отзывается очень сочувственно: «Отличительная черта здешнего народа вообще есть особенная выразительность лица, свидетельствующая об остроумии, проницательности и самоуверенности», т. е. чувстве собственного достоинства. «Народ здешний вообще убежден в нравственном превосходстве своем перед жителями всех других частей России; и это убеждение отчасти основано на действительном превосходстве здешних жителей перед другими в образованности, способностях ума, более развитой гражданственности и общественном быте». Этот отзыв о нижегородцах совпадает с оценкой, какую давал через полстолетия своим землякам А. М. Горький. Ба-

[1] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, II, СПб., 1891, стр. 19—30.

барыкин говорит о необыкновенной сообразительности описываемых им крестьян. «Что касается до превосходства образованности, то оно выказывается в вежливом обращении между собою и с посторонними, особенно на чужой стороне». Другие отличительные качества народа — твердость в слове, сметливость, предприимчивость, знание цены времени. Всеми этими особенностями «можно объяснить себе патриотизм нижегородцев в знаменитом 1612 году». Речь здешнего народа имеет особую силу и выразительность. «Орган голоса у женщин очарователен». Автор дает описание жилища, одежды, пищи, хозяйства, промыслов, обычаев и, наконец, бюджета крестьянского хозяйства.

Приведем данные о некоторых других статьях 1-го выпуска «Этнографического сборника». Священники М. Доброзраков, В. Преображенский, Н. Лебедев сообщили о быте крестьян Лукояновского, Моложского и Тверского уездов, учитель Воронежской гимназии П. Малыхин — о быте крестьян Нижнедевицкого уезда и т. д. Во всех этих статьях бросается в глаза сочувственное отношение авторов к описываемому им народу (впрочем, другого содержания статей редакция и не поместила бы). Так, крестьяне Моложского уезда «при всей малообразованности очень сметливы и рассудительны», что особенно проявляется в их изделиях и постройках; ситский (р. Сить — приток Мологи) крестьянин не глуп, очень сметлив; это человек, «его же не оплетеши»; он очень понятлив, бережлив, воровство — явление редкое.

Поселяне Лукояновского уезда простодушны, доверчивы, ласковы, многие наделены от природы прекрасными умственными способностями; «отличительная характеристическая черта здешних жителей есть веселость»; но вместе с тем «многие преданы гибельной страсти пьянства». Крестьяне («казаки») Сосницкого уезда Черниговской губернии вежливы: разговаривая между собою, говорят друг другу *вы*, но в присутствии пана или владельца говорят «ты, добродию»; трудолюбивы. То же и в других книжках этого сборника.

Подольские молдаване во время свадебных торжеств «пируют весьма благоприлично и благопристойно»; пляска *джок* производится мужчинами и женщинами «весьма скромно»; «стоит не малого внимания и замечания господствующая вежливость женского пола как в замужнем, так и в девическом состоянии».

Не ограничиваясь изучением народов России, Общество обратило большое внимание на этнографию зарубежного славянства, к чему призывал еще Надеждин. В изданиях Общества помещены работы по этнографии кашубов, болгар, македонских славян, черногорцев, а также «угро-руссов» (карпатских украинцев) и галичан (западных украинцев).

Замечателен отчет о посещении в 1856 г. к а ш у б о в, написанный известным русским славяноведом и собирателем онежских былин А. Ф. Гильфердингом (1831—1872), впоследствии председателем отделения этнографии нашего Общества. Отчет этот, напечатанный в 5-м томе Этнографического сборника (1862), имеет актуальное значение, ибо касается тех самых мест Поморья, где в то время, когда писались эти строки (7 апреля 1945 г.), происходил последний акт исторической немезиды — очищение Гданьского (Данцигского) района от немцев. Поэтому остановимся на этой статье несколько подробнее.

Кашубы — это ветвь тех западных славян, которые, нося в науке наименование балтийских или полабских, некогда расселялись от Лабы (Эльбы) на западе[1] и до Вислы на востоке. Происхождение названия кашубов неизвестно.[2] Остатки еще не онемеченных кашубов живут к западу от нижней Вислы — на север до Балтийского моря в районе примор-

[1] И даже западнее Эльбы — в Ганновере (бодричи), а также в Саксонии, где сербы-лужичане на запад доходили до левого притока Эльбы — Салы (Заале).

[2] Л. Н и д е р л е. Обозрение современного славянства. Энциклопедия славянск. филологии, вып. 2, СПб., 1909, стр. 59.

ских озер Гардского[1] и Лебского и Гданьска (Данцига), на юг до Члухова (у немцев Шлохау) и Хойнице (Конитц), на запад до Бытова (Бютов) и Лемборха или Ленборга (Лауенбург). В городе Столп, кроме имени, ничего славянского в 1856 г. уже не было. В районе Хойнице кашубы соприкасаются с поляками.

Кашубский язык вместе с польским и полабским составляет особую группу славянских языков; наиболее близок кашубский язык к польскому, хотя не тождествен с ним. Вместе с тем расстояние между кашубским и польским языками, по свидетельству Бодуэн-де-Куртенэ, меньше, чем между украинским и великорусским.[2] Кашубы, живущие в районе озер Леба и Гардно, называют себя словинцами (заметим, что близ Пуцка (Путциг) есть деревня Славóшено, а близ г. Леба или Лиеба — село Сорбск). Померанские кашубы — протестанты и почти сплошь онемечены, кашубы Зап. Пруссии — католитики и еще сохранили свой язык.

О количестве кашубов есть замечательное статистическое исследование совершенно беспристрастного польского лингвиста Стефана Рамулта, напечатанное в 1899 г. Краковской академией наук.[3] Частью путем посещения населенных пунктов, обитаемых кашубами, частью на основе германской переписи 1890 г., Рамулт установил, что к концу XIX в.

[1] Это озеро у местных словинцев называется Гарно вм. Гардно, в древности Гардна (у немцев Garden или Garder) от кашубского гард = = град = город (ср. город Старград, нем. Stargrad).

[2] О чем см. И. Бодуэн-де-Куртенэ. Журн. Мин. нар. просв. 1897, № 5, стр. 122.

[3] Подробное изложение данных Рамулта см. в статье И. Бодуэн-де-Куртенэ. Кашубский язык, кашубский народ и кашубский вопрос. Журн. Мин. нар. просв., 1897, апрель, стр. 317. В печатной работе Рамулта (Stefan Ramult. Statystyka ludnosci kaszubskiej, Krakow, 1899, p. 242, изд. Краков. Акад. наук) даны еще более высокие цифры: всего в Европе и Америке 331 тыс. кашубов. К работе Рамулта приложена превосходная карта расселения кашубов в тогдашней Пруссии, в масштабе 1 : 472 000. Уменьшенная копия есть в вышеупомянутой книге Нидерле.

кашубов в Зап. Пруссии было 155 тысяч, в Померании 22 тыс., всего 177 тыс. Но помимо того, кашубы жили в других местах Пруссии и в других странах Германии, а также в довольно большом количестве в Соединенных Штатах Сев. Америки. Общее число кашубов, живших вне Кашубии, исчисляемое Рамултом в 72 тыс. (из них 60 тыс. в США), нужно считать гадательным. Больше всего (относительно) кашубов в округе Пуцка, именно свыше 75% всего населения.

В 1856 г. в кашубских поселениях существовали помещики-поляки. Они удивлялись тому, что Гильфердинг находил нужным изучать кашубов и их грубый язык — «испорченный говор черни». В Бытовском округе 90 лет тому назад по-кашубски говорили только старики. В Избицах (у немцев Гизебитц), на южном берегу озера Леба, рыбаки рассказывали нашему путешественнику, что в их школе бьют детей за каждое слово, сказанное друг другу по-славянски. С 1811 г. в Лауенбургском округе «польский язык» (как немцы называли кашубский) был официально запрещен.

Гильфердинг отзывается о кашубах весьма сочувственно. Особенно хвалит он словинцев-рыбаков: это народ добродушный, совершенно не испорченный нравственно, отважный на море, чрезвычайно понятливый.

Один католический священник из западной Пруссии передавал Гильфердингу о своих прихожанах кашубах, что они славятся своей честностью и превосходят в этом отношении здешних немцев-колонистов, которые к тому же гораздо более грубый народ, чем кашубы.

Кашубы отличаются от других славян отсутствием проявлений веселости: среди них не слышно шуток и песен, не видно плясок. Гильфердинг склонен объяснить это вековой тяжелой борьбой с немцами, какую пришлось вести этому народу.

Что касается быта кашубов, то в половине прошлого века как мужчины, так и женщины предпочитали, «по обычаю своих предков», носить черное платье. В такого же цвета платье одевают и детей. По словам Лорека, все свадьбы празднуются в один и тот же день, именно накануне дня св. Мар-

тына. Накануне Иванова дня кашубы зажигают костры, пляшут вокруг огней, скачут через костер и т. д. Вообще у кашубов встречается ряд пережитков, общих всем славянам; например, поверие, что кукушка после дня св. Якова превращается в ястреба и остается таковым всю зиму вплоть до марта, когда снова принимает свой прежний вид (ср. русскую пословицу «променял кукушку на ястреба»).

В 1857 г. Гильфердинг совершил поездку по Герцоговине, Боснии и Старой Сербии, посетил Косово поле и дал живое и интересное описание своего путешествия.[1] Между прочим, в одной старинной славянской рукописи, найденной Гильфердингом в Дубровнике (Рагузе), он обнаружил народную сербскую песню о Косовской битве, записанную в 1758 г. Она воспроизведена путешественником в его книге. В том же томе помещено обстоятельное географическое описание: «Босния в начале 1858 г.».

В январе 1865 г. председателем отделения этнографии был избран известный славист В. И. Ламанский. Вскоре по вступлении в должность он произнес речь, в которой остановился на взаимоотношениях немцев и славян и пророчески обращал внимание на постоянное устремление пруссаков на восток, указав, что при Елизавете Петровне М. И. Воронцов, А. П. Бестужев и другие государственные люди настаивали на необходимости остановить завоевательные замыслы Фридриха II. Докладчик советует предпринять этнографическое исследование «о взаимных отношениях немцев и славян вообще и в частности о значении и положении немцев в России».

12 марта 1865 г., под председательством В. И. Ламанского, происходило заседание отделения этнографии.[2] В этом собрании председатель представил отделению нового сочлена Х. М. Вольдемара, по национальности латыша, знатока ла-

[1] Записки Геогр. общ., XIII, 1859. Весь этот обширный том (700 стр.) посвящен Герцоговине, Боснии и Старой Сербии.

[2] Изв. Геогр. общ., I, 1865, отд. I, стр. 211—221.

тышского языка и поборника интересов своей народности. По этому поводу В. И. Ламанский высказал, что русское общество, вступив в период самобытного развития, стало интересоваться не только этнографией русского народа, но и изучением народностей, «состоявших или состоящих с нею в более или менее тесных отношениях», и, между прочим, столь сродных славянству латышей. «К сожалению,— продолжал Ламанский,— сведения наши о Прибалтийском, или неправильно у нас называемом Остзейском, крае весьма не достаточны».

В этом же заседании член-сотрудник Общества Михаил Иванович Семевский (1837—1892), впоследствии известный общественный деятель и историк, основатель (в 1870 г.) и редактор «Русской старины», прочитал «Заметку о городе Риге» присутствовавшего здесь же слепца, странника по России и Востоку Г. И. Ширяева, в которой сообщалось о положении русских, латышей и эстов в Прибалтийском крае, а особенно в Риге, где тогда хозяевами были немцы.

По прочтении заметки Ширяева, М. И. Семевский сделал обзор взаимных отношений русских, немцев, латышей и эстов в Прибалтийском крае, начиная с 1710 г. Источником ему служила книга Ю. Ф. Самарина «Общественное устройство г. Риги» (СПб., 1852), принадлежащая «к библиографическим редкостям». В 1786 г. в Риге было введено общероссийское городовое положение, и привилегии немцев были упразднены. Но в 1796 г. в Лифляндии и Эстляндии были восстановлены все старые порядки; русские были устранены от всякого участия в городском и сословном управлении, в производстве промыслов.

В отчете об этом заседании этнографического отделения, напечатанном в «С.-Петербургских ведомостях» 18 марта 1865 г., сообщается, что слушатели во время доклада громко высказывали негодование по поводу сообщаемых фактов. Статья эта, неточно передававшая сообщения, имевшие место в заседании (слова Семевского были приписаны Ширяеву), обратила на себя внимание министра внутренних дел

П. А. Валуева,[1] который оценил «выступления членов этнографического отделения как несогласные с действующими законами и направленные к возбуждению чувств недоверия и неуважения к правительственной власти...» и послал предупреждение Литке.

Несмотря на это, в «Известиях» Общества за 1865 г. был напечатан подробный протокол заседания 12 марта со вступительным и заключительным словами Ламанского, с изложением заметки Ширяева и с подробным сообщением о докладе Семевского.

В 1871—1872 гг., в течение короткого времени председателем отделения этнографии был деятельный и энергичный член Общества Александр Федорович Гильфердинг (1831—1872), известный славяновед, этнограф и публицист-славянофил, воспитанник Московского университета, где он находился под влиянием московских славянофилов — Хомякова, Аксаковых, Киреевских, Самарина и др.

В 1871—1872 гг. Гильфердинг, следуя по стопам Рыбникова, собирал в Олонецкой губернии былины. В конце 1871 г. в заседании отделения этнографии сказывал былины знаменитый олонецкий рапсод Трофим Григорьевич Рябинин, привезенный в Петербург Гильфердингом. Старец Рябинин произвел в Географическом обществе большое впечатление: от имени председателя ему был поднесен почетный кубок, а Общество исхлопотало сказителю медаль. В следующем году Гильфердинг снова поехал в Олонецкую губернию для продолжения своих работ, но вскоре скончался здесь от тифа. Обширный труд Гильфердинга «Онежские былины, записанные летом 1871 года», был издан в 1873 г. Это произведение Пыпин называет «истинно необычайным явлением в области этнографических исследований».

В 60-х и 70-х годах Обществом была снаряжена обширная Западная этнографо-статистическая экспедиция для изучения

[1] Архив Геогр. общ., дело № 10 за 1865 г. К этому делу приложен и номер «СПб. ведомостей» от 18 марта.

народов Белоруссии, Литвы и Украины. Семь томов трудов юго-западного отдела этой экспедиции, изданные под редакцией П. П. Чубинского, выходили в свет в течение 1872—1878 гг. Они заключают собрание богатейших материалов по этнографии украинцев (между прочим, целый том посвящен народным юридическим обычаям по решениям волостных судов), статистические сведения об украинцах, диалекты (с приложением карты, 1877), далее этнографические и статистические данные о евреях и поляках юго-западного края и, более краткие, такие же сведения о других народах этого края. Даны три карты: «южнорусских наречий и говоров» (1871), еврейского населения юго-западного края и распространения католиков. Содержание этнографических материалов следующее: народные представления о солнце, луне, небе, земле, различные верования, суеверия, пословицы, загадки, колдовство, обычаи, связанные с отдельными днями года (народный дневник, изданный под редакцией Н. И. Костомарова), обряды: родины, крестины, свадьба, похороны (под редакцией его же), песни любовные, семейные, бытовые и шуточные (под редакцией его же), народные юридические обычаи; последний, седьмой том посвящен народам не украинского происхождения.

Несколько слов о томе VI (1872), в котором говорится о народных юридических обычаях по решениям волостных судов Украины и Белоруссии. По словам П. П. Чубинского, он объехал 50 уездов, причем рассмотрел книги решений, начиная с 1861 г., сняв более тысячи копий. Отправляясь на исследования, автор смотрел на волостные суды с предубеждением, считая, что «иго крепостного права на юго-западе давно уже убило самоуправление сельских общин». Однако, несмотря на это, и здесь здоровое народное правосознание сохранилось: решений нелепых или явно недобросовестных не встречено ни одного, жалобы на решения приносятся весьма редко, в волостные суды добровольно обращаются поляки-помещики и евреи, имеющие возможность приносить жалобы в другие

учреждения. Иногда волостные суды преступают пределы своей юрисдикции, но постановляют разумные решения; так, они принимают неподсудные им дела об обольщении, причем обыкновенно приговаривают обольстителя жениться. В те времена волостной суд имел право присуждать к телесному наказанию — до 20 ударов розгами, с 1863 г.— только мужчин.

Павел Платонович Чубинский (1839—1884) был одним из выдающихся деятелей Географического общества. Уроженец Полтавской губернии, он в 1861 г., по окончании юридического факультета Петербургского университета, был, как украинофил, сослан в г. Пинегу, откуда вскоре переведен в Архангельск, где с 1863 по 1869 г. состоял секретарем губернского статистического комитета и одно время был редактором местных губернских ведомостей. Здесь он много работал по статистике и вообще по изучению севера.

В 1867 г. Чубинский привлекается Географическим обществом к исследованию хлебной торговли Северного края, о чем будет сказано ниже. В 1869 г. Павел Платонович вернулся к себе на родину на Украину и занялся здесь, по поручению Географического общества, этнографией украинцев.

С основанием в 1872 г. в Киеве Юго-западного отдела Географического общества Чубинский принял деятельное участи в его работах. Но когда в 1876 г. отдел этот был закрыт. Чубинского выслали из Киева «как неисправимого и опасного в крае агитатора». Он переехал в Петербург, где снова обратился к статистике. Этот рано скончавшийся исследователь оставил после себя большое количество первоклассных трудов.

Историк русской этнографии Пыпин ставит труды Чубинского чрезвычайно высоко: [1] его исследования занимают первостепенное место в изучении этнографии украинцев. «Это был своеобразный талант, человек неутомимой энергии и глубокой преданности своему делу». «Экспедиция Чубинского — одно из замечательнейших предприятий, какие только были сде-

[1] А. Н. Пыпин. История русской этнографии. III, СПб., 1891, стр. 347—356.

ланы в нашей этнографии. Из этнографов русских подобную энергию показал, может быть, только Гильфердинг в исследовании Олонецкого края. Краткость срока, в течение которого Чубинский исполнял возложенную на него задачу, делает его успех поистине изумительным. Он собрал в два года материал в таком громадном количестве, как это не удавалось целым ученым обществам за много лет».

Результаты украинской этнографической экспедиции заслужили всеобщее одобрение: Географическое общество присудило Чубинскому золотую медаль, а Академия Наук в 1879 г. назначила ему, по отзыву А. Н. Веселовского, уваровскую премию. Недостатком большой работы, проделанной западной экспедицией, является сравнительно малое внимание, какое было обращено на материальную культуру украинцев.

Большие заслуги в области изучения этнографии Украины имел Юго-западный отдел Географического общества, основанный в 1872 г. в Киеве, по инициативе Чубинского и по ходатайству киевского, подольского и волынского генерал-губернатора князя А. М. Дондукова-Корсакова. Последний писал, что отдел, при содействии университета, окажет пользу при изучении «статистики» края. При рассмотрении этого дела в совете Общества некоторые члены поднимали вопрос, целесообразно ли устраивать отделы Географического общества в губернских городах Западного края, «географически уже хорошо известного». Но вице-председатель Общества Ф. П. Литке и некоторые члены совета возражали, указывая, что неудобно препятствовать почину своих сочленов.

Киевский отдел был открыт 13 февраля 1873 г. В делах отдела принимал видное участие П. П. Чубинский, сначала в должности секретаря, а под конец — вице-председателя. На открытии отдела Чубинский произнес речь, в которой намечал задачи нового учреждения, причем обращал внимание на важность этнографо-статистических исследований. Указав, что предстоит изучение трех этнографических типов — украинцев, поляков и евреев, Чубинский говорил: «Само собою разумеет-

ся, что изучение это должно стоять на объективной почве, свойственной всякой научной деятельности. Мы не должны предполагать, не должны предлагать, наше дело — излагать». Стоять, однако, на такой объективной точке зрения оказалось невозможным; среди членов отдела было сильное украинофильское движение, к которому оказался причастен и П. П. Чубинский. С конца 1874 г. на отдел начались нападки в газете «Киевлянин». [1]

7 июля 1876 г. министр внутренних дел А. Тимашев известил председателя Географического общества о том, что «ввиду обнаруженной в последнее время на юге России деятельности особого рода пропагандистов, зараженных так называемым украинофильством, а также распространения в народе переводов учебников и молитвенников на малороссийском языке», было созвано особое совещание, которое предложило ряд мер, имеющих целью «остановить и пресечь в корне дальнейшее развитие вредной украинофильской пропаганды». На журнале этого совещания Александр II положил резолюцию: «Исполнить, но с тем, чтобы отдел Географического общества в Киеве *в нынешнем его составе был закрыт* [подчеркнуто в подлиннике] и чтобы открытие его вновь не могло состояться иначе, как с моего разрешения по представлению министра внутренних дел». [2]

Итак, 7 июля 1876 г. отдел был «временно» (фактически — навсегда) закрыт, а Чубинский выслан из Киева. Между тем, отдел за короткое время успел сделать много полезного. В 1874 г. отдел осуществил под руководством Чубинского однодневную перепись населения Киева (127 551 чел.), а кроме того, произвел образцовую разработку материалов переписи, опубликованную в следующем году. Завязаны были сношения с научными центрами Галиции, Буковины и других славянских стран. В двух томах «Записок» отдела было помещено

[1] І. Житецький. Південно-західний відділ Географічного товариства у Київі. «Україна», изд. Всеукр. Акад. Наук, 1927, кн. 5, стр. 35.

[2] Дело Архива Геогр. общ. № 17 за 1876 г.

много ценных статей, принадлежавших перу известных украиноведов: В. Б. Антоновича, Чубинского, Ф. К. Волкова, Драгоманова, затем думы и песни известного украинского кобзаря Остапа Вересая, одного из последних народных певцов Украины, и пр. В 1876 г. были изданы «Малорусские народные предания и рассказы» известного украинского историка и публициста Михаила Петровича Драгоманова (1841—1895), эмигрировавшего в 1876 г. за границу; здесь он с течением времени был приглашен на кафедру истории в Софийском университете, которую и занимал вплоть до смерти.

В августе 1898 г. была сделана попытка восстановить деятельность Киевского отдела Общества.[1] Именно, X съезд естествоиспытателей и врачей, заседавший в Киеве, по инициативе подсекции статистики (при секции географии, этнографии и антропологии), обратился в Географическое общество с просьбой открыть в Киеве Южный отдел Общества. В ходатайстве, подписанном 40 профессорами университета и преподавателями других учебных заведений, говорится: «Хотя было бы желательно, чтобы в каждом университетском центре России основалось свое отделение Географического общества, но пока это еще не осуществилось, Киеву, как крупнейшему и культурному и окружному центру юга Европейской России, следовало бы взять на себя инициативу в географическом исследовании юга Европейской России», т. е. учебных округов киевского, харьковского и одесского. «В частности, юго-западный край, окружным центром для которого служит Киев, и доныне еще лишен земских учреждений, а последние своими статистическими описаниями немало помогают самопознанию. Поэтому-то основание Южного отдела Географического общества именно в Киеве оказало бы юго-западному краю особенную услугу, хотя отчасти пополнив тот пробел, который вызван долгим отсутствием земства в юго-западном крае».

Совет Общества в заседании 17 марта 1899 г. постановил запросить по этому поводу заключение киевского генерал-гу-

[1] Изв. Геогр. общ., XXXV, 1899, стр. 784—788.

бернатора. В ответном письме от 13 июля 1899 г. на имя П. П. Семенова генерал от инфантерии М. И. Драгомиров сообщал, что он со своей стороны признает «совершенно желательным и своевременным» открытие в Киеве Южного отдела Географического общества и ожидает «от деятельности сего учреждения благотворных последствий для всестороннего изучения края в этнографическом и статистическом отношениях».[1] Тем не менее, Южный отдел не был открыт. О причинах этого ни в архиве Географического общества, ни в его изданиях никаких сведений не сохранилось.

Но возвращаемся к деятельности этнографического отделения центрального Общества.

После Гильфердинга в течение многих лет (1872—1886) председателем Отделения этнографии был известный исследователь истории литературы впоследствии академик и вице-президент Академии Наук, Леонид Николаевич Майков. Его сменил В. И. Ламанский, вернувшийся на то место, которое он занимал в отделении свыше двух десятков лет до того. Обязанности председателя он сложил с себя лишь в 1910 г., за четыре года до смерти. Принимая председательствование, Ламанский поставил перед отделением следующие основные задачи: 1) составление описания неславянских народов России с приложением этнографической карты; эта задача не выполнена и до сих пор, но материалы к осуществлению ее усердно собирались Обществом. Среди них особо нужно отметить основание в 1890 г. журнала «Живая старина», издававшегося Обществом в течение 27 лет; 2) составление описания славянских народов, что, подобно предыдущему, тоже не осуществлено; до известной степени заменой может служить «Энциклопедия славянской филологии», которую начала издавать Академия Наук в 1898 г. под редакцией акад. И. В. Ягича; 3) составление географии русского языка, или обзора русской диалектологии; в 1915 г. Географическим обществом была издана 100-верстная диалектологическая

[1] Изв. Геогр. общ., XXXV, 1899.

карта русского языка в Европе, составленная Н. И. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым с объяснительным текстом; 4) издание полного собрания великорусской народной лирики. Эта задача, встретившая сочувствие и в среде Общества и вне его, была до некоторой степени осуществлена.

В 1880-х и 90-х годах Общество, по инициативе С. Я. Капустина и Т. И. Филиппова, занималось собиранием русских народных песен (и былин) с напевами. С этой целью секретарь отделения этнографии Ф. М. Истомин совершил ряд поездок в северные и центральные губернии. В 1886 г. были посещены губернии Олонецкая, Архангельская и Вологодская. В своем отчете Истомин сообщает много любопытных подробностей о собирании материалов. [1] Во время передвижений по Онежскому озеру пользовались так называемой бабьей почтой; на севере при передвижении путями почтовыми, земскими и «мирскими» гребцами являлись тогда исключительно женщины (частью это сохранилось и до сих пор); на одну «лодочную подводу» полагалось четыре гребца, из них три девушки и одна непременно женщина — молодая или пожилая, опытная кормщица, или, как говорят на севере, «коршица». Эта, говорит Истомин, «так называемая бабья почта проявляет замечательное искусство в гребле и удивительную неутомимость, совершая нередко тридцативерстные переезды исключительно греблей, не более как с одной остановкой на пути, невзирая часто на страшный солнцепек, как это нам пришлось испытать, например, во время плавания по Выгозеру». Во время таких переездов удавалось записать много песен. Одна сказительница былин пела в течение пяти часов, во время плавания по одной губе Онежского озера. Эпическая старина на севере в те времена еще сравнительно хорошо сохранилась, но народная лирическая песня начала уже вы-

[1] Изв. Геогр. общ., XXIII, 1887, стр. 35—51. См. также издание Геогр. общ.: Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Вологодской в 1886 г. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894, XXIV + 244 стр.

мирать. Однако свадебные песни продолжали бытовать. У крестьян Шенкурского уезда при свадебном обряде исполнялся такой древний обычай, как «убивание невесты», который заключается в том, что невеста, во время плача и причитаний перед родственниками, «убивается»: сопровождая рыданиями свою «причеть», она в известных местах издает исполненный отчаяния вопль и всею тяжестью тела падает наземь или ударяется о стол руками, нередко повторяя этот прием несколько раз, пока руки не распухнут. Также сохранились свадебная «причеть», строгими хранительницами которой были пожилые женщины, и похоронная.

Известный композитор, пианист и дирижер, член песенной комиссии Географического общества М. А. Балакирев дал о собранных напевах самый лучший отзыв. В частности, говорит он, мелодии былин до экспедиции 1886 г. совсем не были известны и если иногда и записывались, то оказывались близкими к речитативу. Между тем, экспедиции удалось записать несколько мелодий былин, «от величавых напевов которых так и дышит глубокой древностью». Таким путем было обнаружено, какие музыкальные сокровища еще скрываются в памяти русского народа. По словам известного композитора С. М. Ляпунова, члена Общества, участника экспедиции 1893 г. по губерниям Вологодской, Вятской и Костромской, «русская песня вообще, кроме своих чисто мелодических достоинств, отличается богатством и разнообразием ритмов, причем часто встречаются поразительные и необыкновенные сочетания различных ритмов в одной песне». [1]

На общих собраниях Географического общества в 1894 и 1895 гг. были исполнены некоторые из записанных экспедициями песен.

С 1890 г. Географическое общество приступило, по инициативе Ламанского, к изданию этнографического журнала «Живая старина». За годы 1890—1916 вышло 25 томов.

[1] Изв. Геогр. общ., XXX, 1894, стр. 351. Слова и напевы, собранные в 1893 г., опубликованы в томе II «Песен русского народа». 1899.

В вводной статье к 1-му выпуску этого органа В. И. Ламанский писал: «Необходимо давать жить и развиваться и местным языкам». При такой свободе и терпимости, говорит он, и наш общелитературный язык будет с большей готовностью и охотой изучаться другими народами, населяющими Россию. От развития иноплеменных словесностей государственный язык, язык богатой литературы, никогда не потеряет в своем значении. «Напротив, русская литература, искусство, наука, особенно же языкознание и народоведение тогда только выиграли бы в многосторонности и разнообразии. Русская образованность могла бы тогда обогатиться множеством разнообразнейших иноплеменных тонов, мелодий, оттенков, чувств и мыслей, которые иначе, пожалуй, замрут и погибнут бесследно».

Далее Ламанский настаивает на том, что результаты этнографического изучения иноплеменников России должны печататься на русском языке.

Ламанский сожалеет, что в Петербургском университете нет кафедры финских языков.

Далее он жалуется на то, что «у нас нет достойного России и соответственного современным требованиям науки полного, обстоятельного русского землеведения и народоведения». Составление таких книг есть самая насущная из тех задач, какие должны выполнить отечественная география и этнография. Совершенно правильно Ламанский писал: «Как ни далеко от нас время появления первого выпуска или части будущей русской этнографии, она должна быть идеалом и далекою, но постоянною, светлою мечтою и нашего журнала и всех настоящих тружеников нашей науки».

Далее Ламанский устанавливает два положения, под которыми может подписаться каждый научно, а не фашистски мыслящий этнограф:

«1. Повсеместно и повсюду совершался процесс общения, скрещивания и смешения рас и племен, процесс, повлекший за собою взаимный обмен внешних и внутренних свойств раз-

ных племен и рас и многообразные заимствования друг у друга.

2. Несмотря на все внешнее и внутреннее разнообразие человеческих рас и племен, во всех разновидностях семьи человеческой имеется много общего, родственного и сходного по существу, а не по одной наружности».

В этом своем любопытном введении к первому выпуску «Живой старины» Ламанский говорит: «Занятие наукой уравновешивает духовные силы человека, очищает его миросозерцание, закаляет характер, развивает, с одной стороны, твердость убеждений, а, с другой,— исполненную благоволения к людям терпимость».

В. И. Ламанский был славянофилом. Но славянофилом прогрессивным. Вот некоторые суждения этого автора, изложенные в его весьма интересной книге «Три мира азийско-европейского материка», вышедшей первым изданием в 1892 г., а вторым — посмертным — в 1916 г. Касаясь иностранной политики тех времен, Ламанский иносказательно писал: [1]

«Мы более всего помышляли об окружности, а не о центре, о коре и скорлупе вещей, а не об их ядре, о формах и наружности, а не о внутренности. У себя в домах мы более всего заботились об убранстве наших гостиных и парадных зал, а не о спальнях, детских, людских. Мы жили, что называлось, открыто, напоказ, для гостей «званных и незванных, особенно из иностранных».

На склоне лет Ламанский [2] передал председательствование в отделении этнографии академику С. Ф. Ольденбургу (1910—1912), известному востоковеду.

Короткое время (1912—1913) отделение возглавлял знаменитый кавказовед и исследователь русских былин академик Всеволод Федорович Миллер.

[1] 2-е изд.; стр. 121.

[2] О нем см. «Живая старина», 1915, вып. 1—2.

В. Ф. Миллер в течение 33 лет был в Москве председателем этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Он особенно известен своими лингвистическими и этнографическими исследованиями над осетинами и татами. В посвященном Всеволоду Федоровичу некрологе, прочитанном в заседании отделения этнографии нашего Общества, Л. Я. Штернберг говорил: «Недолго суждено было нам пользоваться его руководством, но мы никогда не забудем глубокой разносторонности, которую он вносил в многообразные вопросы, здесь обсуждавшиеся, горячего интереса, проявленного им к делам нашего Общества, и той атмосферы обаятельного благожелательства, которую он внес в нашу среду».

Следующие вступительные слова на открытии подсекции этнографии XII съезда естествоиспытателей и врачей дают хорошее представление о личности В. Ф. Миллера.

«Спросим себя,— говорил он,— откуда берутся эти многочисленные работники в области этнографии, эти лица, присылающие ученым обществам свои наблюдения, записи, коллекции, обогащающие наши музеи. Эти скромные труженики, рассеянные по всему лицу русской земли, эти добровольцы науки, совершающие добровольные, нередко недобровольные поездки в самых отдаленных захолустьях России, принадлежат просвещенному классу народа, так называемой, интеллигенции. Интерес к этнографическим наблюдениям поддерживается и питается в этом классе работников не одним научным влечением, а, главным образом, глубоким сочувствием к жизни низших слоев народа, сохраняющих в своем быту много переживаний старины, и высоко гуманным отношением нашего общества к инородческому населению России. Этой духовной работой нашей интеллигенции мы имеем полное право гордиться. Едва ли в какой другой культурной стране мы найдем такие кадры тружеников, работающих безвозмездно, ради идеи и поставленных притом в тяжелые материальные, иногда — нравственные, условия. Едва ли в другой

европейской стране этнография так мало обременяет государственный бюджет, как в нашем отечестве».

После смерти Миллера во главе отделения на некоторое время стал известный лингвист академик А. А. Шахматов (1913—1915), а затем снова С. Ф. Ольденбург, состоявший председателем вплоть до 1931 г., когда отделение временно перестало собираться. 25 мая 1945 г. оно возобновило свою деятельность. Председателем был избран Н. Н. Степанов, заместитель директора Этнографического института Академии Наук.

В заключение этого раздела скажем несколько слов о тех важных этнографических изданиях Общества, о которых выше не было упомянуто. В декабре 1851 г. была опубликована этнографическая карта Европейской России, составленная П. И. Кеппеном в масштабе 75 верст в дюйме. Карта имела большой успех и выдержала три издания. С 1867 г. Общество начало издавать «Записки по Отделению этнографии», каковых по 1925 г. вышло 43 тома. В 1871 г. в этих Записках (том IV) издана этнографическая карта Царства Польского, составленная Н. Н. Галкиным. В 1875 г. Обществом выпущена новая, заметно исправленная этнографическая карта Европейской России, составленная А. Ф. Риттихом в 60-верстном масштабе на 6 листах.

Из большого количества работ, посвященных этнографии русских, отметим многолетние исследования В. Н. Добровольского в Смоленской губернии, изложенные в Смоленском этнографическом сборнике (Записки по Отд. этн., XX, XXIII), и еще более продолжительные наблюдения (1861—1883) мирового посредника и мирового судьи А. Н. Минха над крестьянами Саратовской губ. (Зап., XIX). Э. А. Вольтер, а частью его сотрудники, в течение ряда лет основательно изучали этнографию латышей и литовцев. В. Н. Майнов (1845—1888), к сожалению, рано скончавшийся, провел в 1878 г. прекрасные исследования по антропологии и этнографии (в том числе и в отношении юридических обычаев) мордвы (Зап., XI, XIV). Он же писал в «Известиях» Географического общества о суб-

ботниках — русской секте, принявшей иудейство. С. И. Руденко подробно изучал антропологию и этнографию башкир и дал обстоятельную монографию по этим вопросам (Зап., XLIII, 1916—1925). Выдающийся этнограф и статистик, знаток сибирских народов Серафим Керопович Патканов опубликовал в Записках (XXXI, 1906) замечательный труд по географии и статистике тунгусских народов Сибири, основанный на данных переписи 1897 г

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Историческая география, т. е. география исторического прошлого, а также история географической науки разрабатывались преимущественно отделениями этнографии и статистики.

Общество уже в первые годы своего существования обратило внимание на необходимость издания писцовых книг, о которых мы уже говорили выше, справедливо видя в них чрезвычайно важные источники для ознакомления с исторической географией древней Руси. Другой древний памятник, об изучении которого Общество неустанно заботилось, — «Книга Большого чертежа», тоже упоминавшаяся нами. Первый солидный труд по писцовым книгам, опубликованный Обществом, это «О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке», с картою в масштабе 40 верст в дюйме, принадлежащий перу профессора Петербургского университета К. А. Неволина. Капитальное произведение Неволина, увенчанное Константиновской медалью, напечатано в VIII томе «Записок» Общества за 1853 г. Продолжением этой работы служит обстоятельный труд Н. Н. Нордмана о географическом положении погостов-округов Шелонской пятины по писцовым оброчным новгородским книгам 1498 г., с картой в 3-верстном масштабе.[1] В течение 1877—1895 гг. Обществом были изданы в

[1] Изв. Геогр. общ., 1908.

извлечении писцовые книги губерний Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской, Московской, Владимирской и Костромской. Издание писцовых книг снабжено прекрасным указателем. Это ценное издание выходило в свет под авторитетной редакцией члена Общества Николая Васильевича Калачова (1819—1885), известного юриста, автора многочисленных трудов по юридическим древностям. Калачов одно время был, после Кавелина, профессором истории русского права в Московском университете. В 1861—1865 гг. он стоял во главе этнографического отделения Общества. Калачов был деятельным и прогрессивным членом комиссии по освобождению крестьян. Впоследствии он стоял во главе основанного в 1877 г. по его инициативе Археологического института. В 1883 г. Калачов был избран академиком по кафедре истории и древностям русским.

В отношении «Книги Большого чертежа» Общество еще в 1852 г. постановило восстановить по этому дорожнику древнюю карту московской Руси, т. е. приурочить к современным картам все географические названия, упоминаемые в «Книге», а затем снабдить эту карту объяснительной запиской, составив ее так, «чтобы вышел род географии России и сопредельных с нею стран, современный Большому чертежу».[1] Хотя начинание это не могло осуществиться, тем не менее Обществом был напечатан ряд работ Е. К. Огородникова, разъясняющих отдельные части «Книги Большого чертежа». Так, в «Записках» Географического общества (II, 1869) напечатана статья упомянутого автора «Мурманский и Терский берега по книге Большого чертежа». В ней Е. К. Огородников развивает взгляд, что описание упомянутой территории сделано было в четыре приема: 1) текст, касающийся самой западной части, между реками Тенуй (или Тана) и Нявдемой, составлен предположительно в конце XV или в начале XVI в. (доказательства, приводимые Огородниковым,[2] мало убеди-

[1] Вестн. Геогр. общ., IV, 1852, отд. V, стр. 163—164.
[2] Стр. 660—661.

тельны), 2) другие сведения попали в текст Книги между 1532 и 1590 гг., 3) около 1608—1611 гг. и 4) в 1680 г. В этой статье дан обстоятельный очерк ознакомления русских с Мурманским берегом и вообще с Кольским полуостровом. Рассматривается вопрос о прежнем распространении лопарей (саами). Имя *лопь* встречается в русских исторических источниках с XI в. В XIV в. лопари жили на восточном берегу Онежского озера. Около 1500 г. они обитали в окрестностях Орешка, т. е. в истоке Невы. В актах, относящихся к 1582—1583 гг., упоминается о пребывании лопарей в Карелии на берегу Выгозера.

Впоследствии Е. К. Огородников разработал данные «Книги Большого чертежа» по прибрежьям Ледовитого и Белого морей (1877), по Вятской и Пермской губерниям (1878), по Волжскому бассейну (1882).

В. В. Бартольд опубликовал (1902) весьма ценное исследование: «Сведения об Аральском море и низовьях Аму-дарьи с древнейших времен»,[1] в котором, на основании изучения мусульманских источников, впервые показал, что с половины XIII в. и по 1573 г. часть вод Аму-дарьи по Узбою стекала в Каспийское море.

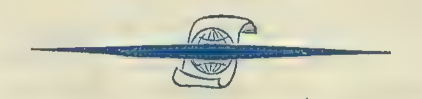
ИСТОРИЯ ЗЕМЛЕВЕДЕНИЯ

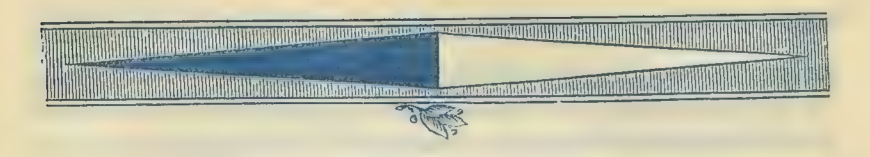
Большое количество трудов издано Географическим обществом по истории русской географической науки. В общем собрании 14 января 1848 г. Бэр прочитал доклад «Заслуги Петра Великого по части географических познаний», напечатанный в III и IV книжках «Записок» (1849—1850) и до сих пор не потерявший своего значения. Весьма важна статья А. Н. Попова «О сношениях России с Хивою и Бухарою при Петре Великом», в которой рассказывается об экспедициях Бухгольца и кн. Бековича-Черкаского и о посольстве Флорио Беневени (Записки, IX, 1853). Здесь впервые напечатан

[1] Изв. Туркест. отд. Геогр. общ., IV, 1902.

дневник Беневени. Ю. В. Арсеньевым опубликовано (1882) описание путешествия русского посланника Николая Спафария от Тобольска до границ Китая в 1675 г. Арсеньевым же указано (1882), что напечатанное в «Вестнике» Общества за 1853 г. «Сказание о великой реке Амуре» тоже принадлежит Спафарию. А. Макшеев (1888) напечатал исследование о карте Джунгарии, которую составил полтавский пленник швед Ренат, отправленный в Сибирь. Здесь Ренат поступил в отряд Бухгольца, посланный против калмыков, был взят в плен последними и пробыл в Джунгарии с 1716 по 1733 г. Отпущенный в 1733 г. домой, он через Петербург вернулся в Швецию. Составленная им карта была обнаружена в 1879 г. в Стокгольме. Она напечатана Географическим обществом в 1881 г. Н. И. Веселовский (1887) описал посольство капитана Ивана Унковского в Джунгарию в 1722—1724 гг., напечатал дневник его и воспроизвел составленную Унковским карту.

К 25-летнему юбилею Общества был издан обзор его деятельности (1872, 268 стр.). В 1896 г. председатель Общества П. П. Семенов опубликовал замечательную по обстоятельности и авторитетности «Историю полувековой деятельности Русского географического общества 1845—1895», в трех томах, объемом почти в 1500 страниц. Этот труд представляет большой вклад в историю русской науки.

X

РАБОТЫ ОТДЕЛЕНИЯ СТАТИСТИКИ

Следует иметь в виду, что правильная, научная постановка статистического дела в России обязана инициативе и настояниям Географического общества. Петр Петрович Семенов был отцом русской государственной статистики. Основные работники государственного статистического дела вышли из недр нашего Общества.

Первый председатель статистического отделения Общества П. И. Кеппен был одновременно и статистиком и этнографом. Отделение, как мы видели, начало свою деятельность с издания этнографической карты Европейской России. С мая 1847 г. по 1859 г. во главе отделения статистики стоял выдающийся общественный и государственный деятель А. П. Заблоцкий-Десятовский, о котором уже говорилось. По поводу избрания Заблоцкого-Десятовского секретарь Общества А. В. Головнин сообщал Ф. П. Литке за границу в письме от 25 мая 1847 г.:[1] «После общего собрания, бывшего 7 мая, собралось отделение статистики для избрания двух кандидатов в управляющие и совет. Отделение было чрезвычайно шумно, и гг. организаторы сильно говорили против распоряжения совета, который приглашал их выбирать двух кандидатов, а не прямо предоставил вы-

[1] Архив Глав. архив. управл., Москва, фонд Литке, дело № 35, отд. I, № 13.

бирать управляющего. Роль Odillon Barrot разыгрывал [Н. А.] Милютин, а за министерство стояли К. В. Чевкин и А. И. Левшин. Шум продолжался с 7 часов до 10. Присутствовало 19 членов. Решили большинством голосов, что будут выбирать одного, а не двух, и выбрали Заблоцкого».

Кроме Заблоцкого-Десятовского, в составе отделения работали такие авторитетные лица, как проф. К. И. Арсеньев — один из учредителей Общества; далее, статистик и климатолог К. С. Веселовский (1819—1901), впоследствии академик и непременный секретарь Академии, автор первой почвенной карты России и труда «О климате России» (1857), за который Географическим обществом ему присуждена Константиновская медаль, в 1859—1862 гг. председатель отделения статистики; известный статистик Г. П. Небольсин (1811—1895), впоследствии член Государственного совета; упоминавшиеся выше Д. А. Милютин и Н. А. Милютин; статистик Е. И. Ламанский, впоследствии председатель отделения статистики и управляющий Государственным банком.

С 1851 г. отделение приступает к изданию «Сборника статистических сведений о России». В 1-й книжке Сборника К. С. Веселовский поместил данные о площади и количестве населения губерний и областей Европейской России в 1846 г. Общее количество населения в Европейской России, не считая Финляндии и Царства Польского, исчислялось в том году в 54.1 миллиона. Автор отмечает, что наиболее заселена полоса России между 49° и 58° с. ш., к северу же и югу отсюда количество населения заметно уменьшается. «Но нет сомнения,— заканчивает он,— что современем, при большем развитии промышленного духа, когда усилия ума победят отчасти неблагоприятные влияния природы, и эти страны будут лучше заселены». Содержание следующих статей таково: средние температуры и осадки для разных мест России, со включением Финляндии и Царства Польского (К. С. Веселовского), движение населения России с 1838 по 1847 г.— о числе браков, рождений и смертей по каждому

исповеданию (А. П. Заблоцкого-Десятовского), почтовые сношения в 1848 г., обзор внешней торговли за 1824—1848 гг., включая торговлю с Финляндией и Польшей; о добыче железа, золота, серебра, платины, меди, соли и каменного угля; число городских и сельских поселений (Н. А. Милютина). К книжке приложена карта плотности населения Европейской России, составленная Н. А. Милютиным.

Отделение настаивало перед министерством внутренних дел на том, чтобы переписи населения (по тогдашнему — ревизии) производились «порядком, хотя несколько более соответствующим требованиям науки», и не преследовали чисто фискальной цели — исчисления лиц податного населения. Тем не менее, 10-я ревизия была выполнена в 1858 г. по старому образцу. И только в 1897 г. настояния Общества увенчались успехом и была произведена первая в России перепись населения по программам, выработанным вице-председателем Общества П. П. Семеновым.

Вскоре Отделение, помимо статистики, стало заниматься вопросами экономической географии.

В 1852 г. напечатано Статистическое описание Киевской губернии, в трех томах. Составленное главным образом известным статистиком Д. П. Журавским (1810—1856) по инициативе Географического общества и изданное киевским губернатором И. Фундуклеем, оно было увенчано премией Географического общества. Особая комиссия, избранная Обществом, признала труд Журавского «не только лучшим произведением нашей статистической литературы последнего времени, но одним из самых замечательных явлений в статистической науке всего образованного мира».

По поручению Общества известный общественный деятель И. С. Аксаков в 1854 г. произвел обследование украинских ярмарок. Этот вопрос имел важность потому, что при посредстве украинской ярмарочной торговли Москва и нижегородская ярмарка снабжали мануфактурой весь юг Европейской России. Аксаков, посетив 11 украинских оптовых

ярмарок (4 в Харькове, 2 в Ромнах, затем в Полтаве, Сумах и др.), обнаружил, что ярмарки эти продолжаются, одна за другой, в течение всего года, представляя «какой-то подвижный переходный рынок». Основным предметом торговли являлась мануфактура. Обширный отчет И. С. Аксакова под заглавием «Исследование о торговле на украинских ярмарках» (383 стр.), напечатанный Обществом в 1858 г., был увенчан Константиновской медалью. По отзывам специалистов, произведение это может считаться «классическим трудом по части статистики».

На ярмарках продавались разнообразные товары: мануфактура, шерсть, железо не в деле, железные и чугунные изделия, кожи, меха, бакалейные товары, посуда, вино, табак, рыба, галантерея, писчая бумага, обои, мыло, «прасольский товар», куда относились: перо, пух, щетина, пенька, сало, мед, воск, подсолнечное масло, холст, а кроме того разные другие товары. Одну из главнейших статей украинской ярмарочной торговли составляли лошади. О значительности торговли можно судить по тому, что в 1854 г. на исследованных 11 украинских ярмарках одних только хлопчатобумажных товаров было продано на сумму свыше 13 миллионов рублей серебром. Ситцы московских фабрикантов, братьев Прохоровых, пользовавшиеся большим спросом, продавались от 18 до 25 копеек серебром за аршин. Прохоровы сами, без посредников, вели торговлю на украинских ярмарках. Всех прохоровских ситцев в год сбывалось здесь на 260 тыс. рублей серебром. Сукна московских фабрикантов шли по цене от 2 до 4 руб. за аршин. Бакалеей называли следующие заграничные продукты: деревянное масло, поступавшее из Италии через Одессу; рожки, которые доставлялись из Крита и продавались по 1 руб. 50 коп. серебром за пуд; орехи из Анатолии; сухие фрукты (изюм, винные ягоды, финики) — из Смирны. Сахар поступал с заводов юго-западного края; рафинад продавался по 7 руб. 50 коп. за пуд, сахарный песок по 3 руб. 50 к.— 6 руб. 50 коп.

В 1851 г. Общество, совместно с министерством государственных имуществ, решило снарядить на Каспийское море экспедицию для подробного изучения рыболовства. Поводом к исследованиям послужили жалобы рыбопромышленников на уменьшение количества рыбы в море. Согласно програм-

ме, надлежало собрать сведения по технике лова рыбы, по приготовлению рыбных продуктов, по статистике рыбного хозяйства, по биологии рыб и по гидрологии Каспийского моря. В разработке планов принимали участие — со стороны министерства директор департамента сельского хозяйства, член-основатель Общества А. И. Левшин, а со стороны Общества: К. М. Бэр, А. П. Заблоцкий-Десятовский, известный финансист Ю. А. Гагемейстер, состоявший одно время (1873—1877) помощником председателя Общества, далее историк русских морских географических открытий и знаток Каспия Александр Петрович Соколов[1] и В. А. Милютин. Экспедиция, работавшая в 1853—1857 гг., находилась под руководством К. М. Бэра, ближайшим сотрудником которого был известный натуралист и общественный деятель Н. Я. Данилевский (1822—1895), участник дела петрашевцев. Экспедиция для изучения рыболовства на Каспийском море представляет одно из блестящих начинаний Географического общества. Научные и практические результаты экспедиции были громадны, а некоторые достижения имели мировое значение. Достаточно сказать, что во время работ на Волге Бэр установил свой знаменитый закон относительно асимметрии берегов рек, так называемый закон Бэра.[2]

Предварительные статистические выводы, касающиеся волжского рыболовства, Бэр сообщил в Вестнике Географического общества за 1854 г.

Результаты исследований над рыболовством, произведенных Бэром и Данилевским, напечатаны Министерством го-

[1] Этот выдающийся ученый, скончавшийся в 1858 г., был в 1852—1853 гг. помощником председателя отделения географии математической. Он был редактором «Записок гидрографического департамента», в которых поместил много своих работ по истории русских морских открытий и, между прочим, свое замечательное исследование по истории экспедиций Беринга.

[2] Подробности см.: Л. С. Берг. П. А. Словцов и закон Бэра. Изв. Геогр. общ., 1918.

сударственных имуществ. Эти 8 томов и до сих пор служат основным пособием для ознакомления с положением рыболовства Европейской России и на Кавказе в середине прошлого столетия. Между прочим, Бэр впервые дал совет солить и употреблять в пищу волжские сельди, и его, по справедливости, следует считать основателем современного сельдяного промысла на Каспии. А какое значение имеет этот промысел, об этом можно судить по тому, что, например, в 1930 г. он дал 1268 тысяч центнеров сельди.

Весною 1857 г. совет Общества направил секретаря Общества Е. И. Ламанского за границу для того, чтобы завязать сношения с иностранными учеными учреждениями, занимающимися географией, этнографией и статистикой, а также для участия в III международном статистическом конгрессе в Вене. Помимо участия в венском конгрессе, Ламанский посетил в Брюсселе знаменитого статистика Кетле (Quételet), был в Париже и Лондоне, где изучал деятельность кредитных учреждений, в Лондоне побывал у Герцена. Осенью 1858 г. Ламанский вернулся в Петербург. В это время его финансовые труды и приобретенный опыт уже обратили на него общественное внимание, но участие в кружке Петрашевского и посещение Герцена воспрепятствовали ему занять важный пост в министерстве финансов, где министром был А. М. Княжевич, в то время член совета Географического общества.[1] Впрочем, через посредство М. Н. Муравьева Ламанский скоро выдвинулся. В течение многих лет (1862—1871, 1888—1894) Е. И. Ламанский стоял во главе отделения статистики Географического общества. Он скончался в 1902 г. в возрасте 77 лет.

Весною 1859 г. при отделении статистики был организован Политико-экономический комитет, который, согласно программе, должен был заниматься вопросами хозяйственной статистики и политической экономии. Инициаторами это-

[1] Из воспоминаний Е. И. Ламанского. «Русская старина», 1915, № 2, стр. 368—373.

го комитета были В. П. Безобразов, избранный секретарем, впоследствии академик; П. А. Валуев, человек беспринципный, вскоре назначенный министром внутренних дел; К. С. Веселовский, бывший тогда (1859—1862) председателем Отделения статистики; В. И. Вешняков, в то время секретарь отделения, впоследствии член Государственного совета; А. П. Заблоцкий, Е. И. Ламанский, А. И. Левшин, Н. А. Милютин, Г. П. Небольсин, И. В. Вернадский и др. Вскоре комитет сделался центром, где обсуждались самые жгучие политические вопросы: о выкупе крестьянских земель, об экономических последствиях упразднения крепостного состояния, о подушной и подворной подати, о подоходном налоге, о системе взимания налога со спиртных напитков, о гласности в финансовом управлении, о коммерческих кризисах и промышленных затруднениях России, о банковских системах. Значительная часть членов комитета одновременно состояла в правительственных комиссиях по крестьянскому делу. На заседания комитета собиралось, помимо членов его, много сторонней публики; особенно наблюдалось это в зиму 1860—1861 г. Посещал эти заседания и председатель Общества Ф. П. Литке.

Для примера изложим, что происходило в некоторых собраниях комитета.

В заседании 21 марта 1860 г. рассматривался вопрос о налоге на крепкие напитки. Председательствовал А. И. Левшин, присутствовали секретарь Безобразов, Литке, проф. И. В. Вернадский (отец знаменитого академика В. И. Вернадского), Вешняков, Гирс, Заблоцкий, Е. Ламанский, Рейтерн, Тернер и другие. Между прочим, обсуждалось, следует ли принимать против непомерного распространения пьянства и безнравственных его проявлений какие-либо правительственные меры, связанные с системой питейных сборов. Комитет выразил свое убеждение, что нравственные успехи зависят от общих успехов народной образованности и вос-

питания и не могут быть узаконены никакими административными распоряжениями. Но так как соблюдение общих понятий о публичных приличиях и неоскорблении внешнего чувства публичной нравственности не может не быть в виду каждого правительства, то без известных репрессивных мер обойтись нельзя.[1]

В заседании комитета, состоявшемся 4 декабря 1861 г. под председательством экономиста А. И. Бутовского, впоследствии члена совета Общества, рассматривался вопрос о гласности в финансовом управлении. После оживленных прений комитет постановил: «применение гласности к финансам, не представляя никаких особенных неудобств, сопряжено с важными преимуществами».

Последнее заседание комитета, происходившее 18 декабря 1861 г. под председательством А. И. Левшина, было посвящено вопросу, что полезнее, сохранение ли в руках казны права собственности на государственные имущества (земли, леса, железные дороги и т. п.), или же их отчуждение; в случае сохранения этих имуществ в руках государства, каким способом наилучше извлекать из них доходы. Вопросы эти деятельно обсуждались в собрании, причем большинство членов, и именно сторонники фритредерской экономической школы, высказывались в пользу продажи государственных имуществ.[2] Продолжение прений было назначено на следующее заседание, которое, однако, не состоялось.

Дело в том, что по поводу деятельности политико-экономического комитета на Географическое общество поступил гнусный донос, копия с которого хранится в архиве Общества. Извлечение из этого секретного документа впервые опубликовано лишь в 1945 г. в Известиях Общества (№ 1—2) профессором В. М. Штейном. Анонимный автор доноса ука-

[1] Вестн. Геогр. общ., ч. 28, 1860, прилож., стр. 28.

[2] См. протоколы заседаний в Зап. Геогр. общ. 1862, кн. II, действия Общества, стр. 69—79.

зывает, что доступ в число членов Географического и Вольного экономического обществ чересчур свободен: в первом — свыше двухсот членов, а во втором — более тысячи. «Предоставленное членам право приглашать в заседания гостей удваивает эти цифры и собраниям сих обществ придает характер древних *вече,* на коих решались судьбы царств и народов. Неестественно было бы, чтоб при таковой инициативе не вторглись в состав сих обществ личности, пропитанные утопиями Прудона, Люи Блана, Консидерана, Мадзини, Гарибальди и других мечтателей о слитии национальностей и об образовании общенародных союзов, и чтобы личности этого рода не стали проводить своих разрушительных для блага царств и счастья человечества идей коммунизма, социализма, демократизма и атеизма. К прискорбию, это проявилось в Географическом обществе, где образовался Отдел политико-экономических наук и учредились парламентские прения по предметам самых чувствительных интересов и государства, и законодательства: стоит проследить органы этого отдела — журналы «Политико-экономический указатель»[1] и «Век», чтобы убедиться в резкости критического разбора финансовой системы и систематическом ослаблении доверенности к правительству по другим отраслям хозяйства и организации империи и постигнуть всю опасность от дальнейшего безнаказанного пустословия, которое, увлекая неопытную пылкую юность, легко может противопоставить верховной власти непреоборимые преграды к осуществлению благотворных соображений и ослабить политическое значение России».

Автор доноса предлагает, во-первых, ограничить доступ в члены Географического общества, предоставив это право лишь ученым и имеющим степени «кандидата университета и других первоклассных учебных учреждений», а, во-вто-

[1] Этот еженедельный экономический журнал издавался профессором И. В. Вернадским.

рых,— закрыть политико-экономический комитет. Хотя эти предложения в таком объеме не были осуществлены, но 5 января 1862 г. последовало высочайшее повеление о том, чтобы «не допустить политико-экономический комитет до обсуждения предметов государственного управления, о которых по каким-либо причинам не удобно и не следует рассуждать в сем комитете».[1] Ввиду этого министром внутренних дел П. А. Валуевым (который сам состоял одним из членов-учредителей комитета) было предложено Географическому обществу составить полную программу всех предметов или вопросов, которые могут входить в круг ученой деятельности политико-экономического комитета и могут обсуждаться в его среде. При этом круг занятий комитета должен быть ограничен по возможности предметами чисто теоретического содержания. Утверждение программы комитета предоставлено министру внутренних дел.[2]

Хотя министр народного просвещения (бывший секретарь Общества) А. В. Головнин в заседании комитета министров указывал, что этот вопрос мог бы быть каждый раз улажен путем личных переговоров вице-председателя Общества с министром внутренних дел, но комитет министров с этим предложением не согласился и настоял на вышеприведенной редакции.[3] Нужно заметить, что и в Вольном экономическом обществе тоже существовал подобный политико-экономический комитет; ему равным образом было предложено подробную программу своей деятельности представить на утверждение министра государственных имуществ, которому это общество было подчинено. Чем именно были вызваны такие

[1] Архив Геогр. общ., дело № 37 за 1862 г.: выписка из журнала комитета министров 16 и 30 октября 1862 г.

[2] То же, дело № 37. Отношение министра внутренних дел на имя вице-председателя Общества от 6 января 1862 г. напечатано в Зап. Геогр. общ., 1862, кн. 2, действия Общества, стр. 79—80 (журнал заседания Совета 8 января 1862 г.).

[3] То же, дело № 37.

репрессии, мне неизвестно (выяснение этого вопроса надо предоставить специалистам по истории 60-х годов). Но делу этому придавалось большое значение, судя по тому, что, когда вопрос о названных комитетах разбирался в совете министров, то на заседании присутствовал сам Александр II, а на журнале комитета министров, излагавшем вышеприведенные постановления, Александром II положена 26 октября 1862 г. резолюция «дельно».[1] Получив сообщения обо всем этом, Политико-экономический комитет Географического общества признал дальнейшее продолжение своих занятий бесполезным и постановил комитет закрыть, о чем совет Общества и уведомил министра внутренних дел.[2]

Тем не менее, в отделении статистики продолжалось обсуждение некоторых важных вопросов по экономической географии России. Так, отделение много занималось проектами наиболее выгодного направления линий железных дорог. Оживленные прения происходили в 1864 г. под председательством Е. И. Ламанского, когда рассматривался вопрос, какому направлению отдать преимущество для соединения Москвы с черноморскими портами — на Киев или на Харьков. Большинство высказывалось за направление Москва — Киев — Одесса.[3] В 1870 г. обсуждался вопрос о дороге в Западную Сибирь, постройка каковой была признана делом полезным и нужным. В следующем году внимание отделения статистики привлекло предположение о соединении Севастополя с существовавшей сетью железных дорог. Обсуждались и другие проекты.

По инициативе Отделения статистики Географическое общество, как уже упоминалось, настаивало перед правительством о необходимости введения государственных переписей. В результате усилий ряда членов Общества был орга-

[1] Архив Геогр. общ., дело № 37.
[2] П. П. Семенов. История Геогр. общ., I, стр. 173.
[3] Изв. Геогр. общ., I, 1865.

низован в 1863 г. Центральный статистический комитет, первым директором которого был приглашен с 1 января 1864 г. виднейший деятель Географического общества П. П. Семенов. При этом в редакторы комитета были назначены активные члены Общества (А. И. Артемьев, А. Б. Бушен, Е. К. Огородников, Л. Н. Майков, В. В. Зверинский, И. И. Вильсон и др.). С 1874 г. Семенов был сделан также председателем статистического совета при министерстве внутренних дел (следует прибавить, что, согласно положению об этом совете, одним из постоянных членов его должен был быть председатель отделения статистики Географического общества).

Заслуги Петра Петровича в области русской статистики, которую он официально возглавлял в течение 33 лет, общеизвестны.

После учреждения в государстве специальных статистических органов деятельность Отделения статистики Географического общества должна была, естественно, сократиться.

В течение 1863—1885 гг. Географическим обществом выпущен в свет известный пятитомный «Географо-статистический словарь Российской империи» Семенова, составленный в основном самим Петром Петровичем и до сих пор не утративший значения. Большим достоинством словаря является наличие в нем подробных библиографических указаний. Неоднократно в Географическом обществе возникал вопрос об издании современного словаря типа семеновского, но пока эти проекты не удалось осуществить (хотя большие материалы для нового словаря, собранные трудами В. П. Семенова-Тян-Шанского, хранятся в архиве Географического общества). Как бы то ни было, семеновским словарем мы пользуемся и доныне.

10 декабря 1869 г. Статистическим комитетом была впервые организована правильная, основанная на научных данных перепись населения Петербурга. Тщательно разработанная под личным руководством П. П. Семенова, перепись

эта обнаружила в городе 667 тыс. жителей, на четверть больше, чем значилось по полицейским спискам. О результатах переписи П. П. Семенов сделал в 1870 г. доклад в общем собрании Географического общества.[1]

В 1867 г. Географическим обществом, при участии Вольного экономического общества, была организована большая, длившаяся несколько лет, экспедиция для исследования хлебной торговли в Европейской России. Инициатором этого, имевшего большое значение для экономической географии Европейской России, предприятия был член Общества, экономист Ф. Г. Тернер (1833—1906), бывший незадолго до того секретарем Общества, специалист по земельному вопросу, впоследствии сенатор и член Государственного совета Особая комиссия, во главе с Г. П. Небольсиным, выработала подробную программу исследований. Вся площадь Европейской России была разделена на 8 районов: 1) Северный, куда направлен П. П. Чубинский, бывший в то время секретарем губернского статистического комитета в Архангельске, 2) Камско-уральский, порученный акад. В. П. Безобразову, 3) Верхне-волжский, куда послан статистик И. Ф. Борковский, заведующий статистическим отделом министерства путей сообщения, 4) Нижне-волжский (штабс-капитан Р. И. Липранди, а затем Борковский и Е. Н. Анучин), 5) Донской и Азовский (эта экспедиция не увенчалась успехом), 6) Юго-западный и Черноморский, где работал известный статистик и экономист Ю. Э. Янсон, впоследствии профессор статистики Петербургского университета, 7) Северо-Западный или Немано-двинский, который возглавлялся М. Н. Раевским, в то время секретарем отделения статистики, впоследствии помощником председателя, и 8) Центральный, обнимавший бассейн Оки; здесь работал А. С. Тарачков, секретарь Орловского статистического комитета, а затем статистик В. И. Чаславский. Кроме исследований над состоянием хлеб-

[1] Изв. Геогр. общ., VI, 1870, отд. 2, стр. 45—66.

ной торговли, участники экспедиции должны были обратить внимание еще на торговлю льном, льняным семенем, пенькою и салом. Весьма важные результаты этих исследований были напечатаны Географическим обществом (совместно с Вольным экономическим) в Трудах экспедиции для исследования хлебной торговли и производительности в России (1870—1876).

И. Ф. Борковский, на основании своих исследований, сделал в Обществе весьма содержательные доклады о способах доставки хлеба от Рыбинска к Петербургу. Докладчик настаивал на необходимости восстановить Мариинскую водную систему, отдавая ей преимущество перед железной дорогой Рыбинск — Петербург. В 1874 г. Борковский напечатал обстоятельный труд «Торговое движение по волжско-мариинскому пути», изданный Географическим обществом; к этой книжке приложена карта торгового движения между Петербургом и Астраханью, обратившая на себя всеобщее внимание экономистов и статистиков.

В 1872 г. в Петербурге заседал VIII международный статистический конгресс, в работах которого члены Географического общества, во главе с П. П. Семеновым, принимали самое деятельное участие.

В 1889 г. Отделение статистики рассматривало вопрос о дальнейшем направлении своей деятельности. Указывалось, что ни собирание статистических материалов, ни обработка их не под силу добровольному обществу. Задачей отделения могла бы быть научная разработка собранных государственными статистическими органами материалов и освещение, на основании всех статистических данных, тех или иных вопросов или задач, интересующих правительство или общество в данное время. Ряд работ на эти темы, действительно, появился в изданиях отделения. Так, в 1889 г. был напечатан труд И. Ф. Борковского о вывозе и ввозе хлебов, а также о ценах и потреблении этих продуктов;[1] в том же году

[1] Записки по отд. стат., VI.

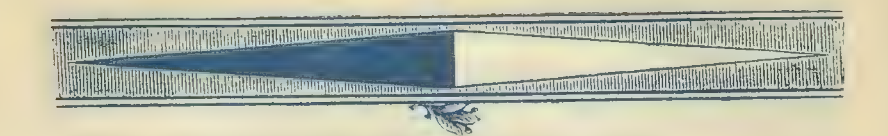
издан замечательный труд проф. Д. Н. Анучина о географическом распределении роста мужского населения России по данным о всеобщей воинской повинности за годы 1874—1883. [1]

Московский профессор и почетный член нашего Общества Дмитрий Николаевич Анучин (1843—1923) был многолетним председателем общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в среде которого он, главным образом, и развивал свою высокополезную деятельность в качестве географа, этнографа и антрополога. Заслуги этого исключительно разностороннего ученого громадны.

Помимо вышеперечисленных работ, отделением статистики Географического общества напечатан целый ряд трудов по экономической географии отдельных районов и стран. Таковы, например, «Всемирная торговля XIX в. и участие в ней России» О. Гулишамбарова (1898), «Хозяйство и быт бурят Ольхона» П. Е. Кулакова (1898), «Приморская область 1856—1898 гг.» П. Ф. Унтербергера (1900), «Нарымский край» Н. В. Латкина (1901) и др.

[1] Записки по отд. стат., том VII, вып. I.

XII

РАБОТЫ ПО АНТРОПОГЕОГРАФИИ

Из работ Общества в области антропогеографии надо особо отметить классические исследования А. И. Воейкова. В «Известиях» Общества за 1906 г. напечатан обширный, увлекательно написанный и сохраняющий свое значение до сих пор труд этого автора о «Распространении населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека». Здесь, как и всегда у Воейкова, рассеяно множество оригинальных идей. Он прежде всего обращает внимание на то, как неравномерно распределено население на Земле. Если бы пустовали, говорит Воейков, только крайний север Сибири и Америки, где недостает тепла, или Сахара и другие пустыни, где недостает влаги, то дело было бы понятно. Но столь же скудно заселены некоторые из самых благодатных тропических стран, например, равнины по Амазонке, где могли бы найти себе пропитание сотни миллионов людей. С другой стороны, население теснится в странах, где природа бедна, где своего хлеба нехватает и продовольствие приходится доставлять издалека. Отчего это? «Решающим фактором в распределении населения,— говорит Воейков,— является не столько окружающая человека природа, сколько сам человек».

В тех роскошных тропических областях, где мало населения,— мало культуры. Для того, чтобы плотность насе-

ления достигла значительной высоты, «нужна известная степень гражданственности».

Главный предмет питания — это обычно хлебные злаки. До XVIII в. хлеб и другие важнейшие продукты питания редко перевозились на большие расстояния. Воейков указывает на три исключения:

1) древние греки ввозили хлеб из черноморских портов,

2) древний Рим снабжался хлебом из Африки,

3) Китай, перенеся столицу на север, в Пекин, снабжал ее рисом из бассейна Ян-цзы-цзяна. В России хлебная торговля стала принимать крупные размеры со времени постройки новой столицы — Петербурга.

Воейков утверждает, что южная подгорная полоса Западной Сибири, многие места Восточной Сибири, Туркестан и Кавказ могут вместить и обеспечить значительное население не только потому, что там достаточно свободных и плодородных земель, но и потому, что там можно развить гораздо более интенсивную горную промышленность, чем какая существовала в его время. «Десятки миллионов людей могут жить в полном довольстве в этих странах, если к ним приложатся надлежащие знания и капиталы» и если, прибавляет Воейков (1906), «найдутся государственные умы, которых нам так долго недоставало».

Относительно желательного размещения населения Воейков приходит к следующим выводам. Должны существовать 1) большие города в качестве административных и торговых центров, из которых следует удалить большую часть промышленных предприятий, а также закрытые учебные заведения, казармы, большую часть больниц; 2) небольшие города, заново построенные, в которых сосредоточить крупную промышленность, а также высшие учебные заведения; 3) в сельские места перенести всю остальную промышленность, закрытые учебные заведения, казармы, большую часть больниц. Устройство заводов в существующих больших городах,

говорит Воейков, нельзя рекомендовать с точки зрения гигиены труда, именно потому, что невозможно достигнуть целесообразного размещения фабричных зданий и жилищ рабочих, а кроме того и санитарные условия в больших городах неблагоприятны.

В отношении сельских местностей Воейков указывает, что мелкие двигатели вполне пригодны и для кустарной промышленности, создавая условия для развития этой формы труда, «столь важной для России при ее длинной зиме, когда в деревне нет или почти нет работы по сельскому хозяйству». Весьма целесообразно иметь густое сельское земледельческое население в окрестностях больших городов или в оазисах среди пустыни.

Другая статья А. И. Воейкова «Орошение Закаспийской области с точки зрения географии и климатологии», напечатанная в «Известиях» Общества за 1908 г., есть лучшее украшение мировой географической литературы. В этой работе соединились присущее автору глубокое знание климатологии и агрономии, необычайная эрудиция, гениальная способность к пониманию географических взаимоотношений, наконец, уменье прилагать выводы науки к потребностям практической жизни. Вот вкратце выводы этой замечательной работы.

После японской войны возник проект орошения Закаспийской области, т. е. нынешней Туркмении. «Но многие спрашивали: не бесполезны ли будут эти работы, если Средняя Азия усыхает? Можно ли итти против природы? Смотрите, во что обратилась когда-то цветущая Бактриана (ныне Балх), сколько городов и оазисов засыпано песками пустынь».

На это Воейков отвечает: «Производить оросительные работы в Туркмении можно и должно. *Никакого постоянного, прогрессивного усыхания нет*. Есть только чередование сухих годов, когда реки несут менее воды и озера понижают свой уровень, и влажных годов, когда реки и озера становятся полноводными». Воейков ссылается на наблюдения

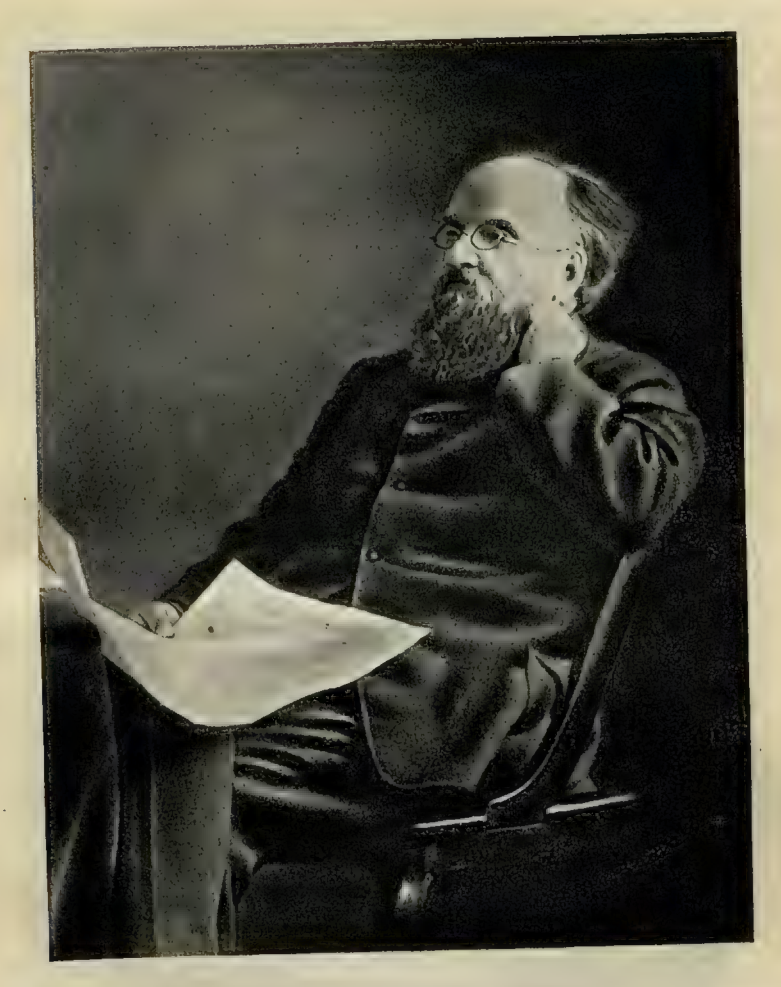
автора этих строк над повышением уровня Аральского моря в конце XIX и начале XX в., тогда как до того море это уменьшало свою площадь, на одновременное повышение уровня озер Казахстана.[1] Наблюдаются колебания климата, но нет непрерывной убыли воды. «Пока существуют испарители — океаны и моря Средиземное и Черное — и сгустители (конденсаторы) — горы Тянь-Шаня и Алая,— в Туркестане будут мощные реки, и человеку нужно пользоваться их водою, а не давать ей сливаться в Арал».

Воейков задается далее вопросом, почему в теплых поясах Земли цивилизация возникла по большей части в сухих странах, где приходилось затрачивать большие усилия на проведение оросительных каналов, между тем как влажные тропические области заселены обычно мало культурными, не земледельческими народами? На это Воейков отвечает: главным образом потому, что *почвы сухих стран вообще плодороднее почв стран дождливых*: там, где изобилуют дожди, из почвы вымываются питательные соли и мелкозем, тогда как в засушливых поясах этот драгоценный для растения запасный фонд остается в неприкосновенности. Поэтому в Туркмении даже пески плодородны: в 1887 г., говорит Воейков, был необычайно большой разлив р. Мургаба; вода, угрожавшая Мерву и окружающим культурным землям, была пущена на голые пески, и вот через несколько дней пески покрылись буйной растительностью. Между тем, во влажных и дождливых областях пески бесплодны. Теплые и сухие страны благоприятны для сельского хозяйства не только потому, что почвы их плодородны, но и потому, что человек, при наличии искусственного орошения, может вполне управлять водою, давать ее сколько нужно для растения и не страдать от избытка воды; для многих растений дождь не в пору вреден. Имея искусственное орошение, человек может

[1] Л. С. Берг. Высыхает ли Средняя Азия? Изв. Геогр. общ., XLI, 1905, стр. 507—521.

рядом с болотным растением — рисом, сеять злаки, требующие мало воды, каковы просо, пшеница, ячмень. «Правы были люди, поселившиеся в таких теплых и сухих частях западной Азии много тысяч лет тому назад». На равнинах Туркмении летние месяцы имеют температуру воздуха около 30°, т. е. значительно выше, чем где-либо близ экватора. Но помимо того, летом (с 20-х чисел мая по 20-е числа июля) здесь, по сравнению с тропиками, день длиннее, а главное в течение всего лета и осени облачность гораздо меньше. В Байрам-али, в известном хлопковом районе Туркмении, летом с 6 до 18 часов дня растительность получает от 93 до 99% возможной солнечной радиации, т. е. облаков почти не бывает; напротив, во влажных тропиках облачность гораздо выше. Солнце и тепло благоприятствуют не только созреванию плодов, но и накоплению в них сахара. Этим объясняется слава чарджуйских дынь, туркестанского урюка (абрикос) и винограда, а также изюма. Между тем, плодовые сады влажной Японии дают деревянистые груши и яблоки, жесткие, безвкусные персики, водянистый, кислый виноград. Зерновые хлеба Средней Азии весьма богаты белками, а потому питательны. Теплая осень Закаспийского края, отсутствие здесь туманов, в связи с вышеуказанными особенностями его климата, весьма благоприятствуют развитию хлопководства. Из дынь, арбузов и сорго (джугары) можно получать превосходную патоку. Весьма выгодна культура сахарной свеклы, винограда, плодовых деревьев. В теплицах, конечно, можно разводить даже финиковую пальму и банан, но в Туркмении на открытом воздухе Воейков не советует возделывать ни кофейного дерева, ни апельсинов и лимонов, ни даже чайного куста, для которого есть вполне подходящие места в западном Закавказье, в Кахетии и в Ленкоранском районе.

Для человека сухие жаркие страны предпочтительнее перед влажными тем, что жара умеряется быстрым испарением

Александр Иванович Воейков
1842—1916

Здание Географического общества
в Демидовом переулке

пота; ночи в сухих жарких странах прохладнее, а потому сон крепче. Вследствие сказанного лето равнин Туркмении, где средняя температура июля выше 30°, а днем нередко 40° и больше, легче выносится русскими людьми, чем лето низовьев Риона и окрестностей Батуми, где средняя июльская температура воздуха ниже 24°, днем термометр редко поднимается выше 32°, но влажность воздуха большая, ночи жаркие и душные. То же и в Северной Америке. Сухой жар долин Калифорнии и Аризоны выносится гораздо легче, чем влажный жар восточного побережья страны. Известно, что нигде не бывает такого количества солнечных ударов, как в Нью-Йорке.

Что касается Туркмении, то Воейков советует здешним жителям воздерживаться от мяса в теплые месяцы и не потреблять крепких напитков, особенно водки и вина.

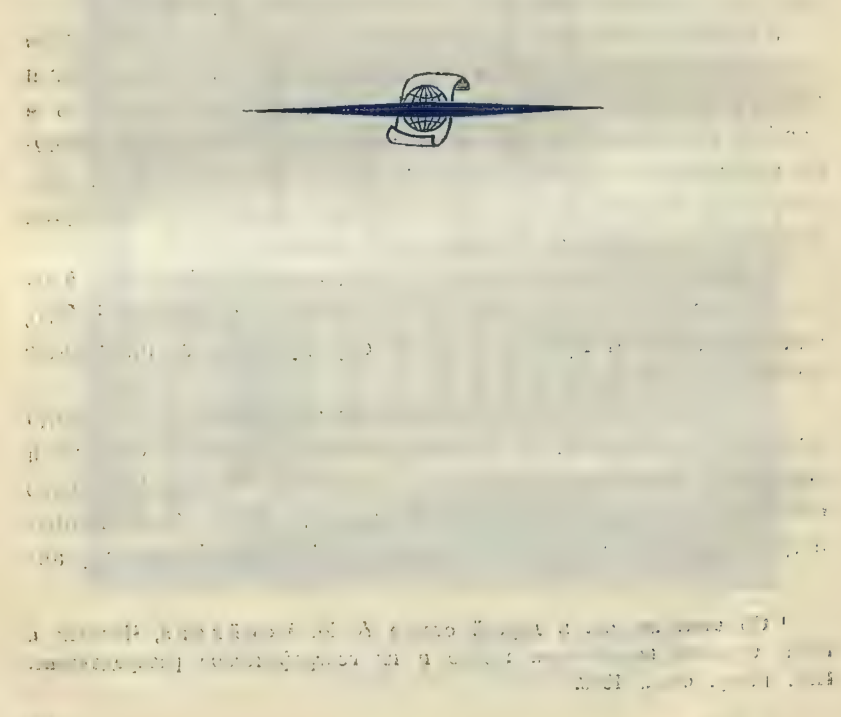
Устраивая большие оросительные системы и таким путем создавая обширные оазисы, человек вместе с тем изменяет и климат пустыни в сторону, благоприятную для человека и вообще органического мира: понижается температура воздуха вследствие затраты тепла на испарение воды и на расщепление углекислоты, увеличивается влажность воздуха, получается защита от горячих, сухих ветров.

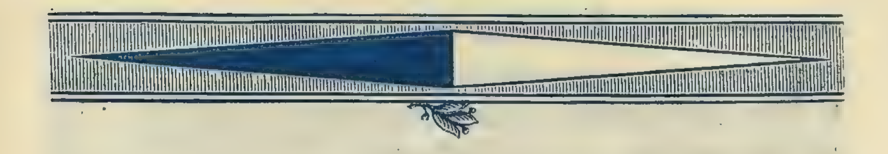
Воейков настаивает на том, чтобы вся вода бассейна Арала была использована для искусственного орошения.[1] Это, как известно, и предполагается осуществить в настоящее время.

Из других антропогеографических трудов Общества надо отметить работу В. П. Семенова-Тян-Шанского «Город и деревня в Европейской России» (Записки Географического общества по отд. статистики, X, вып. 2, 1910). Свое произведение, возникшее под влиянием идей А. И. Воейкова, ав-

[1] Об этом же см. в другой статье А. И. Воейкова, Человек и вода. Способы пользования водою и их географическое распределение. Изв. Геогр. общ., 1909.

тор посвящает этому великому географу, «как дань уважения к той части его более чем двадцатипятилетней деятельности в Географическом обществе, которая не входит целиком в область климатологии, но не менее ее плодотворна». В книге В. П. Семенова есть любопытная карта, изображающая распространение в Европейской России городских строений по типу материала: на богатом лесом севере — область деревянных жилых построек с тесовыми крышами. В средней части господствуют деревянные постройки с железными крышами (иногда, особенно в черноземной полосе, с соломенными). На безлесном юге Украины и на северном Кавказе преобладают каменные дома с железными или черепичными крышами. Черепица проникла сюда, повидимому, из средиземноморских стран.

XIII

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ ГЕОГРАФИИ

Вопрос о сущности географии неоднократно рассматривался Обществом. Еще Петр Петрович Семенов высказывал правильные взгляды на сущность географии, о чем мы уже выше (гл. IV) говорили. Весною 1887 г. Э. Ю. Петри, вскоре ставший первым профессором географии в Петербургском университете, сделал в Географическом обществе доклад на тему «Задачи научной географии».[1] На этом докладе присутствовал товарищ министра народного просвещения. По взглядам Петри, «географии принадлежит вся Земля. Задача географии — понять существо и жизнь нашей Земли. Материал свой география получает от целого ряда наук естественных, исторических, экономических, философских; ее дело свести этот материал в один свод и применить его к полной характеристике Земли» (стр. 604). Конечная цель географии — «понимание бытия нашей Земли». Землеведение, или общая география, распадается на два отдела: астрономическую географию и географию земной поверхности (атмосферы, гидросферы, литосферы, биосферы). Землеведению противопоставляется страноведение, или специальная география, имеющая своим предметом географию отдельных стран.

[1] Изв. Геогр. общ., XXIII, 1887, стр. 591—616 (Ср. также книгу Э. Ю. Петри. Методы и принципы географии. СПб., 1892).

Руководящую роль в страноведении играет человек. Народоведение представляет собою применение этнографии к географии; в таком же взаимном отношении находятся государствоведение, статистика и география, а также «промышленная» (т. е. экономическая) география, политическая экономия и география. Таковы выводы докладчика. Наряду с землеведением и страноведением Петри выделяет еще историю географии, которую он неправильно отождествляет с исторической географией. Напомним, что история географии дает нам картину исторического развития географической науки: с одной стороны, постепенного завоевания человеком земного пространства (другими словами, она излагает историю географических открытий), а с другой,— истории географических идей. Историческая же география имеет своей задачей описание не современных, а минувших географических аспектов (ландшафтов) Земли. Она, уходя в глубь веков, постепенно сливается с археологией и геологией.

Взгляд Петри на географию, как на науку, изучающую земной шар в его целом [1] или же земную поверхность (Рихтгофен) со всех точек зрения, был весьма распространен в конце XIX в. на западе. Несостоятельность этой точки зрения была прекрасно выяснена еще в 1896 г. русским географом Е. Чижовым, а затем в 1905 г. Геттнером в его статье «О сущности географии и ее методах». Оба названных автора указали, что истинная география есть страноведение.

В докладе, сделанном в Географическом обществе в 1913 г., автор настоящей книжки уточнил соображения Геттнера: география есть наука о географических ландшафтах, [2] или, как я теперь предпочитаю говорить,— о географи-

[1] Ср. Г. Герланд. Задачи и разделение географии. Пер. с нем. Изв. Геогр. общ., XXIV, 1888, прилож.

[2] Л. С. Берг. Предмет и задачи географии. Изв. Геогр. общ., LI, 1915, стр. 463—475 (Ср. также Л. С. Берг. Ландшафтно-географические зоны СССР. I, Л., 1930, стр. 5 сл.).

ческих аспектах.[1] Под именем географического аспекта мы понимаем такие совокупности или группировки предметов и явлений, в которых особенности рельефа, климата, вод, растительного и почвенного покрова и животного мира, а также человеческого населения и его деятельности сливаются в единое гармоническое целое, типически повторяющееся на протяжении известной зоны Земли.

Физическая география, или учение о формах поверхности Земли (геоморфология), о водах (гидрология), о воздушной оболочке (метеорология), есть наука, отличная от страноведения, и ее, во избежание недоразумений, не следовало бы называть физической географией. География же исследует, чем и как заполнено пространство внутри естественных границ любого реального земного многообразия.

В тесной связи с вопросами методологии географии стоит вопрос о преподавании географии в высшей школе. Наше Общество занималось последним предметом в связи с тем, что по университетскому уставу 1884 г. в университетское преподавание была введена география. Особой комиссией под председательством П. П. Семенова была составлена, по поручению совета Общества, записка «о постановке преподавания географии в российских университетах». В этой записке совершенно правильно разъясняется, что география изучает «не отдельные явления, а группировку или ассоциации их, а также законы взаимодействия».[2] «Россия,— говорится далее,— по обширности своей территории, по разнообразию климатов, почв и народов, нуждается в университетской кафедре географии гораздо более, нежели какая-либо другая страна. Хотя Россия далеко не бедна славными именами знаменитых путешественников и исследователей, тем не менее число их ничтожно сравнительно с

[1] Изв. Геогр. общ., 1945, № 3.
[2] Изв. Геогр. общ., 1887, стр. 717.

пространством России, да притом большая часть их вырабатывается самостоятельно, без связи с какою бы то ни было школою или даже совершенно случайно; не имея надлежащей географической подготовки, наши исследователи нередко принуждены проходить тернистый путь самообучения». Преподавание географии необходимо организовать на физико-математическом факультете, причем оно должно быть сосредоточено на особом отделении. В отношении программы преподавания географии записка следует в общем тому разделению географии, какое дано в упомянутой выше статье Петри. Кроме описания материков, должен читаться специальный курс отечествоведения (т. е. географии России). Следует учредить особую кафедру антропологии, под каковым именем авторы записки понимают антропологию, этнографию и доисторическую археологию. Далее, студентам, избравшим своею специальностью географию, надлежит слушать, помимо естествознания, еще всеобщую русскую историю, всеобщую литературу, сравнительное языкознание, основания политической экономии. Рекомендовалось ввести, кроме того, статистику. Должно существовать разделение на географов и антропологов.

Этот вполне целесообразный проект был представлен Географическим Обществом в Министерство народного просвещения. Кафедра географии и антропологии была открыта в Петербургском университете на физико-математическом факультете осенью 1887 г., и на нее приглашен профессором Э. Ю. Петри, но особого географического отделения открыто не было. Так продолжалось до 1925 г., когда в составе Ленинградского университета был открыт географический факультет. В настоящее время преподавание географии широко поставлено во всех университетах и педагогических институтах Союза. Уместно отметить здесь следующее. Осенью 1886 г. Министерство народного просвещения и Петербургский университет послали профессора А. И. Воейкова,

занимавшего тогда кафедру метеорологии, за границу для ознакомления с постановкой там преподавания географии в университетах. За границей Воейков пробыл до лета следующего года. Осенью 1887 г. он сделал о своей поездке содержательное сообщение в отделении географии физической нашего Общества.[1] Имелось в виду предоставить кафедру географии в Петербургском университете знаменитому климатологу, географу и путешественнику, деятельнейшему члену нашего Общества А. И. Воейкову, который и сам склонялся к тому, чтобы сменить кафедру метеорологии на кафедру географии. Но тогдашний декан физико-математического факультета профессор А. А. Иностранцев, по личным соображениям, не согласился на эту замену, и на вновь учрежденную кафедру был приглашен Э. Ю. Петри — человек талантливый, но ученый совсем иного калибра, чем Воейков.

ПРОПАГАНДА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Много сделано Географическим обществом для распространения географических знаний. Им выпущено громадное количество инструкций и программ для наблюдений как в области физической географии, так этнографии и лингвистики. Из числа первых упомянем инструкцию для определения высот посредством барометрического нивелирования, для исследования землетрясений, несколько инструкций для изучения озер (из них весьма подробная издана в 1908 г.), ряд инструкций для исследования рек, морских берегов, для

[1] Изв. Геогр. общ. XXIII, 1887, стр. 782—783. Подробные и весьма интересные «Письма из-за границы» А. И. Воейкова печатались в Журнале Министерства народного просвещения, начиная с декабря 1886, в 1887 и 1888 гг. В архиве Географического общества хранится дело 1887 г. «Об учреждении при Обществе комиссии для обсуждения программы преподавания географии в университетах». В этом деле имеются записки А. И. Воейкова и Д. Н. Анучина по вышеупомянутому вопросу.

изучения древнего оледенения, вечной мерзлоты, донного льда, летучих песков, облаков, для ведения метеорологических наблюдений во время путешествий, для записей периодических явлений природы, имеющих сельскохозяйственное значение. Что касается до наблюдений над бытом человека, то изданы, кроме первой, уж упомянутой этнографической программы Надеждина, впоследствии переиздававшейся с исправлениями и дополнениями, программы для собирания народных юридических обычаев, затем пословиц, загадок и т. п., далее — программы для собирания сведений о крестьянских постройках, о свадебных обрядах, о детских играх, о великорусских народных говорах и многие другие.

ФИЛИАЛЫ ОБЩЕСТВА

Мы уже упоминали о том, что в 1851 г. были открыты два отдела Общества: сначала в Иркутске — Сибирский, потом переименованный в Восточно-Сибирский, а затем в Тифлисе (Тбилиси) — Кавказский. С течением времени Восточно-Сибирский отдел открыл в Красноярске подотдел. В 1867 г. в Вильне учрежден Северо-западный отдел, существовавший до 1876 г.; в 1910 г. он был возобновлен и в течение 1910—1914 гг. напечатал 4 книжки своих Записок. В 1868 г. в Оренбурге (ныне Чкалов) основан Оренбургский отдел. За ним последовал в 1872 г. Юго-западный отдел в Киеве, история которого подробно рассказана выше. В 1877 г. начал действовать Западно-Сибирский отдел в Омске, подобно Иркутскому и Кавказскому зарекомендовавший себя большим количеством солидных исследований. С течением времени он открыл подотделы в Семипалатинске и в Барнауле (Алтайский). В 1894 г. был основан в Хабаровске Приамурский отдел с отделениями в Чите, Троицкосавске и Владивостоке (Владивостокское отделение было преобразовано из Общества изучения Амурского края), а затем и в Никольске-Уссурийском. В 1897 г. в Ташкенте открылся

Туркестанский отдел. Наконец, в 1913 г. Якутский отдел — в Якутске. О филиалах Общества, открытых в советское время, будет сказано в следующей главе.

ЗДАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

До 1909 г. Географическое общество помещалось в доме министерства народного просвещения у Чернышева моста, куда оно переселилось в 1862 г. С течением времени это помещение, предоставлявшееся Обществу безвозмездно, понадобилось министерству для расширения 6-й гимназии, находившейся в том же здании. С другой стороны, и Обществу, сильно разросшемуся, было здесь тесно.

Все это заставило совет Общества в 1901 г. поставить вопрос о постройке собственного дома. Смета на это дело была исчислена в сумме 200 000 рублей. После больших настояний со стороны П. П. Семенова Государственный совет в 1902 г. разрешил Географическому обществу обратить его капиталы — неприкосновенный и предназначенные для выдачи премий и медалей — на постройку и обзаведение здания Общества, причем сумму, недостающую до 200 000 руб., государство приняло на свой счет. Было постановлено отпускать на содержание нового здания, по его сооружении, ежегодно 10 тысяч рублей. В результате продолжительных хлопот Общество купило за 30 000 руб. у гимназии, помещавшейся на углу Казанской ул. и Демидова пер., участок земли по Демидову пер., площадью в 1025 м². Здание (Демидов пер., 8-а) было закончено постройкой 28 декабря 1908 г.[1]

Впервые совет Общества, под председательством П. П. Семенова, собрался в новом доме 7 октября 1909 г. Первое заседание общего собрания в собственном помещении происходило 14 октября 1909 г. Вице-председатель Общества П. П. Семенов, открывая собрание, выразил свою

[1] Архив Геогр. общ., дело № 11, начатое 20 августа 1901 г.

радость по поводу того, что он, после полувекового служения Обществу, имеет счастие встретить членов Общества впервые в их собственном доме, который, говорил он, «столько лет представлялся нам только землею обетованною. Уверен, что вы найдете эту обетованную землю вполне соответствующей тем славным страницам, которые были внесены не только в русскую географическую науку, но и в историю русского просвещения вашими коллективными трудами». На этом заседании присутствовал П. К. Козлов, только что вернувшийся из своего путешествия по Монголии с богатыми археологическими материалами, добытыми в Харахото. Затем секретарь Общества сообщил о том, какие трудности пришлось преодолеть, чтобы перевезти в новое помещение библиотеку Общества, состоявшую более чем из 100 тысяч томов. Необходимо было переставить книги из старых шкафов на новые железные полки протяжением до 2 км, притом не меняя у книг шифра, т. е. не нарушая порядка в каталоге. Стараниями библиотекаря Е. В. Разумовской и помощника библиотекаря И. П. Мурзина это было осуществлено, причем книги выдавались и принимались даже во время переезда.[1]

ПРИЕМ В ЧЛЕНЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ЖЕНЩИН

Известно, какие трения вызвал в Лондонском географическом обществе вопрос о допущении женщин в число членов этого учреждения. Еще в 1847 г. было предложено принимать женщин в состав этого общества, но совет отверг такое новшество. Безуспешны были и через сорок лет попытки предоставить женщинам право вступления в члены. В 1893 г. борьба в Лондонском обществе приняла острый характер, и лорд Керзон, впоследствии президент Общества, писал в газете «Таймс»: «Мы вообще целиком отрицаем спо-

[1] Изв. Геогр. общ., 1909, действия Общества, стр. 37—38.

собность женщин содействовать научному географическому знанию, а тот род женщин, профессиональных мировых путешественниц, с которыми нас в последнее время познакомила Америка, есть один из ужасов конца XIX века». Вопреки мнению совета и президента, общее собрание отвергло допущение женщин. В знак протеста секретарь Общества, известный географ Фрешфилд, сторонник женщин, сложил с себя секретарские обязанности. И только в 1913 г. вопрос был разрешен в благоприятном для женского пола смысле, причем, по иронии судьбы, на стороне женщин был на этот раз и лорд Керзон, президент общества.[1]

Ничего подобного в нашем Обществе не бывало. Устав Русского географического общества, как, впрочем, и Лондонского, никаких ограничений в отношении женщин не содержал. И вот, 20 мая 1877 г. в число членов-сотрудников были приняты две женщины — О. А. Федченко, известная путешественница по Туркестану, вдова А. П. Федченко, и А. Я. Ефименко, этнограф, автор работы «Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов», помещенной в «Записках» по отделению этнографии, том VIII, 1878 г. Первой женщиной, избранной действительным членом, была Зинаида Федоровна Радченко, собиравшая белорусские и украинские народные песни в Гомельском уезде Могилевской губернии. Радченко была предложена И. В. Мушкетовым и Ф. Н. Чернышевым и избрана 8 марта 1887 г. Обстоятельный отчет З. Ф. Радченко помещен в вышеупомянутом издании Общества за 1888 г. Из других известных женщин, членов нашего Общества, надо упомянуть о А. В. Потаниной, жене и спутнице знаменитого путешественника Г. Н. Потанина, скончавшейся в Китае во время одной из экспедиций. Она была избрана членом-сотрудником 1 мая 1887 г. Никаких вопросов в связи с избранием всех этих выдающихся женщин в Обществе не возникало, и они в обычном порядке

[1] Обо всем этом можно прочитать у H. R. Mill. The record of the R. Geographical Society. London, 1930, p. 107—112, 182.

проходили в члены. За советское же время ряд женщин выдвинулся на руководящие посты в обществе, так, с 1940 г. членом совета состоит почвовед З. Ю. Шокальская, ныне и. д. вице-председателя Общества, а в заседании Общества 25 мая 1945 г. помощником председателя отделения этнографии избрана Н. П. Гринкова, работающая над изучением быта русского народа.

МЕДАЛИ И ПРЕМИИ ОБЩЕСТВА[1]

Мы уже упоминали, что в 1846 г. была учреждена большая золотая Константиновская медаль, которая присуждалась ежегодно, по очереди, каждым отделением Общества за «всякий необыкновенный и важный географический подвиг, совершение которого сопряжено с трудом и опасностию», а также за всякие труды, существенно подвинувшие географическую науку. Первым получил эту медаль Э. К. Гофман (см. выше).

В 1858 г. Общество учредило малые золотые, серебряные и бронзовые медали в награду за труды в кругу деятельности Общества. Малых золотых медалей выдавалось не более 4 в год, число серебряных и бронзовых не ограничивалось.

В 1873 г. была учреждена большая золотая медаль имени Ф. П. Литке, которая выдавалась за «всякого рода самостоятельные исследования, в коих физическая география играет видную роль». Право на получение ее имели и иностранные ученые, содействовавшие физико-географическому изучению России. Впервые эта медаль присуждена в

[1] Положение о медалях, присуждаемых Имп. русским географическим обществом. СПб., 1903, изд. Географич. общ. Список лиц, удостоенных наградами Географического общества со времени его основания по 1907 год, напечатан в Отчете Общества за 1907 г., СПб., 1908, стр. 149—198.

1874 г. К. С. Старицкому за гидрографические исследования в Тихом океане и Н. Л. Пущину за магнитные наблюдения на Каспийском море.

В 1879 г. основана большая золотая медаль за труды в области этнографии и статистики. Она выдавалась по представлениям соответственных отделений и могла присуждаться и лицам, не состоявшим членами Общества. Впервые получили эту медаль Н. И. Золотницкий за чувашско-русский словарь и В. И. Орлов за статистические исследования, выполненные по поручению Московского губернского земства.

В 1891 г. учреждена серебряная медаль в память заслуг Н. М. Пржевальского, приравниваемая к малым золотым медалям Общества. Она выдавалась исключительно за путешествия как членам, так и не членам Общества. Впервые выдана К. И. Богдановичу, П. К. Козлову и В. И. Роборовскому за труды по изучению природы Центральной Азии.

Одновременно учреждена премия имени Н. М. Пржевальского для поощрения трудов русских путешественников. Впервые она присуждена Г. Е. Грум-Гржимайло за путешествие по Центральной Азии.

Кроме того, в течение 1847—1861 гг. Обществом присуждались учрежденные коммерции-советником Жуковым премии в размере 500 руб. за статистические труды. Первую премию получил Г. П. Небольсин за статистическое обозрение внешней торговли России.

В 1910 г. учреждена премия имени А. А. Тилло для поощрения изучения России в области математической и физической географии. Впервые она присуждена Г. Е. Грум-Гржимайло за его труд «Западная Монголия и Урянхайский край».

XIII

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ЗА СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

С момента установления в стране Советской власти Общество ни на минуту не прекращало своей деятельности. Как отмечается в составленном секретарем Общества В. Л. Комаровым (бывшем позднее почетным президентом его) отчете о первом пятилетии существования Общества при Советской власти,[1] Правительство, в лице Народного комиссариата по просвещению и его органов, с самого начала пришло на помощь Обществу и продолжало оказывать ему полную и неизменную поддержку. Одним из последних по времени актов положительной оценки деятельности Общества является включение его в число учреждений Академии Наук СССР.

В 1941 г. Общество получило наименование Всесоюзного.[2]

СОСТАВ ОБЩЕСТВА

О том, что в первые годы Советской власти Общество пользовалось большим авторитетом, можно судить по тому, что к концу 1922 г. в нем числилось 858 членов.

[1] Изв. Геогр. общ., том 55 (1919—1923), Птг., 1924, стр. 173.

[2] До того, с 1926 г. оно называлось Государственным, а ранее Русским географическим.

После смерти П. П. Семенова-Тян-Шанского (26 февраля ст. ст. 1914 г.) на пост вице-председателя Общества был избран известный географ Юлий Михайлович Шокальский. Он родился в Петербурге 5 октября 1856 г. в семье юриста. Мать Юлия Михайловича, урожденная Керн, была дочерью А. П. Керн, воспетой Пушкиным. Часть своего детства Юлий Михайлович провел в Тригорском (быв. Псковской губернии), где еще жили воспоминания о великом поэте. По образованию Шокальский был моряком. По окончании морского училища он поступил в Военно-морскую академию, которую окончил в 1880 г. по гидрографическому отделению. Затем Юлий Михайлович определился в Главную физическую обсерваторию, где заведывал отделением морской метеорологии. Свыше 25 лет Ю. М. Шокальский был преподавателем математики, навигации, гидрографии, океанографии и метеорологии в морском училище. С апреля 1882, и по день смерти (1940), в течение 58 лет Юлий Михайлович состоял членом Географического общества. С 1891 по 1907 г. заведывал морской библиотекой в адмиралтействе. С 1910 г. был профессором физической географии и океанографии в Военно-морской академии, в Военно-инженерной академии, в женском Педагогическом институте и в Ленинградском университете. Многочисленные ученики Шокальского рассеяны по всему нашему отечеству.

Экспедиционная деятельность Юлия Михайловича относится к области озероведения и океанографии. В течение четырех сезонов им исследовалось Ладожское озеро в термическом отношении. С 1924 по 1927 г. Ю. М. Шокальский был начальником океанографической экспедиции Черного моря, снаряженной по его инициативе.

Шокальский работал в различных областях географических наук; у него есть труды по метеорологии, океанографии, лимнологии, картографии, гипсометрии, истории географических исследований. В 1905 г. вышла большая работа Юлия Михайловича, сделанная совместно с А. А. Тилло:

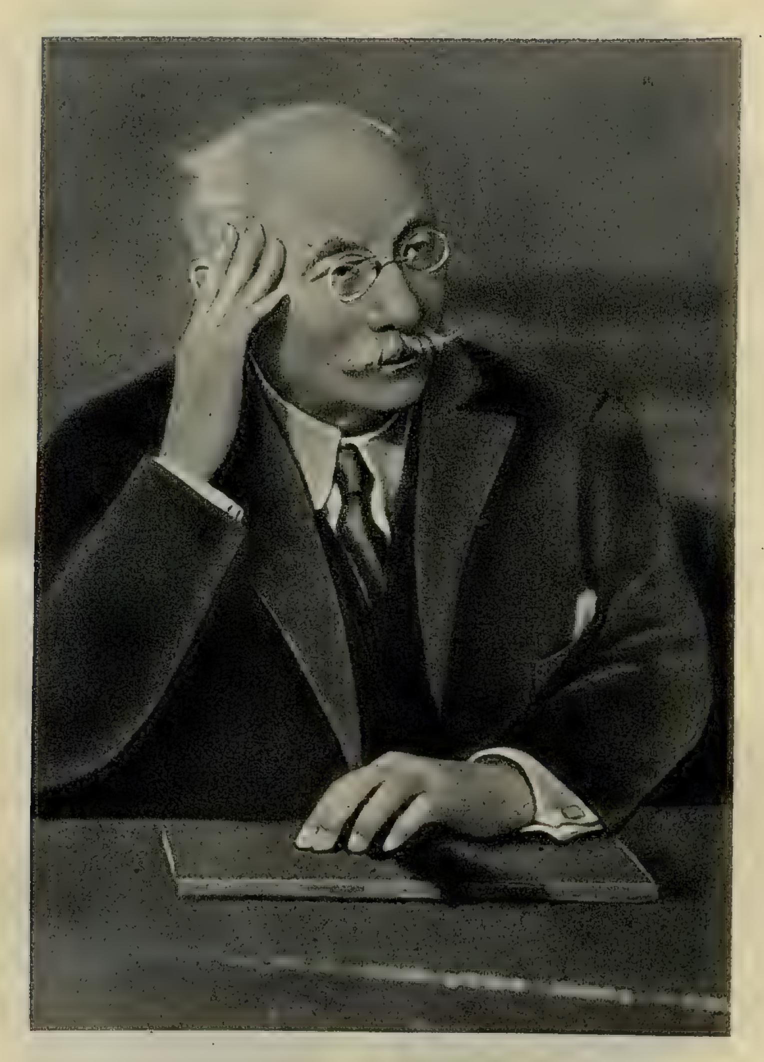
«Исчисление поверхности Азиатской России». Много труда было положено Юлием Михайловичем на «Свод нивелировок железных дорог Европейской России и каталог высот над уровнем моря железнодорожных станций» (три выпуска. 1917, 1926, 1930). Наконец, в 1930 г. вышла в свет работа Шокальского «Длина рек Азиатской части СССР». Широко известно его руководство «Океанография», впервые изданное в 1917 г. В переработанном и сокращенном виде эта книга вышла в 1933 г. под названием «Физическая океанография».

С тех пор как в 1914 г. Шокальский был избран вице-председателем Географического общества, ни одно начинание, ни большое, ни маленькое, ни научное, ни практическое, не осуществлялось в Обществе без его руководства, помощи или совета. В качестве должностного лица Юлий Михайлович работал в Обществе с осени 1886 г., когда он был приглашен на должность секретаря отделения физической географии.

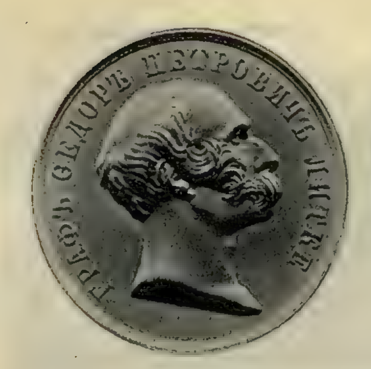
Юлий Михайлович был ревностным сторонником издания миллионной карты всего мира. Проект этого предприятия деятельно обсуждался Географическим обществом. Под руководством Юлия Михайловича Общество готовилось к международному географическому конгрессу, который должен был состояться в 1916 г. в Петербурге. Однако наступившая война прекратила подготовку.

11 марта 1917 г. председатель Общества вел. кн. Николай Михайлович, состоявший в этой должности с 1892 г., письмом на имя Юлия Михайловича, сложил с себя полномочия председателя,[1] после чего на его место был предложен Ю. М. Шокальский. За советское время Юлий Михайлович неоднократно представлял наше Общество на международных конгрессах за границей. Во главе Общества Юлий Михайлович оставался до мая 1931 г., когда он получил звание почетного председателя. 26 марта 1940 г. Ю. М. Шокальский скончался на 84-м году жизни.

[1] Архив Геогр. общ., журнал заседаний Совета за 1917 г.

Юлий Михайлович Шокальский
1855—1940

Золотая медаль Географического общества имени Ф. П. Литке

Золотая медаль Географического общества имени П. П. Семенова

Золотая медаль Географического общества по отделениям статистики и этнографии

14 мая 1931 г. на должность председателя Общества был избран известный путешественник и исследователь культурных растений академик Николай Иванович Вавилов (род. 1887). Сообщим некоторые данные о его географических исследованиях.

В 1924 г. Н. И. Вавилов совершил большое путешествие по Афганистану, имея в виду, главным образом, изучить земледелие в этой стране. Экспедиция впервые посетила, между прочим, трудно доступную, совсем не исследованную западную часть Кафиристана — страны, расположенной на границе с Индией. В книге «Земледельческий Афганистан» (1929) Н. И. Вавилов дает обстоятельное географическое описание Афганистана (с картой в масштабе 1 : 2 000 000).

Количество населения в Афганистане, точно не известное, определяют цифрами от 5 до 8 миллионов. Из них около трети кочевников, остальные — земледельцы. Северный Афганистан занят теми же народами, что обитают в пограничных местах Советского Союза: в Туркмении, Узбекистане, Таджикистане. Жители Балха, например, ничем не отличаются от узбеков Узбекистана. В Бадахшане, а также по северному и южному склонам Гиндукуша живут народы, говорящие на языках, родственных персидскому, и близкие к нашим памирским горцам — «гальчá». В средней части горного Афганистана живут хазарà — народность монгольского происхождения, но говорящая на персидском языке. Основное население страны — это афганцы или патаны. Они говорят на языке пушту, относящемся к группе иранских, но резко различном от персидского. Особую группу составляют кафиры. Среди них попадаются индивиды с русыми волосами и светлыми глазами. Кафиристан дословно значит «страна неверных», но в 1895 г. войска афганского эмира Абдуррахмана вторглись сюда и насильственно обратили население в мусульманство; по этому случаю эмир принял титул «свет единения и истинной веры». Следует прибавить, что покорение и обращение кафиров в ислам сопровождалось ужасными жестокостями и грабежами.

Экспедиция пересекла северную границу Кафиристана через перевал Парун, расположенный в основном массиве Гиндукуша на громадной высоте в 4760 м. Никаких следов дороги здесь не было видно, и проводники вели караван по приметам, известным им одним. На южном склоне первый кафирский поселок появляется на высоте около 3000 м. Разводят здесь ячмень, пшеницу, рожь, горох, сурепку, чечевицу. Население говорит совсем на другом языке, чем на северном склоне Гиндукуша. Километрах в двухстах отсюда, на высоте около 2750 м, дорога вступает в типичную горную тайгу с преобладанием хвойных — настоящего гималайского кедра и сосен; из лиственных деревьев встречаются грецкий орех, клен, дуб с колючими листьями, близкий к падубу. С высоты 1900—2000 м начинается сплошной дубовый лес. В кишлаке Вама (1800 м) можно видеть деревянные многоэтажные избы, прилепленные к склону горы, словно птичьи гнезда, на высоте 400—500 м над дорогой. Язык здесь свой, которого проводники не понимают. Мужчины и дети ходят в козьих шкурах, шерстью внутрь, без рукавов. «Так, вероятно, одевались первые люди земли». Наоборот, женщины сравнительно нарядны в своих синих и красных платьях. В ушах у них огромные серебряные серьги до 8 см длиной; лица татуированы. Ходят женщины открыто. Здесь сеют пшеницу, просо, сорго, кукурузу, табак, арбузы. Около жилья попадаются кусты винограда. Вскоре за Вамой Кафиристан кончается.

Экспедицией Вавилова впервые точно определены северные и южные границы Кафиристана. Здесь существует такое же разнообразие языков, как и у нас на западном Памире. Кафирские слова, записанные Н. И. Вавиловым в кишлаке Пронз, явно индоевропейского корня: корова — *го* (по-персидски *гау*, ср. русское *говядина*), вода — *аво* (персид. *аб*), 2 — *до*, 3 — *тре*, 4 — *чутво*, 5 — *путч* и т. д., день — *эвос* (ср. греч. eos), я — *уза* (ср. слав. *аз*), ты — *тю*, солнце — *сун*, глаза — *оче*, дорога — *пут*.

Весьма подробно обследованы Н. И. Вавиловым культурные растения Афганистана. На первом месте стоит пшеница, затем идут ячмень, рис, горох, бобы, чечевица, чина и лобия. В районах, примыкающих к Индии, распространена кукуруза, занимающая после пшеницы второе место. Вслед за зерновыми и бобовыми, по размеру посевных площадей, идет хлопчатник, далее масличные культуры (лен, кунжут и др.).

Верхняя граница возделываемых растений заходит в Афганистане очень высоко: на 3400 м встречаются посевы ячменя, на 3300 м яровая пшеница, на 3150 м яровая рожь, на 2900 м абрикос, на 2800 м озимые пшеница и рожь, на 2250 м виноград и айва. Исследование собранных экспедицией 600 образцов пшениц из Афганистана обнаружило поразительное ботаническое разнообразие этой культуры. По богатству разновидностей мягкой и карликовой пшеницы эта страна стоит на первом месте в мире. Замечательно нахождение в высокогорном Бадахшане особых безъязычковых форм пшеницы, свойственных также пограничным районам Таджикистана.

При самом въезде в Гератский оазис экспедицией был обнаружен чрезвычайно любопытный факт — засорение посевов пшеницы особою ломкою разновидностью ржи. Колос этой ржи распадается при созревании на отдельные колоски, которые осыпаются на землю и засоряют почву, подобно тому как это характерно для овсюга — обычного сорняка наших хлебов. Таким путем рожь в Афганистане сама себя рассеивает при созревании. Это обстоятельство, как указывает Н. И. Вавилов, имеет исключительно важное значение для объяснения происхождения культуры ржи. Во всей юго-западной Азии рожь является сорно-полевым растением. По имеющему весьма многое за себя предположению Н. И. Вавилова, сорная рожь в условиях сурового горного и северного климатов вытесняла более требовательную пшеницу и таким путем превратилась в самостоятельную культуру. Рожь, засоряющая посевы пшеницы в Средней Азии, обла-

дает неломким колосом; она убирается в амбар вместе с пшеницей. В Афганистане же встречена особая разновидность — с ломким колосом. Здесь ко времени уборки хлеба поверхность земли на полях пшеницы нередко покрыта огромным количеством колосков ломкой ржи. Под Кабулом ее приходится сметать с полей перед вспашкой под другой хлеб. Местами, где этого не делают, можно встретить посевы пшеницы, в которых до половины ржи. Надо еще прибавить, что в Афганистане пшеница засоряется не только ломкой рожью, но и неломкой. Между ломкой и неломкой рожью существует ряд переходных форм. «На базаре в Кабуле можно проследить на образцах всю эволюцию ржи от типичного сорняка до самостоятельной чистой культуры».

Широко распространен, как и у нас в Туркмении, дикий ячмень (*Hordeum spontaneum*), ближайший родич культурного ячменя. Дикий ячмень представлен преимущественно озимыми формами, т. е. такими, которые не колосятся в первый год при высеве весной. Культурный ячмень возделывается как хлебное растение, заменяя в горных районах пшеницу. Овес совершенно не известен в Афганистане, так же как и в Иране; не было его и в Туркестане до прихода русских. Несмотря на отсутствие культуры овса, его ближайшие родичи, овсюги, встречаются в Афганистане в огромном количестве, составляя бич полей пшеницы и ячменя.

На востоке Афганистана возделывают сахарный тростник — единственное здесь сахаристое растение. На базарах в Кабуле можно видеть целые ряды лавок, продающих куски твердого выпаренного из тростника сахара, с карамельным вкусом, весом от 150 до 250 г. В районе Джелалабада сахарный тростник употребляется в сыром виде: ножом отделяют сердцевину из стеблей, режут на куски и подают на стол вместо сахара. Сахарный тростник пришел в Афганистан из Индии, где он разводится с древнейших времен.

«Конские» бобы (*Vicia faba*) составляют основное питание горного населения. На улицах Кабула продаются варе-

ные бобы — обычное национальное блюдо. В Бадахшане из бобов готовят муку. Разводят в Афганистане и много других бобовых: горох, чечевицу, нут, маш и другие.

Лен возделывается исключительно ради масла, а не как волокнистое растение. Мак сеют из-за опиума («терnак»), коноплю — из-за гашиша («анаша»). Хлопчатник представлен преимущественно типичной азиатской гузой, называемой здесь *пахта̀* или *пембе*. Но встречаются и американские упланды. В общем, в 20-х годах хлопчатник, в отличие от Туркестана, составлял в Афганистане второстепенную культуру.

Основное питание земледельца в Афганистане — это в летнее время хлеб и дыня. Осенью все здешние базары завалены дынями, арбузами, тыквами. Северный Афганистан есть царство дикой мелкоплодной дыни, которая засоряет здесь посевы кукурузы, джугары, хлопчатника. Плоды этой дыни мелкие, величиной от размера сливы до 20 см. На кусте бывает много дынь, иногда до сотни. Мясо кислое или горькое. Но есть формы, которые при созревании делаются ароматными и годятся в пищу в сыром или вареном виде. Культурная дыня по-афгански называется *карбуз*, в северном же Афганистане у туркменов и узбеков — *кавун*. Качество дынь Афганистана невысокое; их нельзя сравнить с знаменитыми «чарджуйскими». Замечательна разводимая здесь *тарра̀* — особая разновидность дыни, нечто среднее по форме и по вкусу между дыней и огурцом. Плоды длинные и узкие, до полутора метров длиной; мясо очень рыхлое, сочное. Наиболее разнообразные формы тарры встречаются в Малой Азии. Название арбуза в северном Афганистане *гарбуз*. Здесь Н. И. Вавилов обнаружил форму арбуза с оранжево-желтой корой; по внешнему виду этот плод скорее напоминает тыкву, чем арбуз.

На юге Афганистана, в песках, большим распространением пользуется дикий арбуз, или колоквинт, достигающий размеров крупного апельсина, но совершенно несъедобный. Плоды его созревают только в ноябре, декабре. Основная

область распространения дикого арбуза — это Африка, откуда вышел и культурный арбуз.

Из плодовых деревьев на севере встречаются в изобилии урюк, персик, инжир, айва, гранат, джида, унаби, миндаль. Кандагар изобилует гранатами. В Джелалабадской низменности разводят лимоны, апельсины, финиковую пальму. В Бадахшане из плодов шелковицы (*тут*) готовят муку, которая служит основой питания. Преобладает белая шелковица. Абрикос, или в Средней Азии *урюк*, в Афганистане называется *зард-алу*, или «желтая слива»; от этого же корня происходит название «жардели», применяемое в Бессарабии к мелкому сорту абрикоса. В Афганистане множество сортов этого плодового дерева. Персик называется здесь *шафт-алу* (ср. «шептала»); есть великолепные сорта; встречаются и голые персики — нектарины. Миндаля (*бадан*) много разводят на севере; здесь множество рас миндаля; есть крупноплодные, с косточками до 5 см длиной, но есть и мелкие, едва больше 2 см. Осенью и зимой базары Герата и Кандагара завалены плодами айвы великолепного качества; айву употребляют в свежем, вареном и печеном виде; идет она и на приготовление разных сластей. По форме есть плоды айвы, напоминающие яблоко, и есть приближающиеся к груше. Зимою на базаре Кандагара множество превосходных крупных (до 18 см в диаметре) гранатов, с сочной красной мякотью. Попадаются гранаты и с белой мякотью. В большом количестве возделывается фиговое дерево, или инжир (и по-местному *инжир*), который местами встречается и в диком виде, но дикий имеет мелкие соплодия. Яблоки и груши неважного качества. Слива бывает сине-фиолетовая (*алу-сиа*) и желтая (*алу-зард*). Апельсины (*наранж*, ср. франц. *orange*) и лимоны (*лемон*) растут в садах, в которых, кроме того, можно встретить магнолии, бамбук и иногда банан. Качество плодов низкое. Изредка попадаются померанцы с человеческую голову. Финики (*хурма̀*) вызревают только в Джелалабаде и в Сейстане. Северный Афганистан

изобилует дикой фисташкой (*писта*), которая в культуре не встречается; орехи дикой фисташки усердно собираются населением. Наряду с абрикосом и шелковицей, виноград принадлежит к числу важнейших плодовых пород Афганистана. Виноград называют здесь персидским именем — *ангур*, а сушеный — *кишмиш*. Встречаются сорта с плодами до 2½ см длиной и больше.

В 1927 г. Н. И. Вавилов совершил большую экспедицию по Абиссинии с целью изучения сельского хозяйства этой страны. Об этой экспедиции путешественник сообщил в общем собрании Географического общества 21 октября 1935 г. В течение четырех месяцев было пройдено около 2 тыс. километров. Верхняя граница растениеводства здесь располагается очень высоко, на 3700 м. На такой высоте разводят голозерный ячмень. Основная пшеничная зона Абиссинии сосредоточена в пределах от 2000 до 2800 м. Замечательно, что твердые пшеницы, более требовательные к теплу, поднимаются здесь выше, чем мягкие, именно до 3000 м. Н. И. Вавиловым обнаружено замечательное своеобразие абиссинской флоры культурных растений, наличие здесь самостоятельных видов и родов. По числу ботанических разновидностей пшеницы маленькая горная Абиссиния должна быть поставлена на первое место на земном шаре. Во всем мире известно 650 форм пшеницы, из них на долю горной Абиссинии приходится 250. Н. И. Вавилов рассматривает Абиссинию как самостоятельный очаг мирового земледелия, где на основе своей богатой дикой растительности была создана собственная культурная флора. «Этот факт свидетельствует о том, что данная культура является более древней, чем об этом свидетельствуют известные нам исторические и археологические документы».

Оказалось, что ячмени Абиссинии превосходно идут в Ленинградской области и даже за Полярным кругом, в Хибинах, не уступая нашим лучшим сортам. В северной Абиссинии экспедиции удалось найти безостые твердые пшеницы, о существовании которых в природе раньше делались

только предположения. Для советской селекции эти пшеницы представляют практический интерес.

В 1929 г. Н. И. Вавилов посетил с агрономическими целями Синь-цзянскую провинцию Китая. В 1930 и 1932—1933 гг. он совершил большое путешествие по Северной, Центральной и Южной Америке, во время которого посетил Эквадор, Перу, Чили, Боливию, Бразилию и Аргентину. В «Известиях» Географического общества за 1939 г. (№ 10) Н. И. Вавилов сообщил о своих исследованиях относительно земледелия доколумбовой Америки.

Главными земледельческими районами в Северной Америке были до прихода европейцев Мексика и Центральная Америка, а в Южной Америке — главным образом Перу и Боливия. Основной особенностью древней мексиканской земледельческой культуры, связанной в основном с народом майя, является отсутствие сельскохозяйственных животных, если не считать индейки, мелкой утки, пчелы-мелипоны и кошенили. Все полевые работы производились вручную. До сих пор на Юкатане в лесной области выжигают лес, при помощи деревянной палки делают углубления в почве и в них засевают кукурузу, тыкву, фасоль и прочее. Еще с самого начала земледелия кукуруза в Мексике и прилегающих районах Центральной Америки являлась основной культурой. Дикие формы кукурузы до сих пор неизвестны; полагают, что культура возникла, в результате отбора, из дикого злака теосинте. Упомянутая территория чрезвычайно богата сортами культурной тыквы, перца, какао, не говоря уже о кукурузе. Здесь же родина прядильной агавы, а также важнейшей группы культурных хлопчатников, представителем которых является обычный «упланд». Возможно, что и сладкий картофель-батат (ипомея) ведет начало в основном из Центральной Америки. Здесь же множество туземных видов плодовых, каковы анона, папайя, или дынное дерево, и другие. Для изготовления своеобразной бумаги, заменявшей папирус, в Мексике во время глубокой древности использовались разные виды агавы.

Н. И. Вавилов утверждает, что земледельческая культура Мексики и Центральной Азии возникла самостоятельно и независимо от влияния Старого Света. Насколько известно, только одно растение Старого Света достигло в доколумбовские времена Нового Света, где оно и возделывалось земледельцами Центральной Америки; это — горлянка (*Lagenaria vulgaris*), плоды которой употреблялись в качестве посуды. Возможно, говорит Вавилов, что горлянка была принесена к берегам Нового Света океаническими течениями.

Как сказано, земледельцы Нового Света не пользовались животными при обработке полей. Даже лама в Перу употреблялась как вьючное животное, а также на шерсть и мясо. Мало того, в Америке не знали железных орудий.

В Мексике встречается несколько видов дикого картофеля, некоторые из которых местным населением употребляются в пищу, но определенных данных о культуре картофеля в Мексике и Центральной Америке до Колумба — нет.

Переходя из Центральной Америки в Южную, путешественик попадает на нагорьях Перу и Боливии в новый мир, с совершенно своеобразной дикой и культурной флорой. Здесь развито оригинальное животноводство — разведение лам и альпак. В Боливии, около Лапаса, можно встретить диких родичей ламы — вигонь и гуанако; из них последняя дает с ламой плодовитые помеси. Для перевозки грузов идут только самцы лам. Ни альпака, ни лама не используются ради молока. Древние земледельцы нагорий Перу и Боливии впервые ввели в культуру картофель, но не обыкновенный картофель, ныне распространившийся и на Старый Свет, а другой вид, андийский картофель. В качестве зерновых культур здесь разводятся два вида лебеды. Здешнее горное земледелие возникло совершенно независимо от Центральной Америки и Мексики.

Наш обыкновенный культурный картофель был впервые введен в культуру в Южном Чили.

Бразилия дала миру маниок, ныне заменяющий в тропи-

ческой Южной Америке картофель; отсюда же происходят земляной «орех» и ананас.

Такова, в основном, земледельческая культура Америки до прихода европейцев. О том, чем обязано человечество Мексике и Центральной Америке, можно судить по тому, что культура кукурузы занимает в настоящее время более 90 миллионов гектаров во всем свете, американского хлопчатника — свыше 40 миллионов, картофеля — 20 миллионов.

7 декабря 1940 г. председателем Общества избран почетный член Общества Лев Семенович Б е р г (род. 1876), состоящий в этой должности по настоящее время. Об его исследованиях на Аральском море сказано выше. Кроме того, он изучал озера Омского уезда, Балхаш и Иссык-куль, работал в области климатологии, страноведения СССР, истории географической науки и зоогеографии (изучая преимущественно рыб).

С 10 марта 1918 по 14 мая 1931 г. секретарем Общества и редактором его «Известий» был Владимир Леонтьевич К о м а р о в, с 1920 г. академик, а затем до июля 1945 г. президент Академии Наук СССР. Своему почетному члену Владимиру Леонтьевичу, о трудах которого говорилось выше, Географическое общество многим обязано.

С 1931 по 1938 г. секретарем Общества состоял один из его деятельнейших и старейших членов, известный исследователь Сибири, Манджурии и Средней Азии, профессор Ленинградского университета Яков Самойлович Э д е л ь ш т е й н (род. в 1869 г.), много сделавший для развития географической (и геологической) науки в Союзе. Эдельштейн был деканом географического, а также геологического факультетов Ленинградского университета. Его перу принадлежит известное руководство «Основы геоморфологии» (1938). Яков Самойлович имеет множество учеников — географов и геологов. Он изучал с геологической и геоморфологической точек зрения Сихотэ-алинь, Манджурию, Саяны, Памир, Западно-Сибирскую низменность, Урал.

С 1938 по 1940 г. должность секретаря занимал фитогеограф Алексей Порфирьевич Ильинский, автор книги «Растительность земного шара» (1937); вплоть до своей кончины (октябрь 1945 г.) он был председателем Биогеографического отделения. С 1940 г. и поныне секретарем состоит гляциолог профессор географии Ленинградского университета Станислав Викентьевич Калесник, автор «Общей гляциологии» (1939) и «Общего землеведения» (печатается), много лет занимавшийся исследованиями в Тянь-шане, плававший в Арктике.

Председателем отделения физической географии с 1921 по 1939 г. был исследователь Забайкалья и северного Кавказа, геолог Александр Павлович Герасимов, ныне покойный. С 1939 г. это место занимают гидрограф вице-адмирал Николай Николаевич Матусевич, известный своими работами на Севере, и профессор Сергей Владимирович Обручев, путешественник и исследователь Тунгусского бассейна, хребта Черского, Чукотской земли и Саян, автор многочисленных трудов по геологии и географии Сибири.

Во главе отделения этнографии стоял до мая 1931 г. ориенталист и путешественник академик С. Ф. Ольденбург. В мае 1945 г. председателем избран этнограф Н. Н. Степанов, заместитель директора Этнографического института Академии Наук.

Отделением статистики заведывал с 1918 по 1932 г. известный географ Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский, много работавший в области статистики, экономической географии и антропогеографии. Он скончался в Ленинграде 8 февраля 1942 г. По идее Вениамина Петровича в Ленинграде был основан в 1919 г. Государственный центральный географический музей, первым директором которого был назначен Вениамин Петрович. Он сумел привлечь к этому делу крупные научные силы, и вскоре музей вырос в первоклассное учреждение, равного которому не имелось ни у нас, ни за границей. Вениамин Петрович является автором капи-

тального труда «Торговля и промышленность Европейской России по районам» (1902—1911), к которому приложена замечательная карта торгово-промышленных районов (масштаб 1 : 680 000).

В 1922 г. Вениамин Петрович предпринял большой труд — издание десятиверстной карты плотности населения нашего отечества. В течение 1922—1928 гг. ему удалось опубликовать 47 листов этой карты. В. П. Семенов-Тян-Шанский является автором руководств «Район и страна» (1928) и «Суша и моря СССР» (1937).

С преобразованием отделения статистики в отделение экономической географии, реформой, которую нельзя не назвать целесообразной, во главе отделения стал в 1939 г. профессор Ленинградского университета и декан географического факультета Виктор Морицович Штейн, автор ряда трудов по экономической географии.

Председателем отделения истории географических знаний состоял акад. И. Ю. Крачковский, а затем, после отказа его, в 1944 г. его место временно занял председатель Общества Л. С. Берг.

Из числа видных членов Географического общества, скончавшихся в течение последней четверти века и не упомянутых выше, необходимо сказать о следующих. Известный путешественник по Центральной Азии, почетный член Г. Е. Грум-Гржимайло был вице-председателем Общества с 1920 по 1931 г. Всего десять лет тому назад скончался неутомимый сподвижник Пржевальского, почетный член нашего Общества П. К. Козлов, совершивший, по поручению Общества, уже в советское время обширную экспедицию в Центральную Азию. Близкое участие в делах Общества принимали: известный геолог и вулканолог академик Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, фитогеограф профессор Н. И. Кузнецов, ориенталист академик В. В. Бартольд, председатель ученого совета Гос. института опытной агрономии В. И. Ковалевский, климатолог профессор А. А. Каминский, почвовед профессор С. С. Неуструев, из-

вестный океанограф и зоогеограф К. М. Дерюгин (1878—1938), исследователь дальневосточных морей, далее гидрограф М. Е. Жданко, автор весьма ценной книги «Туркестанский край» В. И. Масальский, климатолог А. В. Вознесенский, астроном В. В. Ахматов, геодезист Н. Я. Цингер, этнографы Д. К. Зеленин и С. И. Руденко.

К 1 июля 1945 г. старейшими членами нашего Общества, избранными свыше сорока лет тому назад, являлись:

1) Обручев В. А., академик, почетный член Общества, избран в д. чл. 7 октября 1887 г.
2) Комаров В. Л., академик, почетный член Общества, избран в д. чл. 15 февраля 1895 г.
3) Федченко Б. А., проф., избран в д. чл. 11 февраля 1898 г.
4) Палибин И. В., проф., избран в д. чл. 11 февраля 1898 г.
5) Эдельштейн Я. С., проф., избран в д. чл. 19 марта 1900 г.
6) Максимов Г. О., гидрограф, избран в д. чл. 23 января 1902 г.
7) Берг Л. С., проф., избран в д. чл. 20 января 1904 г.
8) Зеленин Д. К., проф., избран в д. чл. 18 ноября 1904 г.

Число членов Общества к 1 января 1941 г. достигло 875, из которых 13 почетных отечественных.

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уже в конце жизни П. П. Семенова деятельность Географического общества начала принимать несколько иной характер, чем раньше. Тогда как прежде, наряду с разработкой научных географических проблем, очень большое, иногда первенствующее значение, имели крупные экспедиции в далекие страны, в последние годы жизни Петра Петровича деятельность Географического общества стала протекать по образцу

других ученых обществ, основной целью которых является посильное содействие развитию соответственных наук. Во второй половине XIX в. и в первые годы XX экспедиционная деятельность в России была как бы прерогативой Географического общества. Но уже с начала XX в. и даже ранее целый ряд других организаций приступает к полевой исследовательской работе. Таковы прежде всего Геологический комитет, деятельно изучавший орографию и геологию России и опубликовавший большое количество превосходных трудов, затем Академия Наук (напомним о большой полярной экспедиции на корабле «Заря»), Переселенческое управление, направившее большое количество почвенно-ботанических и почвенных экспедиций в разные места Сибири и Туркестана; материалы исследований Переселенческого управления быстро обрабатывались, а результаты тотчас же печатались. Наконец, многие земства стали производить не только статистические и оценочные работы, но и организовали исследования почвенные, ботанические, геологические и даже геоморфологические (например, Черниговское, Пензенское и др.).

В советский период экспедиционная деятельность разных учреждений, по сравнению с прежним временем, чрезвычайно возросла. Стоит упомянуть только об Академии Наук, которая ежегодно отправляла и отправляет многие десятки экспедиций и, в составе которой имеется специальное учреждение, ведающее этим делом. [1] В Академии учрежден Географический институт, усердно ведущий полевые исследования. Тем же занимаются другие институты Академии — геологический, почвенный, ботанический, зоологический, этнографический и др. В советское время во много раз расширен Геологический комитет (ныне Всесоюзный геологический институт). Основаны специальные институты — Арктический, Гидрологический и др.,— занимающиеся полевой исследовательской работой.

[1] Подробности см. в моей статье в Вестнике Академии Наук СССР, 1945, № 5—6.

Помимо того, на периферии и Академией Наук и другими организациями создано много исследовательских учреждений. Большую работу ведут на местах филиалы и базы Академии Наук СССР, а также академии союзных республик.

В некоторые далекие места государства теперь мало смысла посылать дорого стоящие экспедиции из центров, так как эти территории прекрасно обслуживаются местными организациями и своими специалистами.

Естественно, что при таком положении вещей экспедиционная деятельность Географического общества должна была сократиться. В настоящее время основу деятельности Общества составляет разработка вопросов географической науки, использование данных географии на послевоенное восстановление народного хозяйства и пропаганда географических знаний.

Тем не менее, Географическое общество, понятно, никогда не отказывалось и не отказывается от экспедиционной деятельности и за советское время провело ряд экспедиций, имевших иногда очень широкий размах.

Так, в 1923—1926 гг. Общество снарядило, во главе с П. К. Козловым, большую Монголо-Тибетскую экспедицию, которая собрала обширнейшие материалы по географии и археологии Центральной Азии. В бассейне р. Толы, в Монголии, откопано громадное гранитное изображение черепахи, весом около 15 центнеров. В окрестностях обнаружены каменные изваяния людей. Из курганов, расположенных в горной группе Ноин-ула в северной Монголии, в бассейне Селенги, экспедицией добыты весьма ценные археологические материалы — шерстяные и шелковые ткани, шерстяные ковры, предметы одежды, деревянные чаши, глиняные урны, украшения из золота, серебряные пластинки, изделия из бронзы и нефрита, человеческие волосы и проч. На одном куске шерстяной ткани обнаружено великолепное вышитое изображение головы мужчины размером 20 × 14 см. На многих тканях можно видеть богатый узор. Добыта серебряная

пластинка диаметром 14 см, на которой изображен рельефом бык или як между двумя соснами. Замечателен шерстяной ковер, на котором представлен бегущий олень или лось; сзади на него нападает крылатый зверь (росомаха?). На другом шерстяном ковре дано великолепное изображение группы всадников; это, очевидно, произведение западной техники. На одной из китайских деревянных чаш можно было прочитать, что она изготовлена во 2-м году до нашей эры. Все это обнаружено в погребениях. Есть предположения, что могилы, относящиеся к началу I в. нашей эры, принадлежали гуннам. [1]

Не имея возможности подробно остановиться на всех работах Географического общества, коснемся здесь лишь некоторых, наиболее актуальных тем и, прежде всего, исследований в Арктике.

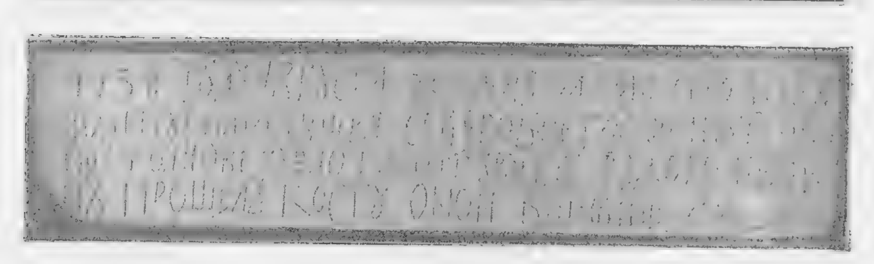
РАБОТЫ, КАСАЮЩИЕСЯ АРКТИКИ

Всем известно, какие заслуги имеет Союз ССР в деле изучения Арктики. Но не все знают, что инициатива изучения Севера принадлежит Академии Наук и Географическому обществу.

В советское время при Обществе был создан Комитет Севера, положение о котором утверждено Правительством 4 марта 1921 г. Председателем этого Комитета состоял Ю. М. Шокальский. С течением времени руководство изучением Севера было передано Арктическому институту и Главному комитету северного морского пути.

Отметим прежде всего, что в 1922 г. Географическое общество получило драгоценную реликвию. 13 августа 1922 г. геолог Н. Н. Урванцев нашел на побережье Ледовитого моря, между устьями рек Енисея и Пясины, деревянную доску, с вырезанной надписью (см. стр. 225):

[1] Camilla Trever. Excavation in Northern Mongolia (1924—1925). Memoirs of the Academy of history of material culture, III, Leningrad, 1932.

Эта доска, памятник Великой северной экспедиции, была доставлена Географическому обществу, в архиве которого она ныне хранится.

В 1923 г. Географическим обществом совместно с Академией Наук была снаряжена Западно-сибирская экспедиция во главе с ботаником и географом Б. Н. Городковым. Ее задачей было географическое изучение страны в пределах бассейнов рек Агана (приток Оби в Сургутском крае) и Пура (впадает в Тазовскую губу). Край этот населен ненцами (юраками-самоедами), хантами (остяками) и русскими. Юраки разделяются на тундровых и лесных; последних называют пян-хасово, или «лесные люди». Всего лесных юраков на обско-тазовском водоразделе кочует около 600 человек. Они занимаются оленеводством, рыболовством и охотой, преимущественно на белку. На Тазе в 1601 г. русскими был основан город Мангазея, скоро оставленный. Снова оседлые русские появились здесь лишь в конце XIX в.[1] Экспедицией была произведена съемка пройденного пути, и, кроме того, особым отрядом собраны богатые этнографические и антропологические материалы по хантам (остякам).

В 1926—1927 г. экспедицией Географического общества была произведена съемка нижнего течения р. Таз вверх до так называемой Сидоровской пристани. Близ последней посещены остатки только что упомянутого города Мангазеи; местность эта у юраков (самоедов) носит название *Тагаревы-*

[1] Б. Н. Городков. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Зап. Сибири. Изв. Геогр. общ., 1926, вып. 2.— «Природа», 1924, № 7—12.

хáрад, что значит «разрушенный город» (харад — город). В 1930 г. Географическим обществом совместно с Институтом геодезии и картографии издан «Атлас нижнего течения реки Таза» на 8 листах, а также объяснительная к нему записка.[1]

В 1927 г. была снаряжена Лопарская экспедиция, имевшая целью изучение лопарей (саами) и русских Кольского полуострова с точки зрения антропологии и этнографии. В составе экспедиции, кроме антрополога и этнографа, находился врач, собиравший медико-санитарные сведения. Особое внимание было обращено на изучение кочевого состояния лопарей. Подробно исследовались антропологические особенности населения. Следует отметить, что все собранные материалы были вскоре обработаны и напечатаны. Любопытно, что в селении Ловозеро в 1927 г. из общего числа 745 жителей на саами (лопарей) приходилось одна треть, на коми (зырян-ижемцев), переселившихся сюда за 40 лет до того, больше половины; кроме того, было около 60 самоедов (юраков), появившихся одновременно с ижемцами, и 30 русских.

В 1927 г. М. Б. Едемский посетил Мезенский край с этнографической целью. На р. Мезени, в деревне Большие Нисогоры ему удалось записать от сказателя былин А. М. Палкина, 73 лет, былину о том, как Задунай сватает князю Владимиру Опраксию королевичну. Сохранение в памяти народа до наших дней былинного эпоса настолько замечательно, что мы позволяем себе привести начало записи, сделанной М. Б. Едемским:

«Що в том же во городи во Киеве,
Що у ласкова князя да у Владимира
Был собран то стол почестен пир,
Разоставлены были столичьки дубовые,
Как усланы скатерти шеуковые,
Де как наношены явства те сахарные,
Разоставлены напиточки разные.
Да за столом то сидели князи и бóяра,

[1] Р. Е. Кольс. Река Таз (Тасý-ям). Л., 1930, изд. Геогр. общ., 32 стр., со сборной картой.

Все сильные могучи богатыри.
За столом то все да наедалисе,
Де за чесным да все да напивалися
Все были пьяны и веселы.
Де как Владимир князь стольне-киевской
Все по светлой по гриднюшке похаживал,
Он сапог о сапог да поколачивал,
Как златыме те перстьнеми пощелкивал,
Русыми кудрями спотрехивал
И тихую реченьку спроговорил:
«Уж вы ой еси, все князи и бо́яра,
Все сильны, храбрые, могучие богатыри.
Уж вы все у меня в городе поженены,
Де красны девицы взамуж все повыданы,
Де только я млад ясен сокол холо́ст хожу.
Где вы не знаете ли вы мне молодой жены,
Молодой жены — полюбовницы,
Чтобы походочка была у ней гусиная,
Тиха та речь да лебединая,
Ясны те глазочки, как у сокола,
Де черны брови, как щобы были у соболя.
Щобы можно ей называть да молодой женой,
Молодой женой да полюбовницей».

Местный говор отличается некоторыми особенностями. Так здесь скажут: *ста́рина, стре́лил, не мо́гу дро́ва ко́лоть*, но с другой стороны: *за ягода́ми*. Дома почти сплошь двухэтажные. На колокольне одной церкви на р. Кулое исследователь видел два колокола, один из которых нес латинскую надпись с датой 1656 г., а другой — голландскую. [1]

В том же году В. Б. Сочава составил карту бассейна р. Анабара в миллионном масштабе с нанесением на ней границы леса. На Анабаре лес переходит за 72° с. ш., не достигая, однако, тех широт (72°40′ с. ш.), на каких обнаружены лесные островки в бассейне Хатанги. Отдельные лиственницы по Анабару доходят до 72°25′ с. ш. Во всяком случае, в этих местах леса оказываются наиболее далеко, на

[1] М. Б. Едемский. Изв. Геогр. общ., т. 61, вып. 1, 1929.

всем свете, выдвинутыми к северу. Тем же автором дана схема ботанико-географических подзон для мало изученной северной части ленско-хатангского междуречья.[1]

В 1933 г. Н. Н. Урванцев представил Географическому обществу новую карту Северной Земли, совершенно преобразившую привычный для нас до того вид сибирской Арктики.[2] На этой карте увековечены, между прочим, имена многих видных деятелей Географического общества: Бухтеева, Матусевича, Анучина, Визе, Шокальского, Ахматова, Цингера, Дерюгина, О. Шмидта и других. Как известно, Северная Земля была впервые открыта в августе 1913 г. «Только Норденшельд, ссылаясь на виденные стаи гусей, летевших к мысу Челюскина с севера, высказал мысль о возможности существования суши где-то на север от Таймыра», говорит Н. Н. Урванцев. Но я уже указывал, что Третьяков, бывший долгое время заседателем Туруханского округа, передает (1869) о местах у мыса Челюскина следующее: «нам не раз приходилось слышать о том, что на море есть иная земля, откуда переходят песцы и белые медведи».[3] Как бы то ни было, в течение 1930—1932 гг. советской экспедицией во главе с Г. А. Ушаковым, при руководителе научной части Н. Н. Урванцеве, впервые произведена топографическая съемка всего архипелага и изучена его геология. Общая площадь всех островов около 37 тысяч кв. километров. Приблизительно две пятых площади заняты ледниковым покровом. Сделано пересечение самого большого острова (среднего, о-ва Октябрьской революции) от залива Сталина на западе до мыса Берга на востоке (80° с. ш.), причем обнаружены высоты до 600 м (гора Базарная), а севернее отсюда до 675 м.

В 1933 г. член Общества Е. П. Орлова производила этнографические исследования на Чукотском полуострове. Она посетила ряд эскимосских селений и добыла любопытные

[1] Изв. Геогр. общ., т. 65, вып. 4, 1933.
[2] Изв. Геогр. общ., 1933, вып. 6.
[3] Зап. Геогр. общ. по общ. геогр., II, 1869, стр. 231.

сведения насчет самых западных представителей эскимосского народа. У азиатских эскимосов, как и у американских, нет общего названия для самих себя; они именуют себя по местожительствам, или называют себя просто людьми — *юпигыт* («настоящие люди»). Общее число азиатских эскимосов по приполярной переписи 1926/1927 г. составило 1291 человек; по данным Орловой, в 1935 г. в пределах СССР было не менее 1500 эскимосов. Их поселения растянулись вдоль Берингова пролива и Берингова моря от мыса Дежнева до бухты Креста и четыре селения сосредоточены в районе устья Анадыря. В 1926 г. группа эскимосов поселилась на острове Врангеля. В Америке (считая с Гренландией) живет около 30 тысяч эскимосов. Многие этнографы полагают, что американские эскимосы ведут свое происхождение из северной Азии.

Азиатские эскимосы среднего роста, брюнеты, с приятными лицами. Седеют эскимосы очень поздно, только у стариков лет под 70—80 можно видеть волосы с проседью. Около углов рта у мужчин иногда встречается татуировка в виде кружка сантиметра в $1^1/_2$—2 диаметром. Это пережитки некогда существовавшего обычая носить втулки. Женщины до недавнего времени покрывали татуировкой лицо, а иногда и руки. В посещение Е. П. Орловой у маленьких девочек уже не видно было татуировки, а молодые девушки старательно закрывали волосами татуировку на щеках и спрашивали, нет ли способа избавиться от нее совсем. Главное занятие эскимосов — это промысел моржей и тюленей в море, доставляющий им все необходимое для жизни: пищу, жир для отопления и освещения, шкуры и кишки для одежды, шкуры моржей для покрытия жилищ. Кроме того, эскимосы занимаются охотой на песца и рыболовством в устьях речек. Из домашних животных держат собак; в среднем на хозяйство приходится 6—7 собак. Эскимосы обнаруживают большое искусство в художественной резьбе по кости (моржовым клыкам). В селении Наукан имеется специальная мастерская по резьбе. В настоящее время в эскимосских селениях открыты школы,

кооперативы; многие эскимосы работают в государственных учреждениях, мастерских, школах.[1]

Лето 1934 г. было, как известно, на севере необычайно теплым. В этом году В. Ю. Фридолин производил обстоятельные фенологические наблюдения на Хибинах (Кольский полуостров).[2] Перелетные птицы, улетающие на зиму далеко на юг, появились в 1934 г. в Хибинах заметно раньше обычных сроков: белая трясогузка 5 мая (в 1932 г.— 11 мая), варакушка 5—8 мая (в 1932 г.— 28 мая). Шмели были замечены на месяц раньше обычного, они летали вплоть до 23 сентября, за шесть дней до выпадения первого снега. В теплую осень этого года наблюдалось в Хибинах замечательное явление — осеннее токование глухарей и горных куропаток. Некоторые растения цвели вторично. Так, над горной станцией Академии Наук 23 сентября второй раз цвела азалия. Наблюдалось вторичное цветение камнеломки *Saxifraga oppositifolia*, морошки и других растений. 1924-й год отличался массовым появлением пеструшек или леммингов. Много их было и в 1920-м и в 1930-м годах, но то, что происходило в 1934-м году, далеко оставляет за собою предыдущие. Близ Колы в начале июля пеструшки попадались под каждой кочкой. В августе и сентябре эти зверьки бегали всюду в Мурманске, обращая на себя внимание жителей, которые ловили их и держали в домах. В начале осени на берегу Умбозера можно было местами видеть по 50—100 трупов этих грызунов на каждые сто шагов.

20 февраля 1938 г. совет Общества избрал участников советской дрейфующей станции «Северный полюс»: Э. Т. Кренкеля, И. Д. Папанина, Е. К. Федорова и П. П. Ширшова почетными членами Географического общества. В постановлении совета отмечается, что названные лица совершили великий научный подвиг, беспримерный в летописях мировых географических исследований.

[1] Изв. Геогр. общ., 1941, вып. 2.
[2] Изв. Геогр. общ., 1936, вып. 1.

14 марта 1940 г. участник дрейфа «Седова», Герой Советского Союза В. Х. Буйницкий доложил Обществу о научных результатах дрейфа, который начался 23 октября 1937 г. в восточной части моря Лаптевых и закончился 12 января 1940 г. в Гренландском море. Совместно с «Седовым» дрейфовали «Садко» и «Малыгин». За указанное время пройдено 3300 морских миль, причем И. Д. Жонголович и В. Х. Буйницкий сделали 568 астрономических определений. Около $86^1/_2$ параллели были отмечены глубины свыше 5000 м. Повсеместно под поверхностным слоем холодных вод Ледовитого моря обнаружена прослойка теплых атлантических вод, мощность которой по мере передвижения на запад увеличивается. Производились магнитные наблюдения, а также определения силы тяжести. Эти последние данные значительно увеличили наши, скудные до того, сведения о гравитации в Арктике. Они позволяют уточнить наши знания относительно истинной фигуры Земли, а также относительно строения земной коры под дном Ледовитого моря. Метеорологические наблюдения на «Седове» еще раз указали на значительное потепление Арктики: отмеченная им минимальная температура воздуха была не ниже —44°, тогда как «Фрам» на полтора градуса южнее и, кроме того, западнее, где вообще должно было быть теплее, отметил в январе 1896 г.—52°. Средняя месячная температура воздуха под $85^1/_2°$ северной широты оказалась равной, по наблюдениям на «Седове», —0,1°. Летом 1938 г. в районе дрейфа судна почти каждый день можно было наблюдать тюленей. Очень много было нарвалов. Летали розовые чайки. Однажды видели кулика. Несколько раз к судну подходили белые медведи. [1]

В докладе, прочитанном в Географическом обществе в 1941 г., мною развивался взгляд, что в эпохи, когда условия для судоходства в Арктике были благоприятны, уровень Каспия стоял низко, и обратно, когда Ледовитое море загромождалось льдами, на Каспийском море наблюдалось по-

[1] В. Х. Буйницкий Изв. Геогр. общ., 1940, № 3.

вышение уровня. Так, в 30-х годах настоящего века, когда уровень Каспия стоял очень низко, условия плавания в Арктике были весьма благоприятны. Напротив, в 40-х годах XVIII в. Великая северная экспедиция встретилась в Сибирском море с весьма тяжелыми льдами; в то же самое время на Каспийском море был высокий уровень.[1]

В 1941 г. путешественник, этнограф и лингвист Г. Д. Вербов, павший смертью храбрых во время Отечественной войны, сделал в Географическом обществе сообщение о древней Мангазее и о расселении некоторых самоедских племен до XVII в.[2] По данным Г. Д. Вербова, название древнего города Мангазея значит, на языке энцев, или енисейских самоедов, «земля монканси» (Monkansi ja); *монканси* — это название одного из родов энцев. Другой род энцев — *бай* — некогда жил к западу от Енисея, где теперь энцев нет. Об этом свидетельствуют названия рек Верхней и Нижней Баихи, притоков р. Турухана. В дальнейшем автор настоящей книжки показал, что некогда энцы, или енисейские самоеды, доходили еще дальше на запад, до р. Оби, а возможно — и к западу от Уральского хребта.[3]

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

О ряде работ по этнографии, выполненных членами Общества, рассказано выше.

Как уже говорилось, Географическое общество занималось собиранием русских народных песен — текстов и напевов. Эта работа продолжалась в советское время. В 1925 г. в составе отделения этнографии была организована Комиссия по изучению народной музыки, на заседаниях которой сделано много докладов по музыкальной этнографии раз-

[1] Изв. Геогр. общ., 1943, вып. 4.
[2] Изв. Геогр. общ., 1943, вып. 5.
[3] Л. С. Берг, Изв. Геогр. общ., 1945, вып. 4.

ных народов Союза: азербайджанцев, алтайских народов, крымских татар, казахов, узбеков, украинцев и др. В большом зале Географического общества исполнялись народные песни и музыкальные произведения. Между прочим, выступал ансамбль И. И. Лепянского с сыновьями, с исключительным успехом исполнявший на кимвалах (цимбалах) музыкальную часть еврейских свадебных обрядов. Кимвалы — это древнейший тип ударных струнных инструментов, который был известен еще ассирийцам и вавилонянам: по струнам ударяют молоточками или палочками. Кимвалисты были обязательными участниками еврейских свадеб, а также некоторых религиозных обрядов. В издании Географического общества «Музыкальная этнография» (1926) приведены записи старинных еврейских мелодий на кимвалах.[1] На тех же концертах в Географическом обществе выступал известный гусляр Н. Н. Голосов.

Продолжалась под руководством С. Ф. Ольденбурга деятельность сказочной комиссии при отделении этнографии, основанной в 1911 г. Комиссия эта выпустила в течение 1926—1928 гг. три выпуска с обзорами своих работ.

Из этнографических исследований, произведенных Обществом, заслуживает внимания посещение С. А. Ереминым в начале 20-х годов теблешан.[2] Под этим именем были известны жители б. Бежецкого уезда Тверской губернии и именно той части, которая тяготеет к селу Теблеши. Есть предположение, что теблешане не исконные насельники этих мест, а пришли с запада. Как бы то ни было, в быте их еще не так давно сохранялось много древних черт. До 70-х годов прошлого столетия женщины носили старинный головной убор: на «повойник» накладывались два рога, сшитые из толстого сурового сукна; сверху они покрывались «сорокой». Духовенство преследовало ношение этих рогов, так как при поклонах

[1] В статье Н. Ф. Финдейзена «Еврейские цимбалы и цимбалисты Лепянские».

[2] Изв. Геогр. общ., т. 58, вып. 2, 1926 и т. 59, вып. 1, 1927.

в церкви они мешали впереди стоящим. Нужно сказать, что подобные рога на головном уборе, не свойственные другим районам Тверского края, были распространены ранее в губерниях Калужской, Орловской, Тульской, Рязанской. По сжатии хлеба, при последнем снопе, оставляли небольшое количество соломин не сжатыми; эти колосья сжинались отдельно, молча, хозяйкой дома, некоторое время сохранялись дома, а затем скармливались скоту. Этот обычай раньше имел широчайшее распространение не только у нас, но и на Западе. Идя домой, женщины-теблешанки останавливались в конце своей пашни и перебрасывали через голову назад серпы — «чтобы урожай был хороший на следующий год».

Между собой теблешане живут дружно. Любимым развлечением является пляска: «пляшут все без исключения, начиная от малых ребят и кончая старухами». В свадебном обряде в сравнительно недавнее время существовал своеобразный обычай инициативы сватовства («набивания») со стороны родителей девушки. Участники свадебного «поезда» носили обычные названия: «князь», «княгиня», «бояры», «поезжане» и т. д. При похоронах в 50-х годах прошлого столетия женщины распускали и растрепывали свои косы, в XX же веке — носили белую траурную одежду.

Язык теблешан относится к типу умеренно окающих говоров, например, *розобила стокан,* но, с другой стороны, *на рага-те накладывали плат.* Вместо *ч* обычно употребляют *ц: о цем, девушка, плацешь?* Между двумя гласными *д* выпадает: *пои* (пойди). Вместо дни — *нни.* Местами встречается свойственное некоторым северо-великорусским говорам употребление именительного падежа, вместо винительного, при неопределенном наклонении, например,— *косить трава* (сравните выше в вопросах Ивана IV к Стоглавому собору 1551 г. «мерити земля»). Существенной особенностью говора теблешан является особая интонация, выражающаяся в своеобразном протяжении («проволочке») ударных слогов логической фразы с нисходящим распределением тона на них, особенно

при выражениях удивления: *разделили, баит, в коцкаф* (кочках) *у Корягина сараяя — врее̇т — пра̇а* (право). Певучесть известна и в других русских говорах: интонация, например олончанок, очень нравилась Далю. Встречается у теблешан своеобразное употребление ударений: *под гору́, отда́л, смеху было́, поежжай во́ Тверь, не по́йду, на́шли* и т. д. Есть черты западно-русские, например, шепелявое произношение мягких *с* и *з* на месте *ш* и *ж: хороса рубаска, катусецка, на цузой стороне, луцсе* (лучше).

В 1925 г. ботаник Е. Г. Черняковская посетила Иран. В Известиях Общества за 1928 г. она дает живой очерк Сейстана,— страны, расположенной на окраине великой пустыни Лут, где сходятся границы Афганистана, Белуджистана и Ирана. Сейстан — это оазис в пустыне, царство пшеницы, ячменя и хлопка, Египет в миниатюре. Летом жара невероятная. Даже 13 октября путешественница наблюдала в тени 42°. Дикая растительность бедна и однообразна: заросли тамарисков, солянки, саксаул. Фруктовых садов мало; финиковая пальма сильно страдает от летних ветров, поднимающих тучи пыли. Среди каменистой пустыни можно встретить дикий арбуз (*Citrullus colocynthis*) с пронзительно горькими плодами. Основное население — белуджи, выходцы из Белуджистана. Женщины обычно не закрывают лиц. Путешественница, в качестве женщины, пользовалась доступом и на женскую половину. В доме у одного сардара-вождя племени она имела случай наблюдать женские наряды: костюм жен сардара состоял из 7—10 длинных юбок, на которые в общей сложности идет до 250 м ткани; под низ одеваются ситцевые юбки, а поверх бархатные, парчевые, шелковые, кисейные. «Облаченная в такую груду мануфактуры женщина едва имеет возможность передвигаться, а присев по обыкновению на пол, является погребенной под целым холмом юбок, так что нескольким дамам в одной комнате приходится садиться на почтительном расстоянии друг от дружки». «Они,— говорит Е. Г. Черняковская,— с таким же любопытством знакомились с моим

европейским платьем, на которое потребовалось не более 3-х метров материи». Женщины красят брови, ресницы, ногти и ладони; на лице у них татуировка. В Сейстане еще в 20-х годах нашего века сохранилось рабство. Рабыня стоила от 30 до 300 туманов (туман составлял тогда около 2 руб. 50 коп.). У некоторых правителей бывало до сотни рабов.

Жизнь в Сейстане дешевле, чем в других местах Ирана: в урожайные годы 3 пуда пшеницы стоили 20 копеек.

Надо отметить, что и местные власти, и население встречали русскую путешественницу весьма приветливо.

РАБОТЫ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Членами Географического общества выполнено за советское время очень большое количество работ по физической географии. В 1928 г. основана Геоморфологическая комиссия, во главе которой стоял сначала Я. С. Эдельштейн, а потом Н. Н. Соколов. Об успешности занятий этой комиссии можно судить по большому количеству статей, принадлежащих перу ее членов и появившихся на страницах «Известий» Общества. Усердно работала Метеорологическая комиссия, представителем которой был известный, ныне покойный метеоролог С. И. Савинов.

Мы здесь можем остановиться только на немногих моментах.

Неутомимый исследователь центрального Тянь-шаня Н. Н. Пальгов посетил ледники хребта Кок-шаал. Описанным им крупным, длиной 9—12½ км, ледникам он дал имена видных деятелей Географического общества — Комарова, Мушкетова, Наливкина, Маллицкого, Ферсмана. [1]

Л. А. Варданянц производил с 1926 по 1930 г. детальные геологические исследования в районе Казбекского массива. Как известно, ледники казбекской группы — Девдоракский и

[1] Изв. Геогр. общ., т. 62, вып. 2, 1930.

Геналдонский — подвержены, от времени до времени, катастрофическим обвалам. Геналдонская катастрофа 1902 г. повлекла за собой гибель большого количества людей. Обычно причину обвалов видели в механическом действии воды, скопляющейся после сильных дождей на площади питания ледника; устремляясь вниз, эта вода захватывает с собой громадные массы льда, снега и камней. Л. А. Варданянц предлагает новое, гораздо более приемлемое объяснение: катастрофические обвалы Казбекских ледников есть результат землетрясений. В 1915 г. Дарьяльское ущелье было эпицентром довольно сильного землетрясения. Около конца Геналдонского ледника находится горячий минеральный источник, расположенный как раз по линии сброса, ограничивающего дарьяльский горст с севера. За несколько часов до обвала источник резко изменил свой режим: вода помутнела, а расход ее увеличился. «Это должно указывать на то, что катастрофе безусловно предшествовали явления глубинного характера, т. е. сейсмические». [1]

К. К. Марков, исследуя четвертичные отложения бассейна Финского залива, показал, что Балтийское йольдиево море проникало в котловину Ладожского озера только через северную часть Карельского перешейка. Пролива к Онежскому озеру, и тем более сквозного балтийско-беломорского пролива, безусловно не было. [2]

В 1931 г., Г. К. Семенов и В. К. Дингес впервые совершили восхождение на Ключевскую сопку (4860 м). До этого были сделаны четыре попытки достигнуть вершины вулкана, но все — неудачные. Четвертая попытка была сделана Г. К. Семеновым в 1930 г., когда он поднялся до трех четвертей высоты, но удушливые газы и холод заставили его спуститься. В 1931 г. восхождение начали 7 августа, но достигнуть вершины не могли, так как из сопки сыпались лапилли. Снова стали подниматься 17 августа. Начиная с высоты в 2000 м,

[1] Изв. Геогр. общ., т. 64. вып. 1. 1932.
[2] Изв. Геогр. общ., т. 65, вып. 4, 1933.

лежал снег. 1 сентября достигли кратера. Диаметр его оказался равным около 200 м. Из кратера клубами выделялся весьма едкий дым, который сильным ветром сносился на юго-западную сторону. Метров тридцать ниже кратера температура воздуха равнялась —10°, на поверхности же земли (пепла) было +20°, а на глубине 4 см +50°. На обратном пути собраны горные породы и растения [1].

13 августа 1935 г. С. Д. Коптелов, А. Н. Троцкий и И. И. Микулин совершили подъем на вершину того же вулкана, причем А. Н. Троцкий спускался в самый кратер. Замечено, что кратер взрывал ритмично через каждые пять минут. «Клубы то темного, то белого дыма стремительно взвивались вверх, закрывали солнце и мчались на юго-юго-запад. Тучи пепла и камней, из которых многие отливали ярко-красным цветом, веером вздымались на 200—300 метров вверх и с грохотом возвращались обратно. Темносерый дым ежеминутно заволакивал кратер. От острого запаха сернистого газа и хлористого водорода щекотало в носу, першило в горле». Во время пребывания в кратере произошел особенно мощный взрыв. Гигантское облако взвилось вверх и стало поливать всю чашу градом раскаленных камней. Дно кратера было покрыто пушистым пеплом и сплошь испещрено недавно упавшими бомбами. Глубина кратера оказалась равной 50 м, диаметр 250—300 м. Края кратера были покрыты толстым слоем льда. [2]

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ

По инициативе Ю. М. Шокальского, Общество приняло участие в разработке проекта введения в Союзе поясного времени, каковой проект был утвержден и введен в действие декретом Совета Народных Комиссаров. Об этом важном на-

[1] Г. К. Семенов. Изв. Геогр. общ., т. 65, вып. 1, 1933.
[2] Изв. Геогр. общ., т. 69, вып. 6, 1937.

чинании Ю. М. Шокальский доложил в годовом собрании 14 апреля 1918 г.

В свое время в связи с наводнением, имевшим место в Петербурге в ночь с 28 на 29 августа (н. ст.) 1890 г., Общество заслушало доклад своего члена А. А. Тилло.[1] 23 сентября 1924 г. Ленинград снова пережил наводнение. Обществом в том же году был организован ряд публичных заседаний, на которых заслушано девять докладов, освещавших метеорологические, гидрологические и геоморфологические условия названного наводнения, а также историю наводнений в низовьях Невы и способы предупреждений этого бедствия. Вопросы эти живо интересовали ленинградцев, и на первом заседании присутствовало до 800 человек.

Идя навстречу пожеланиям членов, Общество, в дополнение к имеющимся отделениям — географии математической и физической, географии экономической и этнографии — организовало в 1939 г. еще два отделения: истории географических знаний и биогеографии.

Мы уже упоминали, что инициатором фенологии в нашем отечестве был активный член Географического общества проф. В. С. Порошин, проявлявший свою деятельность в первое десятилетие существования Общества. В дальнейшем вопросами фенологии много занимался А. И. Воейков. В 1934 г. учреждена фенологическая комиссия, председателем которой является проф. М. Н. Римский-Корсаков. Фенология это учение о сезонной смене явлений в органическом мире, таковы зеленение, зацветание, созревание плодов, листопад, прилет птиц, гнездование, отлет и т. п. В Обществе хранятся громадный фенологический архив нашего крупнейшего фенолога Д. Н. Кайгородова, а также обширные архивы проф. В. А. Поггенполя и Д. О. Святского.

Сотрудники Фенологической комиссии Г. Э. Шульц и В. Б. Шамраевский (погибший во время блокады Ленинграда в

[1] Изв. Геогр. общ., 1890, действия Общества, стр. 114.

1942 г.) составили весьма полезный труд «Фенологические наблюдения», представляющий собою практическое руководство к производству наблюдений над сезонными явлениями живой природы. Книга эта издана в 1941 году Географо-экономическим институтом Ленинградского университета.

Во время войны при Географическом обществе была организована военно-географическая комиссия. Следует иметь в виду, что еще в 1846 г. Д. А. Милютин (1816—1912), один из деятельных членов Географического общества (он был дважды членом Совета), профессор военной географии в Военной академии, впоследствии генерал-фельдмаршал, опубликовал классический труд по военной географии: «Критическое исследование значения военной географии и статистики». В настоящее время Географическое общество печатает большой труд своего члена проф. К. К. Маркова «География и война».

Обществом был организован ряд заседаний и выставок, связанных с воспоминаниями о замечательных русских географах — Миклухо-Маклае, Пржевальском, Докучаеве, Воейкове, Неуструеве, Шокальском. Все эти начинания прошли с успехом и привлекли большое количество посетителей. Миклухо-Маклаю и Пржевальскому были посвящены, как мы уже говорили, специальные номера «Известий», в которых подробно изложены открытия этих выдающихся путешественников.

В выпуске «Известий» Общества, посвященном Миклухо-Маклаю (1939, № 1—2), впервые напечатан по рукописи, хранящейся в архиве Географического общества, дневник первого путешествия этого исследователя на Малаккском полуострове (22 ноября 1874 г.— 2 февраля 1875 г.) с оригинальными рисунками автора. Здесь же опубликованы и другие рукописные материалы Н. Н. Миклухо-Маклая. Между прочим, помещено любопытное письмо путешественника, посланное из Сингапура 29 января 1878 г. П. П. Семенову. Оно касается поднятого Н. Н. Миклухо-Маклаем вопроса относительно объявления протектората России над берегом Маклая

на Новой Гвинее. К этому проекту русское правительство, как известно, отнеслось несочувственно. «Причина отрицательного решения высшей инстанции,— говорит в своем письме Миклухо-Маклай,— была «отдаленность» страны и отсутствие в ней связи с русскими интересами. Замечу на это, что «отдаленных» стран уже теперь почти не существует, а тем более в будущем, что, кроме русских, есть еще общечеловеческие интересы, которые по своей значительности только в исключительных случаях под силу одиноким личностям и которые должны становиться делом просвещенных и гуманных правительств. Совершенно соглашаясь с мнением вашего превосходительства о безуспешности русской (и прибавлю — европейской) колонизации, я скажу, что собственно «колонизацию» я не имел в виду. Что мне казалось (и кажется) желательным, был «протекторат» части Новой Гвинеи, жители которой, через мое посредство, подчинятся некоторым международным обязательствам и которые, в случае насилий со стороны белых, имели бы законного могущественного покровителя». Как известно, в 1884 г. немцы заявили претензию на всю северо-восточную часть Новой Гвинеи, которую, включая и берег Маклая, вскоре и захватили.

В выпуске Известий Географического общества, касающемся Н. М. Пржевальского (1940, № 4-5), впервые напечатан дневник второго путешествия знаменитого исследователя Центральной Азии, по рукописи, хранящейся в архиве Географического общества. В этом дневнике описывается путь от Кульджи через Тянь-шань на Лобнор и по Джунгарии до Гучена, пройденный в 1876—1878 гг. Далее, опубликован дневник последнего путешествия Пржевальского, веденный им в 1888 г. и начинающийся такими словами:

«Август 24. В четыре часа пополудни почтовый поезд Нижегородской дороги повез меня в «пятое» путешествие по Центральной Азии. Радость великая! Опять впереди — свобода и дело по душе. Но для успеха его необходимо прежнее счастие, которое да не отвернется и ныне от меня...»

Но, как мы знаем, счастье на этот раз отвернулось от великого исследователя Азии. Под 4—5 октября 1888 г. в дневнике записано:

«Вечером поехал с Роборовским на станцию Константиновскую (19 верст от Пишпека) на фазанов (*Phasianus mongolicus*), которых здесь очень много. Вечером и утром я убил 15; Роборовский 1. Несмотря на октябрь, днем очень жарко; листья еще не осыпаются с деревьев, хотя на некоторых начинают желтеть».

Через две недели, 20 октября, Н. М. Пржевальского не стало...

Почтило Общество память П. П. Семенова-Тян-Шанского в связи с 25-летием со дня его смерти. Еще раньше, в 1928 г., Обществом издан большой том, в котором помещена подробная биография Петра Петровича и оценка его разносторонней деятельности, сделанная рядом членов Общества.

Общество устроило, в связи с кончиной своего председателя Ю. М. Шокальского траурное заседание и выставку. Подготовлен к печати том «Записок» Общества, посвященный Ю. М. Шокальскому.

К 70-летию своего почетного члена, президента Академии Наук В. Л. Комарова Общество выпустило в свет особый номер «Известий» (1939, № 10).

Для Общества весьма важно было наладить сношения с зарубежными географическими и другими родственными обществами. И вот, председатель Общества Ю. М. Шокальский с 1923 г. неоднократно командируется за границу для участия в международных конгрессах. Так, в 1923 г. он является представителем Общества на съездах — метеорологическом в Утрехте и статистическом в Брюсселе.

В апреле 1933 г. Общество созвало в Ленинграде I Всесоюзный географический съезд, прошедший с большим успехом, при значительном стечении географов со всех концов Союза. В съезде принимали участие 803 члена, из них от Ленинграда и Ленинградской области 320, от Москвы 97.

Было заслушано 213 докладов, частью на пленарных заседаниях, частью на секциях: 1) физической географии, 2) математической географии и картографии, 3) биогеографии, 4) экономической географии, 5) этнографии, 6) арктической. 7) организационных вопросов, 8) школьной, 9) массовой работы. Физико-географическая секция, ввиду обилия докладов, разбилась на подсекции: 1) физико-географическую, 2) геоморфологическую, 3) климатологическую, 4) гидрологическую. В 1934 году Общество опубликовало 4 выпуска Трудов I съезда. Следующий съезд Общество намерено созвать в мае 1946 г., в связи с празднованием своего столетнего юбилея.

В Обществе учреждены, кроме комиссии геоморфологической и фенологической, о которых говорилось выше, еще комиссия по аэрофотосъемке (председатель проф. А. П. Гавпман), гидрологическая (проф. Л. К. Давыдов) и комиссия вод и лесов (И. В. Кучин).

Общество деятельно участвовало в проектировании и редактировании карт для Большого советского атласа мира; и вопросу этому посвятило много заседаний. В названном атласе имеется ряд карт, составленных членами Общества. В настоящее время Общество, в лице его председателя, вице-председателя, секретаря и ряда членов Совета, принимает активное участие в редактировании карт для «Морского атласа» — громадного научного предприятия, осуществляемого военно-морским ведомством.

За советское время деятельность Общества распространилась и вширь и вглубь: открыт широкий доступ в ряды Общества молодым научным работникам и преподавателям географии, чем привлечен ряд новых свежих сил в состав действительных членов, упрощен прием в члены Общества, библиотека открыта для всех желающих и т. д.

Но особенно много сделано для популяризации среди широких масс населения географической науки и достижений советских географов. Для этой цели организован лекторий

имени Ю. М. Шокальского. Отметим, что лекции читаются не только в стенах Географического общества, но и на местах.

Во время блокады Ленинграда фашистами (1941—1944) Общество ни на минуту не прекращало своей деятельности. Служащие и члены Общества читали лекции в военных частях. Библиотека и картографическое собрание Общества были предоставляемы для нужд армии и флота.

5 января 1944 г. в здание Общества варварами-фашистами был пущен снаряд. К счастию, серьезных повреждений он не причинил. По иронии судьбы, немецким снарядом разбит бюст германского географа Риттера, о котором говорено выше.

С конца лета 1944 г. Общество возобновило свою нормальную деятельность.

БИБЛИОТЕКА И АРХИВ

Библиотека Общества, одно из географических хранилищ мирового значения, за последние годы сильно возросла, и общее количество томов в ней превышает 200 тысяч.

В 1922 г. библиотека напечатала систематический каталог своих книг на русском языке (431 стр.).

Мы уже упоминали о некоторых весьма редких географических изданиях, хранящихся в библиотеке. Прибавим еще, что у нас имеется, помимо Варения, еще «Краткое руководство к математической и натуральной географии с употреблением земного глобуса и ландкарт сочинено [академиком Крафтом] в пользу российского юношества и переведено с немецкого языка». В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук, 1739, 236 страниц.

Архив Общества, стараниями Е. И. Глейберга и Б. А. Вальской, приведен в порядок и сильно пополнился обширными новыми поступлениями.

В архиве хранятся драгоценные, собранные в половине прошлого столетия, этнографические материалы, о которых

мы говорили выше. Архив заключает в себе фонды крупнейших деятелей Общества: Пржевальского, Миклухо-Маклая, Грум-Гржимайло, Козлова, Певцова, Роборовского, Потанина, Громбчевского, И. Мушкетова, Неуструева, Тилло, Шокальского, Воейкова, В. П. Семенова-Тян-Шанского, А. В. Вознесенского, Каминского, Кайгородова, Святского и многих других. Затем — большое количество рукописей по разным разделам географической науки. В архиве хранится 2-й том замечательных мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского, заключающий описание его путешествия в Тянь-шань в 1856 и 1857 гг. Обществом возбужден перед Академией Наук вопрос о напечатании этих ценных записок. Наконец, весьма важным источником для истории географической науки в нашем отечестве является архив самого Географического общества за сто лет его существования.

Обзор рукописных материалов нашего архива дан Д. К. Зелениным в его трехтомном труде «Описание рукописей архива Географического общества» (1914—1916).

БЮДЖЕТ

Бюджет Общества слагается из членских взносов, субсидии со стороны государства и доходов от продажи изданий. Государственная субсидия была в 1845 г. установлена в сумме 10 тыс. рублей ежегодно. В 1871 г., в связи с двадцатипятилетием Общества, она была повышена до 15 тыс. рублей, в 1896 г., по случаю пятидесятилетия, до 30 тыс. рублей. С 1909 г. отпускалось дополнительно еще 10 тыс. рублей в год на содержание собственного дома Общества.

В советское время государственная субсидия выражалась в следующих суммах:

1938	65 849 руб.	1942	57 500 руб.
1939	113 500 »	1943	70 000 »
1940	100 000 »	1944	67 580 »
1941	97 000 »	1945	95 500 »

ИЗДАНИЯ

Продолжают выходить в свет «Известия» Общества, в 1945 г. вступившие в 77-й год своего существования. Вплоть до 1934 г. издавался Обществом основанный А. И. Воейковым журнал «Метеорологический вестник», затем переданный Главному управлению гидро-метеорологической службы.

В 1923 г. опубликован обширный труд П. К. Козлова «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото». В том же году вышел в свет I том «Путешествий» Н. Н. Миклухо-Маклая под редакцией и со вступительной статьей почетного члена Д. Н. Анучина.

В 1925 г. закончена печатанием в Записках по отделению этнографии монография С. И. Руденко о башкирах.

Б 1928 г. выпущена в свет обстоятельная, упоминавшаяся выше, биография П. П. Семенова-Тян-Шанского, составленная рядом членов Общества.

В 1926—1930 гг. Географическим обществом был издан третий том капитального сочинения Г. Е. Грум-Гржимайло под заглавием «Западная Монголия и Урянхайский край» (предыдущие два тома были опубликованы в 1914—1926 гг. другими учреждениями). В III томе, обнимающем 860 страниц, дан обстоятельный антропологический и этнографический очерк этих стран, населенных сойотами (урянхайцами) и монголами; кроме этих аборигенов, здесь живут китайцы и русские.

О других изданиях упоминалось выше.

К юбилею Общества возобновляется издание его «Записок». Кроме того, членами Общества подготовлен сборник биографий 40 наиболее выдающихся покойных деятелей Общества.

ФИЛИАЛЫ

В самое последнее время возникло много новых географических ячеек, вошедших в состав Общества. Таковы, Челя-

бинский отдел, Туркменский (в Ашхабаде), Северный (в Архангельске), Ойротский (Ойрот-тура), Саратовский, Камчатский (Петропавловск), Армянский (Ереван), Крымский (Симферополь), Карело-Финский (Петрозаводск), Хабаровский.

Возбужден на местах вопрос об организации отделов в Свердловске (Уральский), Новосибирске, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Алма-ата.

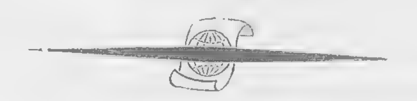
Следует ожидать возобновления деятельности отделов в Тбилиси и Ташкенте и укрепления работы старых отделов — в Омске и Иркутске.

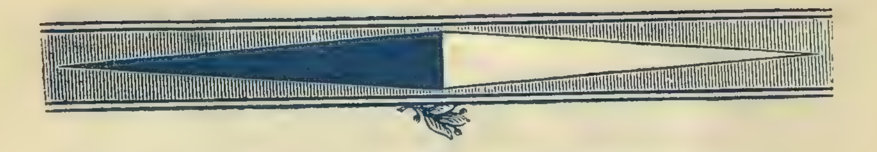
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второе столетие своего существования Географическое общество вступает в радостный и торжественный момент,— когда потерпели полное крушение державы с омерзительной идеологией фашизма и агрессии. Вместе с старым римским поэтом Вергилием, воспевавшим мирные времена, наступившие после ужасных потрясений войны, и мы можем воскликнуть:

Видишь? От тверди небесной до дна беспредельного моря
Сладкая дрожь пробежала по телу великому мира.
Видишь? Природа ликует, грядущее счастье почуя.

Предстоит перестройка всей географии мира, намечаются новые этнографические и политические границы, реорганизуется экономика, пред человечеством стоят великие задачи. И Географическому обществу надлежит принять посильное участие в новом строительстве жизни на основах справедливости, мирного развития и Советской демократии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОБАВЛЕНИЕ К ГЛАВЕ II

После того как предлагаемая книжка была сверстана, мне удалось познакомиться в Архиве Академии Наук СССР с неопубликованными дневниками Ф. П. Литке, в которых рассказана история возникновения Географического общества. Здесь мы читаем:

«Мысль о необходимости основать у нас Географическое общество давно бродила у меня в голове. Особенно расшевелилась она после банкета, который мы весною (1845 г.) дали возвратившемуся Миддендорфу. Однажды вечером разговорились мы об этом с сидевшими у меня Бэром и Фердинандом Врангелем и de fil en aiguille (слово за слово) положили сделать попытку: пригласили присоединиться к нам Ф. Ф. Берга, (В. Я.) Струве и человек 5 других. На меня возложили составить проект устава; там притянули в основатели еще человек 10 [на самом деле еще 7]. Еще должен был со всем этим ехать к министру внутренних дел (поелику одним из предметов наших была статистика России) — это было перед самым отъездом нашим на юг. В Севастополе получаю от Л. А. Перовского официальное извещение, что Общество наше утверждено, 10 тысяч рублей серебром субсидии, и К. Н. [великий князь Константин Николаевич] председателем. А по возвращении в Петербург узнаю о избрании меня в помощники председателя.— Взялся за гуж, не говори, что не дюж. Не взирая на краткость времени и другие хлопоты, надо было открывать Общество, что и сделали 7 октября» [1].

Из этого сообщения видно, что инициаторами Географического общества были Литке, Бэр и Врангель. Последний был третьим из числа трех «отцов» Географического общества, из коих имена двух приводит Бэр в своем упомянутом в тексте письме к Литке.

[1] Архив Акад. Наук, фонд 34, опись 1, № 4, стр. 1.

СПИСОК ГЛАВНЕЙШИХ ИЗДАНИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Подробные списки изданий Географического общества и его отделов за 1846—1905 гг. напечатаны в 4 выпусках «Указателя к изданиям Географического общества и его отделов» (1886, 1887, 1896, 1910). Указатель за 1906—1945 гг. подготовлен к печати и будет в ближайшее время напечатан. Ниже приводится список лишь основных изданий.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

Записки Русского географического общества, I—XIII, 1846—1859.

Географические известия, 1848—1850.

Вестник Географического общества, I—XXX, 1851—1860.

Записки Русского Географического общества, 1861—1864.

Известия Русского Географического общества, I—LXXVII, 1865—1945 (издание продолжается).

Отчеты Русского Географического общества, 1845—1911, 1915.

Сборник статистических сведений о России, I—III, 1851—1858.

Этнографический сборник, I—VI, 1853—1864.

Записки Географического общества по отделению этнографии, I—LI, 1867—1915.

Записки Географического общества по отделению этнографии, I—XLIII, 1867—1925, и XLIV, 1917.

Записки Географического общества по отделению статистики I—XIV, 1866—1915.

Метеорологический вестник, 1891—1935.

Живая старина, I—XXV, 1890—1916.

Кроме того, отделы и подотделы Общества в Иркутске, Красноярске, Тбилиси, Оренбурге, Киеве, Омске, Барнауле, Семипалатинске, Хабаровске, Владивостоке, Чите, Троицкосавске, Никольске-Уссурийском, Ташкенте, Вильне и Якутске печатали свои периодические издания, а некоторые, кроме того, годовые отчеты. Из изданий отделов мы упомянем лишь о наиболее обширных сериях:

Записки Кавказского отдела, I—XXX, 1852—1916.

Известия Кавказского отдела, I—XXV, 1872—1917.

Известия Сибирского (с 1878 г. Восточно-Сибирского) отдела, I—XLV, 1870—1929.

Записки Сибирского (с 1878 г. Восточно-Сибирского) отдела, I—XII, 1856—1886. Кроме того, издавались Записки по общей географии, I—II, 1890—1896; по этнографии, I—III, 1889—1896, по статистике,

I, 1889; Труды, № 1—4, 1897—1901. Сибирская Живая старина, I—IX, 1923—1929.[1]

Записки Западно-Сибирского отдела, I—XXXIX, 1879—1927.

Известия Западно-Сибирского отдела, I—VII, 1913—1930.

Известия Туркестанского (с 1928 г. Средне-Азиатского) отдела, I—XX, 1898—1932.

НЕПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА

Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Исследования 1847—1850 гг. I. Географические определения мест и магнитные наблюдения, М. Ковальского, 1853.—II. Э. Гофмана, 1856.

Сельская летопись, составленная из наблюдений, могущих служить к определению климата России, в 1851 г., I, 1854.

Землеведение Азии К. Риттера и дополнения П. П. Семенова и других, т. I—X, 1858—1895.

И. Аксаков. Исследование о торговле на украинских ярмарках, 1858.

G. Radde. Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1859, т. I—II, 1862—1863.

П. П. Семенов. Географо-статистический словарь Российской империи. I—V, 1863—1885.

Труды Сибирской экспедиции, т. I—III, 1864—1874.

М. Кривошапкин. Енисейский округ и его жизнь, 1865.

Труды экспедиции для исследования хлебной торговли и производительности в России, 1870—1876.

Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, под руководством П. П. Чубинского, 1872—1878.

Н. Северцов. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-шаня, 1873.

Н. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, т. I—II, 1875—1876.

Писцовые книги Московского государства. I. Писцовые книги XVI века, под ред. Н. В. Калачова, 1877, 1895, и указатель, 1895.

Труды Аму-дарьинской экспедиции 1874—1875, вып. 1, 3—5, 1877—1878.

А. Н. Куропаткин. Кашгария, 1879.

Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор, 1878.

Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия 1877—1880 гг., т. I—II, 1881—1883.

Н. М. Пржевальский. Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки, 1883.

Н. М. Пржевальский. Четвертое путешествие в Центральной

[1] Напечатан Систематический указатель всех изданий Отдела. 1851—1891 (Иркутск, 1891, 73 стр.) и 1891—1901 (Иркутск, 1902, 12 стр.).

Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима, 1888.
Научные результаты путешествий Пржевальского по Центральной Азии, 4°, Отдел ботанический, I и II, К. Максимович, 1889. Отдел метеорологический, А. И. Воейков, 1895.
Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 г. под начальством М. В. Певцова. I. Путешествие по восточному Туркестану, Кунлуню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии. Отчет М. В. Певцова, 1895.— II. Геологические исследования в восточном Туркестане К. И. Богдановича, 1892.
Труды русской полярной станции на устье Лены. 1882—1884. Астрономические, магнитные и метеорологические наблюдения, путешествие А. А. Бунге к устью Лены, 1886—1895.
Труды русской полярной станции на Новой Земле. 1882—1883. Магнитные и метеорологические наблюдения, 1886—1891.
Ежегодник Географического общества, I, 1890—VIII, 1899.
Г. Н. Потанин. Тангутско-тибетская окраина Китая и центральная Монголия, т. I—II, 1893.
Песни русского народа, I, 1894, II, 1899.
Г. Е. Грум-Гржимайло. Описание путешествия в Западный Китай, т. I—III, 1896, 1899, 1907.
П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского географического общества. т. I—III, 1896.
А. Позднеев. Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892—1893 г. т. I—II, 1896, 1898.
В. А. Обручев. Центральная Азия, северный Китай и Нань-шань. Отчет о путешествии 1892—94 гг. т. I—II, 1900, 1901.
Труды экспедиции по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского. I. Отчет В. И. Роборовского, вып. 1—3, 1900—1901.—II. Отчет П. К. Козлова, 1899.— III. Научные результаты экспедиции, 1899.
В. И. Липский. Горная Бухара. т. I—III, 1902—1905.
Монголия и Кам. Труды экспедиции П. К. Козлова. 1899—1901 гг., т. I—II, 1905—1907.
В. Л. Комаров. Путешествие по Камчатке 1908—1909 гг. М., 1912 (Труды эксп. Рябушинского).
Д. К. Зеленин. Описание рукописей архива Географического общества, т. I—III, 1914—1916.
И. В. Мушкетов. Туркестан, геологическое и орографическое описание, I, часть 1, 2-ое изд., дополненное, 1915.
Г. Ц. Цыбиков. Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам 1899—1902 гг., 1919.

П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция 1907—1909 гг., 1923.

Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, III, 1926—1930.

Д. А. Золотарев. Лопарская экспедиция 1927 г., Л., 1927.

Ф. Г. Иванов-Дятлов. Наблюдения врача на Кольском полуострове, Л., 1928.

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, его жизнь и деятельность, сборник статей под ред. А. А. Достоевского, 1928.

Труды Первого всесоюзного географического съезда (11—18 апреля 1933 г.). вып. 1—4, Л., 1934.

Л. С. Берг. Всесоюзное Географическое общества за сто лет, 1845—1945. Л., 1946. (издание Акад. Наук СССР).

Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725—1743). Л., 1945, 3-е изд. (издание Акад. Наук СССР).

Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий и русской географической науки. Л., 1945 (издание Акад. Наук СССР).

КАРТЫ

Карта Аральского моря и Хивинского ханства, сост. Я. В. Ханыков, 1851.

Карта Иссык-куля, сост. Я. В. Ханыков, 1851.

Карта северного Урала и берегового хребта Пай-Хоя, 2 листа, 1852.

Этнографическая карта Европейской России. 4 листа, сост. П. И. Кеппен, 1855; сост. А. Ф. Риттих, 1875.

Топографический межевой атлас Тверской губернии, сост. ген. Менде, М., 1853—1856.

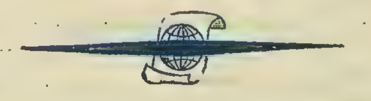
Топографический межевой атлас Рязанской губернии, 24 листа, сост. ген. Менде, М., 1860.

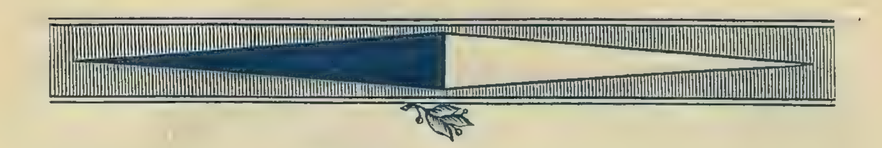
Карта Европейской России и Кавказского края, 12 листов, 1862, (многократно переиздавалась).

Карта речных областей Амура, южной части рр. Лены и Енисея и о-ва Сахалина, 7 листов, сост. Л. Шварц, 1864.

Диалектологическая карта русского языка в Европе (100-верстная) Н. И. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова, М., 1915.

Карта вулканов Камчатки с объяснительным текстом, составленным Н. Келлем, 1928.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Бий казахского рода кашкарау племени дулатов, *1857*. Был в экспедиции полк. Хоментовского за р. Чу в *1856* г., ранен и имеет медаль.

Старший султан казахов Большой орды, из племени дулатов, *1857* (был на коронации в Москве в 1855 г.).

Старое помещение Географического общества у Чернышева моста в здании министерства народного просвещения, *1862—1909*.

Библиотека в старом помещении Географического общества у Чернышева моста.

Николай Алексеевич Северцов (*1827—1885*). Портрет, писанный Т. Г. Шевченко 27 марта 1859 г. Из архива геогр. общ.

Тигры. Рисунок, сделанный с натуры Н. А. Северцовым.

Из биографии Н. А. Северцова, составленной Р. Л. Золотницкой.

Иван Васильевич Мушкетов (*1850—1902*).

Петр Алексеевич Кропоткин (*1842—1921*).

Николай Михайлович Пржевальский (*1839—1888*). С портрета, принадлежащего Географическому обществу.

Диплом на звание почетного члена Академии Наук, выданный Н. М. Пржевальскому. Подписан президентом Ф. П. Литке, вице-президентом В. Я. Буняковским и непременным секретарем Е. С. Веселовским. Избрание произошло 29 декабря 1878 г. (Оригинал в архиве Геогр. общ.).

Диплом, свидетельствующий об избрании 3 декабря 1880 г. Н. М. Пржевальского почетным членом Географического общества (Оригинал в архиве Геогр. общ.).

Памятник Н. М. Пржевальскому на берегу Иссык-куля.

Григорий Николаевич Потанин (*1835—1920*).

Михаил Васильевич Певцов (*1843—1902*).

Александр Васильевич Григорьев (*1848—1908*). Секретарь географического общества.

Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский в 1895 г.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (*1846—1888*).

Петр Кузьмич Козлов (*1863—1935*).

Адмирал Степан Осипович Макаров (*1848—1904*), член совета Географического общества (*1892—1895*).

Николай Михайлович Книпович (*1862—1939*).

Алексей Андреевич Тилло (*1839—1899*).

Александр Иванович Воейков (*1842—1916*).

Здание Географического общества в Демидовом пер., дом 8-а, законченное постройкой 28 декабря 1908 г.

Юлий Михайлович Шокальский (*1856—1940*).

Золотая медаль Географического общества имени Ф. П. Литке.

Золотая медаль Географического общества имени П. П. Семенова.

Золотая медаль Географического общества по отделениям статистики и этнографии.

Хранящаяся в Географическом обществе доска с подписью, сделанной участником Великой северной экспедиции штурманом Ф. Мининым 23 августа 1738 г. под 73°14′ с. ш.

1738 году августа 23 дня мимо сего мыса именуемого Енисея Северовосточного на боту Оби Почтолионе от Ѳлота штурман Федоръ Мининъ прошелъ къ осту оной в ширине 73°14′ N».

СОДЕРЖАНИЕ

Президент Географического общества
Л. С. БЕРГ — ВСЕСОЮЗНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО ЗА 100 ЛЕТ
1845 — 1945 гг.

*

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор Издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *О. Залышпина*
Корректор *Л. К. Николаева*

*

Переплет, титульные страницы,
заставки, концовки, инициальные буквы
и макет художественного оформления книги
художника *Н. А. Седельникова*

*

РИСО АН СССР № 2469. А—22407. Изд. № 746.
Тип. заказ № 736. Подп. к печ. 29/XI 1945 г. Формат
бум. $60 \times 92^{1}/_{16}$. Печ. л. $16^{1}/_{4} + 2^{1}/_{2}$ листа вклеек.
Уч.-изд. л. 15,75. Тираж 5000.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., 10

